

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

195

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

195

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1989

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук В. П. ДАРКЕВИЧ
кандидат исторических наук В. Г. МИРОНОВА

Славяно-русская археология.— М.: Наука, 1989.— 104 с., ил.— (Крат.-сообщ. Ин-та археологии. Вып. 195)

Выпуск открывается статьей В. В. Седова, посвященной важнейшим выводам славистов по проблеме этногенеза славян. В остальных статьях и публикациях исследуются и вводятся в научный оборот различные категории археологических материалов. Рассматриваются результаты новых раскопок городов, поселений и могильников, анализируются данные о ремеслах, изучаются проблемы этнокультурных контактов.

Для археологов и историков.

СТАТЬИ

В. В. СЕДОВ

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1979—1985 гг.

Наиболее трудно разрешимым в изучении славянского этногенеза по археологическим данным остается вопрос о древностях славян первой половины I тысячелетия н. э.

Славянские памятники начала средневековой поры ныне относительно хорошо исследованы на обширных пространствах Европы от Эльбы на западе до Днепра и Ильменя на востоке и от южного побережья Балтики на севере до Балканского полуострова на юге. Мысль, высказываемая единичными исследователями о том, что славяне в VI—VII вв. были едины в культурном отношении, поскольку пользовались еще общеславянским языком, явно ошибочна. Лингвистические материалы отчетливо свидетельствуют, что славяне на последнем этапе праславянского состояния не были монолитны в языковом отношении, праславянский язык членился на несколько диалектов¹. Отчетливо выявляемая археологическая дифференциация славянских древностей V—VII вв. (культуры пражско-корчакская, пражско-пеньковская, суковско-дзедзицкая, ранних длинных курганов), по всей вероятности, отражает диалектно-племенное деление раннесредневекового славянства.

В поисках и изучении древностей славян более ранней поры наиболее надежным и оправданным является ретроспективный метод, покоящийся на признании исторического развития племен и народов, их материальной и духовной культуры, на устойчивости и эволюции основных этнографических признаков.

На основе этого метода исследовался ранний этногенез славян мною в книге «Происхождение и ранняя история славян»². Поиски истоков древностей раннесредневекового славянства показали, что в Европе не обнаруживается археологических культур (или групп близкородственных), относящихся к предшествующему времени, из которых они могли бы эволюционировать в целом. Однако важнейшие этнографические признаки славянских культур V—VII вв. — лепная керамика, погребальный обряд и домостроительство — генетически связаны с соответствующими элементами двух провинциально-римских культур — пшеворской и черняховской. Конечно, эти культуры нельзя целиком считать славянскими. Наряду со славянами в формировании и генезисе пшеворской и черняховской культур участвовали различные германские племена, северопричерноморские иранцы, фракийцы, кельты.

Конечная стадия пшеворской и черняховской культур по времени соответствует крушению Римской империи и началу «великого переселения народов». Нужно полагать, что в этой связи прекратили функционирование основные ремесленные центры, снабжавшие население пшеворской и черняховской культур гончарной керамикой и металлическими изделиями, и произошел отлив населения в другие европейские области. Миграция в основном затронула зарождающееся княжеско-дружинное сословие и неславянское население. Таким образом, славянские

культуры V—VII вв. следует рассматривать не как прямое генетическое развитие пшеворской и черняховской культур, а как эволюцию культуры населения, не покинувшего мест своего обитания в эпоху «великого переселения». Это, очевидно, было коренное земледельческое население, говорившее в основном на славянском языке.

Славянские культурные элементы в провинциально-римских древностях территориально распространены неравномерно. Их концентрация позволила выделить висленский регион в пшеворской культуре и подольско-днепровский — в черняховской, в которых, по всей видимости, господствовало славянское население. Недавно И. П. Русанова предприняла попытку вычленения славянских и германских элементов в отдельных могильниках и на конкретных поселениях пшеворской культуры³.

Имеется ряд косвенных фактов, свидетельствующих в пользу проживания славян в ареале провинциально-римских культур первой половины I тысячелетия н. э. В научной литературе уже неоднократно отмечалось, что некоторые детали оборонительных деревянных конструкций раннесредневековых славян восходят к провинциально-римским традициям. То же можно сказать и о некоторых элементах связи славянского керамического дела раннего средневековья и провинциально-римского гончарства. Археолог ГДР Х.-Й. Фогт утверждает, что многие стороны ремесленной деятельности раннесредневековых славян, расселившихся в междуречье Эльбы и Одры, нельзя рассматривать вне связи с периферийно-римскими традициями. В частности, токарный станок славян VI—VII вв. является бесспорным наследием пшеворской культуры⁴. Греческий ученый Ф. Малингудис в докладе «Славяне на Пелопоннесе», прочитанном весной 1986 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в Москве, показал, что славяне, расселившиеся в VI в. в южных районах Греции, были прежде всего земледельцами, хорошо знакомыми с сельским хозяйством провинциально-римских областей.

Для познания славянского этногенеза существенное значение имеет анализ славяно-кельтских контактов в глубокой древности⁵. Археологическими работами установлено, что славянские железоделательное и железообрабатывающее ремесла, гончарство и земледелие выявляют осязаемое кельтское воздействие. Оказалось, что культовые постройки северо-западного (венедского) славянства раннего средневековья имеют параллели в кельтском храмовом строительстве и, очевидно, отсюда ведут свое начало. Все это говорит о том, что ранний славянский мир развивался где-то по соседству с кельтским ареалом.

Кельты из Среднего Подунавья двумя большими группами расселились на север и осели в Силезии и Малопольше. Со II в. до н. э. ощущается значительное воздействие кельтов на население пшеворской культуры. Позднее прослеживается инфильтрация кельтов в его среду, аккумулярация их в пшеворском регионе. Очевидно, этот процесс и следует рассматривать как кельтско-славянское взаимодействие.

В книге «Происхождение и ранняя история славян» предпринята попытка проникнуть в глубь славянского этногенеза ретроспективным путем⁶. Было показано, что памятниками самых ранних славян являются поселения и могильники культуры подклошевых погребений. Она сформировалась в условиях взаимодействия племен лужицкой культуры, входящей в круг средневропейских культур полей погребальных урн бронзового века, которые оставлены древнеевропейской языковой группировкой, и населения поморской культуры, расселившегося на территории лужицкой и принадлежавшего в языковом отношении, по всей вероятности, к окраинному диалекту балтов.

Каких-либо фактов, противоречащих этим этногенетическим построениям, в материалах, полученных наукой в последние годы, автор не находит.

Проблема славянского этногенеза в археологическом аспекте привлекала внимание Й. Германна⁷. В немалой части выводы этого ис-

следователя сходны с изложенными выше. Он утверждает, что в позднеримское время славяне представлены добродзеньской, иголомльской, нижнесилезской и прешовскими локальными группами пшеворской культуры, а также рипневской группой черняховской культуры. Из регионов распространения этих древностей в начале средневековья и началось широкое славянское расселение. Ближайшими соседями славян были германские племена, а на северо-востоке — балты, которым принадлежали области Верхнего Поднепровья, бассейны Немана и Западной Двины. Что касается доримского периода, то к славянским культурам, по мнению И. Геррманна, следует отнести пшеворскую в бассейне Вислы и зарубинецкую — в Припятском Полесье.

В книге «Мир славян», вышедшей в 1986 г., этот исследователь кратко изложил свои представления и о более ранних этапах этногенеза славян⁸. Согласно И. Геррманну, славяне сформировались главным образом в правобережной части Среднего Поднепровья. Их основу, как и италиков, кельтов, германцев, венетов, составляли племена культур полей погребений бронзового века, восточной частью которых были носители тшинецкой культуры. Формирование на базе последней чернолесской культуры и отражает сложение славянства. Дальнейшая история этого этноса связана с зарубинецкой и с частями черняховской и пшеворской культур.

Однако славянство населения чернолесской культуры обосновать трудно. С. С. Березанская утверждает, что по облику она принадлежит к кругу родственных между собой культур фракийского населения. Формирование чернолесской культуры не является эволюцией местных древностей, а обусловлено миграцией населения с юго-запада и запада. Поэтому есть все основания предполагать, что племена этой культуры принадлежали к фракийскому этносу⁹.

Тезис о принадлежности славянам пшеворской и черняховской культур в целом бытует в научной литературе довольно широко¹⁰. Однако имеются исследователи, отрицающие участие славянского населения в развитии провинциально-римских археологических культур. Наиболее последовательно отстаивает эту точку зрения в последние годы К. Годловский¹¹.

Сосредоточив внимание на том, что культуры славянского населения начала средневековой поры в сопоставлении с провинциально-римскими — пшеворской и черняховской — выглядят заметно примитивнее, польский археолог утверждает, что раннесредневековые славяне не могли быть наследниками провинциально-римских культур. Население последних не только в культурном, но и в общественном развитии было выше по сравнению со славянами начала средневековья. Это дало основание К. Годловскому отрицать какую-либо связь славян с племенами пшеворской и черняховской культур. Исследователь полагает, что славянские древности первой половины I тысячелетия н. э. надо искать среди археологических культур, не затронутых римской цивилизацией, где-то в лесной полосе Восточной Европы.

Это — не новая точка зрения. В частности, П. Н. Третьяков и И. Вернер утверждали, что Повисленье, Поднестровье и Среднее Поднепровье в римское время были заняты германскими племенами. Славяне, представленные зарубинецкой культурой, под натиском германских племен вынуждены были отойти в лесные области Восточной Европы.

К. Годловский определяет пшеворские и черняховские древности как восточногерманские. Славянской, по его мнению, была позднезарубинецкая культура, распространенная в Верхнем Поднепровье севернее Киева. По уровню социально-экономического развития и по общему облику она, полагает этот исследователь, близка к славянским культурам раннего средневековья. И только когда в V в. н. э. германцы ушли из северопричерноморских земель и Висло-Одранского междуречья, началась бурная миграция славян в опустевшие регионы и далее на запад до Эльбы, а также в Подунавье и на Балканский полуостров.

Для обоснования построений К. Годловский картографировал вещевые находки V в. н. э. Оказалось, что все они обнаружены в восточно-европейских культурах — корчакской, пеньковской, колочинской, тушемлинской, ранних длинных курганов, которые относятся этим исследователем к раннеславянским. В западнославянских и южнославянских землях, утверждает К. Годловский, наиболее ранние находки в славянских памятниках датируются только VI в. н. э.

Возникает вопрос, каковы связи позднезарубинецкой культуры с названными культурами раннего средневековья. Ведь ни культура ранних длинных курганов, ни корчакская, ни тушемлинская не имеют отношения к позднезарубинецкой. Основные этнографические элементы ранне-средневековой славянской культуры — домостроительство и керамический материал — принадлежат к иным типам, не сопоставимым с зарубинецкими. Правда, позднезарубинецким поселениям свойственны полуземляночные жилые постройки, но интерьер их явно отличен от ранне-средневекового славянского, а присутствие центрального опорного столба выделяет их из среды славянских и по конструктивным особенностям.

Заметный вклад в изучение славянского этногенеза внесен в последние десятилетия украинскими археологами. Это относится, правда, в основном к пополнению фонда археологических источников для разработки проблемы.

Суммируя все накопленное по вопросам славянского этногенеза украинскими исследователями, В. Д. Баран в своих построениях исходит из того, что полуземляночные жилища являются основным культурноопределяющим признаком славянских древностей. Если для культур славян начала средневековья, к которым, по представлениям этого археолога, относятся пражская, пеньковская и колочинская, характерны жилища-полуземлянки, то и славянам римского времени должны быть свойственны тоже полуземляночные постройки. Последние на территории Украины действительно выявлены на части поселений черняховской культуры и на памятниках киевского типа. Отсюда делается вывод, что эти древности и следует считать славянскими для первой половины I тысячелетия н. э. В более западных областях Европы, в частности, в междуречье Вислы и Одры и бассейне нижнего и среднего Дуная, утверждает В. Д. Баран, славяне поселились позднее, только в VI—VII вв., свидетельством чего служит появление в этих регионах полуземляночных жилищ именно в это время¹².

Однако ошибочно полагать, что жилища-полуземлянки строились исключительно славянами. Полуземляночные жилые постройки археологам известны и на памятниках других этноязыковых группировок, в частности, в среднеевропейских землях уже в римское время. Очевидно, для надежных этнических построений среди всех известных жилищ-полуземлянок необходимо прежде всего вычленить славянские типы. С другой стороны, не следует сбрасывать со счета и тот неоспоримый факт, что славянский мир в раннем средневековье широко пользовался и наземными срубными домами, а последние своими корнями также уходят в римское время.

Пожалуй, самым существенным моментом в изучении проблемы славянского этногенеза следует считать выявление украинскими археологами надежных связей между черняховской культурой (в отдельных ее регионах) и славянскими древностями раннего средневековья. В частности, исследованное В. Д. Бараном поселение Теремцы представляет собой один из таких переходных памятников.

К V Международному конгрессу славянской археологии, состоявшемуся в 1985 г. в Киеве, украинские исследователи выпустили интересную книгу, посвященную анализу вопросов этногенеза славян на материалах территории Украины¹³. Истоки формирования славянских культур начала средневековья теперь украинские археологи видят в части пшеворской и черняховской культур, а также в культуре киевского типа.

Однако этот вывод касается только славянских древностей территории Украины и соседних регионов Белоруссии. В бассейнах Вислы и Одры, по мнению авторов книги, славянские древности VI—VII вв. эволюционировали самостоятельно, независимо от миграций славян.

Очевидно, что проблема генезиса славянской культуры от римского времени к раннему средневековью, как и вся проблема этногенеза славян в целом, не может быть разрешена на материалах археологии, происходящих только с территории Украины.

Проблема славянского этногенеза рассматривалась в работах Б. А. Рыбакова¹⁴. Ретроспективный метод исследования им отрицается, поскольку таковой будто бы игнорирует скачки в развитии культуры, имевшие место на определенных этапах, не учитывает влияния более развитых цивилизаций.

Этногенетические построения древнейшей истории славянства Б. А. Рыбаковым основываются на предположении, что этот этнос на протяжении двух тысячелетий проживал на одной территории и только в средневековье начал расселяться отсюда на более широких пространствах.

Исследователь начинает праславянский период с XV в. до н. э. (вслед за лингвистом Б. В. Горнунгом) и выделяет несколько этапов его развития. Первый связывается с тшинецко-комаровской культурой (XV—XIII вв. до н. э.). Область ее распространения, по мнению Б. А. Рыбакова, была «первичным местом объединения и формирования впервые отпочковавшихся праславян... Эта область может быть обозначена несколько туманным словом „прародина“»¹⁵. Как известно, ареал тшинецко-комаровской культуры занимает пространство от Одры на западе до левобережной части Среднего Поднепровья на востоке.

Второй этап этногенеза славян датирован Б. А. Рыбаковым XI—III вв. до н. э. и назван «лужицко-скифским». Славяне этого периода представлены несколькими различными культурами — лужицкой, белогрудовской, чернолесской и скифскими лесостепными. Пшеворская и зарубинецкая культуры во II в. до н. э.—II в. н. э. составляли третий этап эволюции славян. Четвертый этап относится ко II—IV вв. (пшеворская и черняховская культуры), а следующий, пятый, — уже к раннему средневековью.

Принадлежность славянам всех названных культур определяется Б. А. Рыбаковым тем, что ареалы их вписываются в одно и то же пространство от Днепра до Одры. Территория славянских культур VI—VII вв., утверждает исследователь, в значительной мере совпадает с регионом более ранних археологических культур, относимых к славянам. Какой-либо преемственности между культурами разных этапов часто не обнаруживается, но, по мнению Б. А. Рыбакова, она и не обязательна.

Думается, что тезис о стабильности территории расселения славян на протяжении двух тысячелетий требует доказательств. Археологии хорошо известны экспансия кельтов, многочисленные передвижения германских племен, миграции ираноязычного населения в Юго-Восточной Европе и т. п. Вполне очевидно, что этногенез кельтов или германцев, иранцев или балтов, да и других этносов нельзя изучать методом, предлагаемым Б. А. Рыбаковым. Кажется, нуждается в объяснении и делаемое для славян исключение.

Работу по изучению славянского этногенеза активно ведет В. Гензель¹⁶. Согласно его представлениям, в III и II тысячелетиях до н. э. в Европе существовала балто-славянская этноязыковая общность, занимавшая территорию между Вислой и средним Днепром. Будущим славянам (протославянам) исследователь отводит ее южную часть. В период между 900 и 700 гг. до н. э. в условиях взаимодействия протославян с иллирийцами — племенами лужицкой культуры — складываются праславяне. Этот процесс протекал в бассейне верхней и средней Вислы и в Припятском Полесье. Границы праславянской территории, утверждает

В. Гензель, на протяжении столетий не оставались стабильными, а неоднократно подвергались изменениям. Кроме того, не исключено, что на славянской территории жили и неславянские племена. На рубеже нашей эры славянскими, по мнению В. Гензеля, были племена пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур. На их основе и сформировались славянские культуры раннего средневековья. Этногенетические построения этого исследователя не предусматривают анализа связей между археологическими культурами. Впрочем, славянство большинства из этих культур признается априорно многими исследователями, это — традиционная точка зрения, распространенная в археологической литературе середины XX в.

В. Гензель отстаивает идею о необходимости создания специальной научной дисциплины — этногенезологии. Ее представителям предстоит со знанием дела анализировать и систематизировать результаты, полученные, в частности в области славянского этногенеза, различными науками — языковедением, топонимикой, археологией, антропологией, историей, фольклористикой и т. п. Специалистов-этногенезологов предстоит готовить со студенческой скамьи.

Несколько особенно стоит представление об этнической истории ранних славян, изложенное чешским археологом З. Ваня¹⁷. Обращая внимание на противоречия среди ученых, занимающихся этой проблематикой, исследователь предлагает начинать историю славянства только с VI столетия н. э. З. Ваня считает, что до этого времени еще происходил процесс интеграции славян и их языка в балто-германо-иранской сфере и только к началу средневековья можно говорить о славянском этносе с его самостоятельным языком. Формирование славян происходило на стыке трех археологических культур — восточной части пшеворской, северо-западной части черняховской и южной части зарубинецкой. Завершение процесса интеграции славян соответствует концу этих культур в IV—V вв. и сложению раннесредневековых древностей.

Новейшие исследования по славянскому этногенезу свидетельствуют, что в настоящее время археологами ведутся активные поиски путей и методов разрешения этой сложной проблемы. Параллельно плодотворно работают в области глоттогенеза и этногенеза славян лингвисты. Результаты последних изысканий языковедов получили отражение в докладах и дискуссии на IX Международном съезде славистов (Киев, 1983 г.)¹⁸.

В своих этногенетических построениях лингвисты по самым различным причинам обычно не принимают во внимание археологические данные. Исключение, пожалуй, составляет исследование В. В. Мартынова¹⁹. Правда, его гипотеза целиком покоится на анализе языковедческих фактов, а материалы археологии служат иллюстративным фоном. Согласно изысканиям этого исследователя, предки славян в глубокой древности составляли часть прабалтского этнического массива. Образование протославян было результатом воздействия италийского суперстрата на западную часть прабалтских племен. Протославяне отождествляются В. В. Мартыновым с племенами лужицкой культуры. Славяне же сложились в условиях взаимодействия протославян с массивом иранского населения, проникшего на территорию лужицкой культуры, что привело к ее финалу. Это событие определяется V в. до н. э. С этого времени и начинается история собственно славянского языка и этноса. Несколько позднее славяне испытали заметное воздействие германцев и кельтов, что отчетливо проявляется в языковых материалах как следствие соседских контактов этих этносов.

¹ Трубочев О. Н. О составе праславянского словаря: Проблемы и задачи // Славянское языковедение: V Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1963. С. 159—196.

² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

³ Русанова И. П. Компоненты пшеворской культуры // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 43—46.

- ⁴ Фогт Х.-И. К развитию токарного ремесла по дереву у северо-западных славян// Тез. докл. делегации ГДР на IV Международном конгрессе славянской археологии. Берлин, 1980. С. 69—72.
- ⁵ Седов В. В. Славяне и кельты//История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1983. С. 97—107.
- ⁶ Седов В. В. Происхождение и ранняя история... С. 38—52.
- ⁷ Herrmann J. Wanderungen und Landnahme im westslawischen Gebiet//Settimane di studio del Centro italiano die studi sull'alto medicevo. Spoleto, 1983. Т. 30. С. 75—101.
- ⁸ Die Welt der Slawen: Geschichte, Gesellschaft, Kultur. Leipzig; Jena; Berlin, 1986. S. 11—18.
- ⁹ Березанская С. С. Об этнической принадлежности племен чернолесской культуры// Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 14, 15.
- ¹⁰ Vaňa Z. Die Welt der alten Slawen. Praha. 1983. S. 9—27.
- ¹¹ Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e. Kraków, 1979; *Idem*. Zur Frage der Slawensitze vor der grossen Slawenwanderung im 6. Jahrhundert//Settimane di studio del Centro italiano die studi sull'alto medicevo. Spoleto, 1983. Т. 30. С. 257—284.
- ¹² Баран В. Д. Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя за новими археологічними даними//IX Міжнародний з'їзд славистів: Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: Доповіді. Київ, 1983. С. 165—179.
- ¹³ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев, 1985.
- ¹⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 214—230.
- ¹⁵ Там же. С. 221.
- ¹⁶ Hensel W. Skąd przyszli słowianie. Wrocław, 1984.
- ¹⁷ Vaňa Z. Poznámky k etnogenezi a diferenciaci Slovanů z hlediska poznatků archeologie a jazykovědy//Památky archeologické. Praha, 1980. Т. 71. С. 225—237; *Idem*. Der Ursprung der Slawen im Lichte der Sprachwissenschaft und Archäologie//Anthropologie. Praha, 1981. Т. 19, fasc. 2. S. 161—164.
- ¹⁸ Седов В. В. Вопросы этногенеза славян на IX Международном съезде славистов// КСИА. М., 1986. Вып. 187.
- ¹⁹ Мартынов В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов. Минск, 1982.

Н. В. ЛОПАТИН

ТУШЕМЛЯ, ДЕМИДОВКА, КОЛОЧИН: О СООТНОШЕНИИ КЕРАМИКИ ВЕРХНИХ СЛОЕВ

Древности типа Тушемли и Колочина относятся к середине—третьей четверти I тысячелетия н. э. и распространены в Верхнем Поднепровье, заходя на территории соседних речных бассейнов.

Вопросы выделения археологических культур и локальных вариантов в данной группе древностей, а также их этнического определения были поставлены в конце 50-х — начале 60-х годов¹. Проблема соотношения керамики юга и севера Верхнего Поднепровья, тесно связанная с этими вопросами, рассматривалась во многих исследованиях². Большинство авторов признает, что имеющиеся различия в формах керамики недостаточны для вычленения самостоятельных археологических культур. Культуры и их локальные варианты выделяются исследователями на основании различий в характере памятников, домостроительства, типов инвентаря.

П. Н. Третьяков, выделяя в верхнеднепровских древностях два разнотипных эталона, наряду с другими категориями материала придавал диагностическое значение и керамике³. Однако недостаточность источниковедческой базы лишала его точку зрения доказательности, и она была подвергнута критике⁴. Е. А. Горюнов поддержал П. Н. Третьякова и предпринял попытку наметить для разных районов Верхнего Поднепровья различия внутри наиболее массовых групп керамики — тюльпановидных, баночных и ребристых горшков⁵.

Как представляется, нерешенность вопроса о соотношении керамики юга и севера Верхнего Поднепровья обусловлена в первую очередь сле-

дующим. Во-первых, в научный оборот введены в основном целые керамические формы, число которых ограничено, а это не позволяет судить о характерности той или иной формы для отдельных регионов. Во-вторых, сравнение керамики обычно производится между несколькими крупными регионами, при этом остаются скрытыми различия керамических комплексов внутри регионов, а обобщенные данные по целому региону становятся непоказательными.

В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть верхнеднепровскую керамику середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в мало разработанном аспекте: сравнительному анализу подвергнуты как целые формы, так и серии фрагментов из трех важнейших эталонных комплексов для севера (верхние слои Тушемли и Демидовки) и юга (верхний слой Колочина) Верхнего Поднепровья. Городище Демидовка находится на Днепре, недалеко от Смоленска, Тушемля — на Соже, на 50 км южнее, Колочин — на Днепре в южной Белоруссии, примерно в 300 км к югу от Демидовки. Все три памятника раскопаны полностью: Тушемля и Колочин — во второй половине 50-х годов (соответственно П. Н. Третьяковым и Э. А. Сымоновичем), Демидовка — в конце 50-х — 60-е годы Е. А. Шмидтом.

В 1963 г. П. Н. Третьяков писал: «Керамика Колочинского городища близка тушемлинской, но она нередко обладает западными чертами — ребром на половине высоты сосуда»⁶. Позднее он указывал на сходство керамики Демидовки и Колочина и отличие той и другой от керамики Тушемли⁷. Э. А. Сымонович отмечал, что некоторые аналогии для группы слабопрофилированной керамики Колочина дает городище Тушемля⁸. Характеризуя керамику Демидовки, Е. А. Шмидт указывал, что сосуды одной из выделенных групп (слабопрофилированные) «являются точной аналогией сосудам из городища Тушемля, а на городище Колочин встречены аналогии всем группам керамики Демидовки»⁹. Однако эти наблюдения до настоящего времени не получили детального обоснования и развития, а также историко-культурной интерпретации. Более того, в большинстве работ 70—80-х годов Смоленщина рассматривается как однородный в культурном отношении регион, а керамика при сравнении с другими регионами берется суммарно со всех памятников.

Ниже приводятся результаты анализа следующих керамических материалов: Демидовка — 92 единицы — от фрагментов венчиков до целых форм (автор благодарит Е. А. Шмидта за предоставленные материалы); Тушемля — 13¹⁰; Колочин — 55¹¹.

В литературе изложено несколько систем типологии керамики рассматриваемого круга древностей¹². В связи с преобладанием в изученной выборке фрагментированной керамики деление на виды проведено на основании различий в профилировке верхних частей сосудов, как и в типологии Е. А. Горюнова. Для трех памятников в целом выделено пять основных видов горшкообразных сосудов: 1) с ребристым перегибом тулова; 2) с суженной горловиной; 3) с широкой горловиной, близкой к цилиндрической; 4) S-видного профиля; 5) с загнутым внутрь невыделенным венчиком и с вертикальным венчиком, отделенным от тулова уступом. Кроме того, имеются переходные между видами формы, некоторые из них также составляют серии.

Вид 1 представлен в Демидовке (рис. 1, 1—11) и Колочине (рис. 1, 12—15). Ребро иногда подчеркнуто оттянутым валиком (рис. 1, 7, 10, 13, 15). Обычно среди ребристых сосудов принято выделять биконические и цилиндроконические в зависимости от степени наклона стенок верхней части. Изученные материалы позволяют рассматривать их в рамках одного вида в качестве вариантов, не имеющих между собой четкой границы. Преобладают экземпляры, занимающие промежуточное положение между биконической и цилиндроконической формами. Стенки верхней части у большинства сосудов прямые. Возможно, ребристые сосуды Демидовки часто имели ребро в верхней трети (рис. 1, 2)¹³.

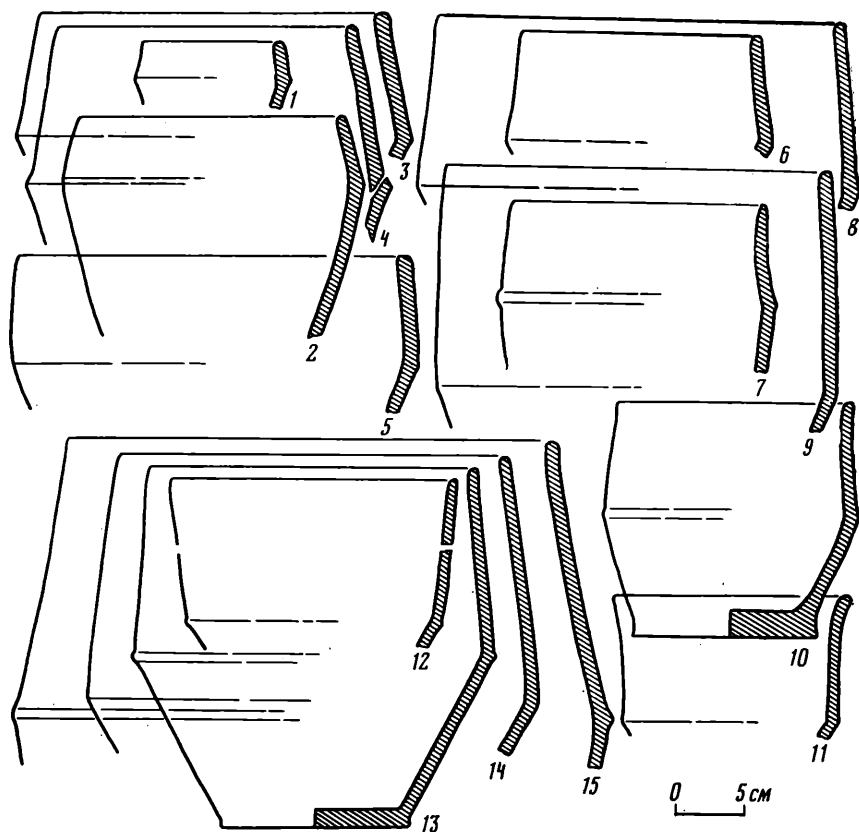

Рис. 1. Керамика вида 1

1—11 — Демидовка; 12—15 — Колочини

Вид 2 также представлен в Демидовке (рис. 2, 6—11) и Колочине (рис. 2, 1—5), но в основном небольшими фрагментами, что не дает возможности разбить его на варианты. Основная часть венчиков, отнесенных к этому виду, принадлежит, очевидно, сосудам, именуемым в литературе «округлобокими» или «выпуклобокими», которые имеют наибольшее расширение во второй трети высоты. Часть венчиков относится к сосудам пражско-корчакского типа (рис. 2, 3, 4), которые встречаются на памятниках колочинской культуры¹⁴.

Целые сосуды и значительные серии фрагментов вида 3 встречены в Демидовке (рис. 2, 15—20) и Колочине (рис. 2, 12—14). Здесь, как и в рамках вида 2, объединена керамика разных пропорций (например, рис. 2, 14 и 20), однако отсутствие серий целых форм не позволяет дать более дробную типологию. Оттянутый валик на одном из колочинских горшков вида 3 играет чисто декоративную роль, не отмечая ребристого перегиба (рис. 2, 12). Эта деталь, как и близкие пропорции сосудов видов 1 и 3 (например, рис. 1, 13 и 2, 14), свидетельствует об органической связи двух видов в едином керамическом комплексе.

К виду 4 относится большинство сосудов Тушемли (рис. 3, 4—11) и серия фрагментов Демидовки (рис. 3, 1—3). Наибольший диаметр тулова этих сосудов приходится на верхнюю треть высоты.

Серия фрагментов Колочина (рис. 2, 21), Демидовки (рис. 2, 22, 23) и Тушемли (рис. 2, 24) занимает промежуточное положение между видами 3 и 4 (вид 3—4): отогнутый венчик является признаком вида 4, невыделенность шейки при цилиндрической форме верхней части — вида 3. Сосуды такой формы, как и сосуды видов 3 и 4, часто именуются в литературе «тюльпановидными». Очевидно, что сходство этих видов ограничивается слабой профилированностью сосудов, общей для всей

Рис. 2. Керамика видов 2, 3, 3—4

1—11 — вид 2; 12—20 — вид 3; 21—24 — вид 3—4; 1—5, 12—14, 21 — Колочин; 6—11, 15—20, 22, 23 — Демидовка; 24 — Тушемля

керамики данной группы древностей. Этим же обусловлены переходные формы. Так, кроме вида 3—4, можно было бы составить серию по профиловке верхней части сосудов (рис. 2, 1, 10, 20; 3, 1, 7), которые расположены на границах видов 2—3, 2—4, 3—4. При отнесении данных экземпляров к тому или иному виду существенную роль играет сопоставление их с сосудами более четкой профиловки, происходящими из тех же памятников. Очевидно, различия между видами 2, 3 и 4 отчетливо проявляются даже во фрагментированной керамике, и наличие переходных форм не мешает их распознавать.

Вид 5 — второй по массовости (три экз.) в Тушемле. Венчики этих сосудов либо не выделены (рис. 3, 14), либо выделены плавным уступом (рис. 3, 15, 16). Два экз. Демидовки принадлежат первому варианту (рис. 3, 12, 13).

Соотношение керамических форм трех памятников по выделенным видам на качественном уровне показано в таблице. Однако эта таблица не отражает истинного соотношения, для выяснения которого необходимо учесть количественное распределение изученных фрагментов по видам и памятникам.

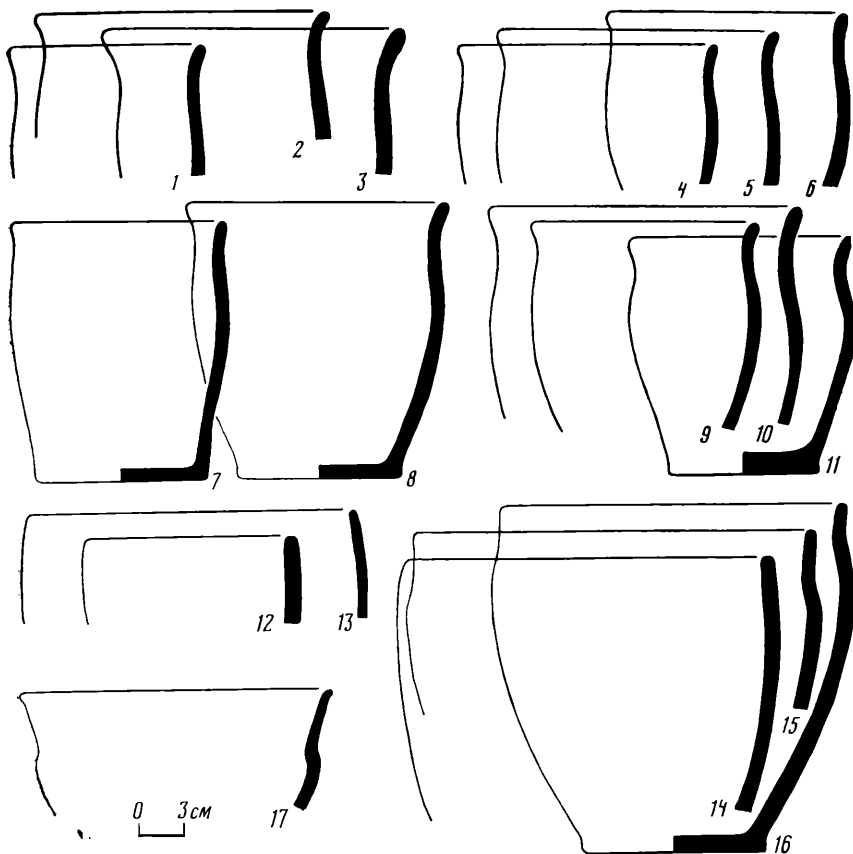

Рис. 3. Керамика видов 4 и 5

1—11 — вид 4; 12—16 — вид 5; 17 — фрагмент миски; 1—3, 12, 13 — Демидовка; 4—11, 14—17 — Тушемля

Виды 1—3 представлены в Колочине и Демидовке большими сериями. Не исключено, что для каждого памятника характерны разные пропорции сосудов, но из-за отсутствия серий целых форм этот вопрос остается открытым. Необходимо кратко охарактеризовать керамику Колочина и Демидовки, не отраженную на рисунках. Это преимущественно мелкие фрагменты, отнести которые к определенному виду трудно. Так, например, прямой вертикальный венчик может принадлежать как цилиндроконическому сосуду вида 1, так и сосуду вида 3. Однако подавляющее большинство мелких фрагментов керамики Колочина и Демидовки должно быть распределено между видами 1, 2 и 3, так как среди них практически отсутствуют отогнутые наружу (как у видов 4 и 3—4) и вогнутые внутрь или отделенные от тулова уступом (как у вида 5) венчики.

Находки сосудов вида 3—4 на всех трех памятниках не могут пока служить надежным аргументом в пользу их сходства, поскольку этот вид везде представлен единичными экземплярами.

Таблица
Распределение керамики по видам

Виды	Колочин	Демидовка	Тушемля	Виды	Колочин	Демидовка	Тушемля
1	+	+	—	3—4	+	+	+
2	+	+	—	4	—	+	+
3	+	+	—	5	—	+	+

Видами 4 и 5 исчерпывается набор форм горшковидных сосудов Тушемли. В Демидовке же эти виды количественно значительно уступают видам 1—3. Кроме того, для сосудов вида 4 в материалах Демидовки характерно, вероятно, более низкое расположение максимального расширения тулова по сравнению с сосудами вида 4 Тушемли (ср. рис. 3, 1, 2 и 4—11). Неизвестен в Демидовке и второй вариант вида 5, представленный в Тушемле двумя экз.

Особо следует отметить ввиду четкости отличительных признаков крупный фрагмент чернолощенной миски с уступом, раструбообразным венчиком и валиком по краю, найденный в Тушемле (рис. 3, 17). Такая керамика в Колочине и Демидовке неизвестна¹⁵.

В итоге анализа выявляется значительное сходство керамики Колочина и Демидовки, а также отличие от нее керамики Тушемли. Возможно несколько вариантов объяснения этого факта. 1. Считается, что Тушемля — наиболее поздний памятник рассматриваемого круга древностей¹⁶, с чем и связывается его своеобразие. Однако основанием для такого мнения служат единственная радиоуглеродная дата (960±150) и соображения о хронологии серпа и жернова, высказанные П. Н. Третьяковым¹⁷. Современные представления о радиоуглеродном датировании (необходимость получения серии дат) и разработки по хронологии сельскохозяйственных орудий¹⁸ делают эти аргументы недостаточными. Представляется, что до специального исследования верхний слой Тушемли должен условно считаться одновременным верхним слоям Демидовки и Колочина. 2. Можно предполагать, что керамический набор Тушемли неполон в связи с функциональными особенностями памятника. Однако эта гипотеза не может объяснить отсутствие аналогий некоторым керамическим формам Тушемли в двух других памятниках. 3. Считаем наиболее перспективной для объяснения наблюдаемого различия гипотезу П. Н. Третьякова о двух разных традициях в Верхнем Поднепровье третьей четверти I тысячелетия н. э.¹⁹ В то же время ввиду некоторых черт сходства между керамикой Демидовки и Тушемли преждевременно отказываться от поисков связующих звеньев и родства между этими двумя традициями, признавая, вслед за П. Н. Третьяковым, их носителей разноэтничными. В заключение отметим, что сходство керамики Колочина и Демидовки нужно учитывать при изучении ареала колочинской культуры.

¹ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 30; Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.//МИА. М., 1963. № 108. С. 54; Сымонович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине//Там же. С. 136.

² Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 277, 278; Сымонович Э. А. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья//СА. 1966. № 3. С. 40; Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины//МИА. М., 1970. № 176. С. 66, 67; Митрофанов А. Г. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии// Древности Белоруссии Минск, 1966. С. 230; Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978. С. 105; Поболь Л. Д. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье// Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 213—215; Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Ч. I. С. 236; Русанова И. П. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии//Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 186—188; Она же. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 71; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья//МИА. М., 1970. № 163. С. 50, 51; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982. С. 32; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981. С. 45, 46; Минасян Р. С. Поселение и могильник на берегу оз. Узьмень//Тр. ГЭ. Л., 1979. Т. 20. С. 182; Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днестра и Немана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 12—15.

³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... С. 277, 278; Он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 62—64.

⁴ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья... С. 52; Русанова И. П. Славянские древности... С. 61, 62.

⁵ Горюнов Е. А. Ранние этапы... С. 9, 45, 46.

- ⁶ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища... С. 30.
- ⁷ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... С. 277, 278; *Он же*. По следам древних славянских племен. М., 1982. С. 71.
- ⁸ Сымонович Э. А. Городище Колочин I... С. 128, 136.
- ⁹ Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники... С. 53, 54; *Он же*. О культуре городищ-убежищ... С. 67.
- ¹⁰ Всего в верхнем слое Тушемли обнаружено около 20 сосудов, но в настоящее время их фрагменты перемешаны, и до повторной реставрации проанализировать всю серию не представляется возможным.
- ¹¹ Фонды Смоленского музея-заповедника (Демидовка, Тушемля), Гомельского и Речицкого краеведческих музеев (Колочин).
- ¹² Русанова И. П. Славянские древности... С. 69, 70; Митрофанов А. Г. Железный век... С. 105; Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности... С. 12—15; Горюнов Е. А. Ранние этапы... С. 18, 19; Шмидт Е. А. Тушемлинская культура на верхнем Днепре и формирование смоленских кривичей//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 100.
- ¹³ Шмидт Е. А. Тушемлинская культура... С. 100 (тип VII).
- ¹⁴ Горюнов Е. А. Ранние этапы... С. 19, 46.
- ¹⁵ Целые мискообразные сосуды во всех изученных материалах единичны, поэтому их соотношение специально не рассматривается. Лощеную поверхность имеют и некоторые горшкообразные сосуды, но для изучения соотношения этот признак пока применить не удалось.
- ¹⁶ Русанова И. П. Славянские памятники... С. 187; Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности... С. 18; Горюнов Е. А. Ранние этапы... С. 45.
- ¹⁷ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища... С. 17, 70.
- ¹⁸ Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья//АСГЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 79; *Он же*. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы по археологическим данным//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 26.
- ¹⁹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне... С. 277—279.

Б. А. ТИМОЩУК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОРОДИЩ-УБЕЖИЩ

Городища-убежища вызывали интерес исследователей давно. Еще в прошлом столетии писали о «пустых оградах, населенных только в военное время»¹. Более пристальное внимание этим памятникам начали уделять с 30-х годов XX в. С. В. Киселев подчеркнул важность изучения городищ-убежищ и отметил, что они характеризуются незначительным культурным слоем². Н. Н. Воронин утверждал, что убежища мордвы и ятвягов упоминаются в летописях под названием «тверди»³, и к этому типу памятников отнес Ковшарское городище IX—XI вв., огражденное деревянными стенами⁴.

Целенаправленные исследования городищ-убежищ балтов и славян проведены в послевоенные годы П. Н. Третьяковым⁵. На городищах-убежищах были открыты святилища — первое свидетельство того, что они не только служили пунктами временной обороны местного населения, но и являлись культовыми местами. В. В. Седов, ссылаясь на этнографические материалы, показал, что городища-убежища в более позднее время использовались «как места общинных празднеств, общинных братчин, мирских сходок и других обрядов, уходящих своими корнями в язычество»⁶.

Характеризуя городища-убежища, П. А. Раппопорт писал: «Это — небольшие укрепления, большей частью очень примитивные по своей военно-инженерной организации, построенные целиком на использовании естественных защитных свойств местности. Они не были заселены. Культурный слой на них обычно полностью отсутствует... Сюда в моменты опасности стекалось население соседних деревень»⁷.

Новые данные о восточнославянских городищах-убежищах VIII—IX вв. получены на Буковине экспедициями Черновицкого университета

(с 1968 г.) и Института археологии АН СССР (с 1982 г.). Здесь проведено сплошное археологическое обследование и выяснено, что славянские поселения располагаются отдельными гнездами, каждое из которых принадлежало отдельной общине⁸.

На территории каждого гнезда-общины выделяется главное поселение — общинный центр. Большинство из них было укреплено. В Черновицкой обл. обнаружено 37 таких городищ. Их типологическая классификация по таким критериям, как система и конструкция оборонительных линий, характер застройки и место городища среди окружающих синхронных поселений, позволила выделить три основных типа: 1) административно-хозяйственные центры; 2) убежища; 3) святилища.

Городища этих трех типов имеют много общих признаков. Например, для всех характерны длинные дома-континны. Больше всего общих признаков имеют городища-убежища и городища—административно-хозяйственные центры.

Городища-убежища Буковины⁹ расположены на высоких мысах и холмах и имеют хорошую естественную защиту. Они были ограждены, не считая искусственных подрезок склонов мысов, одной линией укрепления. Основу ее составляли деревянные стены столбовой конструкции или из горизонтальных бревен, закрепленных столбами-стояками, или в виде отдельно стоящих срубов (стена такой конструкции в летописях упоминается под названием «столпие»), или в виде частокола. Стены типа «столпие» характерны лишь для городищ—административно-хозяйственных центров (например, Добрыновцы и Горишние Шеровцы). Городища-убежища ограждались, как правило, стенами из горизонтально уложенных бревен.

Стена из горизонтальных бревен, закрепленных столбами-стояками, лучше всего изучена на Ломачинском городище¹⁰. Здесь остатки сожженных стен около рубежа IX—X вв. были засыпаны земляным валом новой крепости — феодального центра — и таким образом законсервированы. На отдельных участках стена сохранилась на высоту до 1 м. Ее горизонтально положенные бревна были закреплены опорными столбами, в пазы которых вставлялись заостренные концы, и столбами, вкопанными с обеих сторон стены. Снаружи стена была усилена насыпным земляным откосом высотой 1 м, шириной 1,5 м. Далее проходил ров глубиной 2 м, шириной 6 м. Укрепления такой конструкции обнаружены и на других буковинских городищах-убежищах. Под насыпями невысоких земляных валов-откосов на древней поверхности обычно обнаруживаются продольные канавки шириной около 20 см, глубиной до 15 см, которые являются отпечатками бревен стены.

На городищах-убежищах, где валы-откосы имелись лишь с напольной стороны, деревянные оборонительные стены окружали площадку со всех сторон. Так было на городище Червона Диброва (рис. 1)¹¹. Стена стояла на краю площадки и была усилена с внутренней стороны длинными домами-континнами, а с внешней — откосом, но не насыпным, а сформированным путем искусственной подрезки склонов мыса. По-видимому, откосы играли важную роль в обороне крепости. Достаточно было смочить их водой, и они становились трудно доступными для штурмующих укрепление.

На городище Червона Диброва исследован главный въезд в крепость (рис. 1, Б, В). Его ширина более 3 м. Судя по столбовым ямам с остатками дерева и камней, въезд запирали двойными воротами. Ширина въезда была достаточной, чтобы во время вражеского нападения быстро впустить жителей окружающего поселения с имуществом.

Главный признак городищ-убежищ, позволяющий отличить их от городищ других типов, — полное отсутствие стационарных жилищ. Укрепленные площадки убежищ не застраивались стационарными жилищами, по-видимому, в связи с тем, что они одновременно служили и культовыми местами. При исследовании городища-убежища Ревно

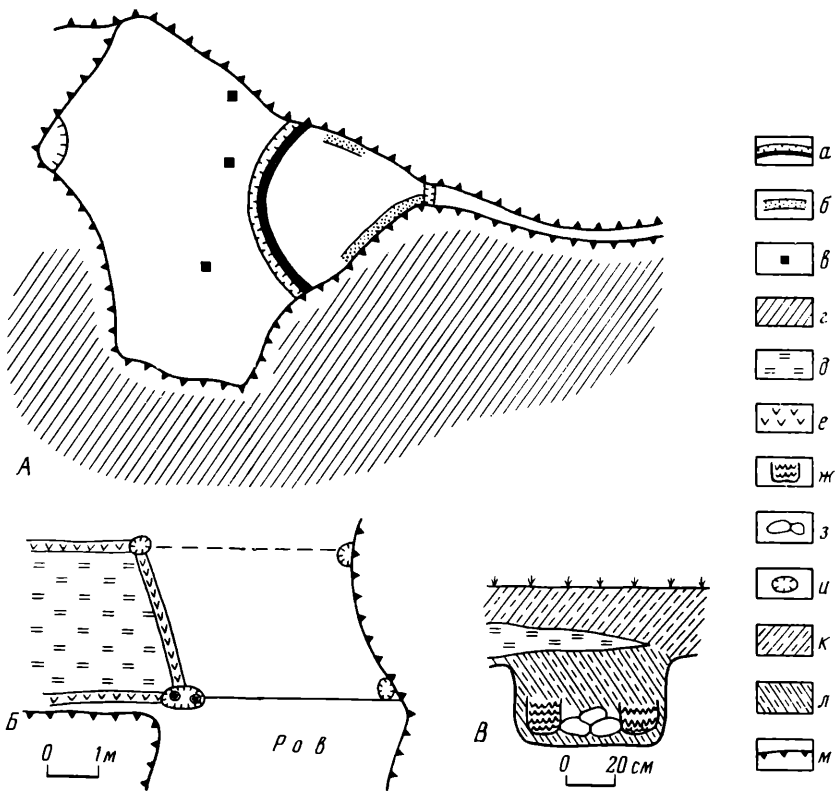

Рис. 1. Городище-убежище Червона Диброва

А — план; Б — план въезда; В — разрез столбовой ямы от ворот; а — оборонительная линия IX в.; б — длинный дом; в — жилища селяща-спутника; г — поселение IX в. у подножия городища; д — обожженная глина; е — угли; ж — остатки сгоревшего столба; з — камни; и — яма; к — серая земля; л — темно-серая земля; м — обрыв

IA выявлен грунтовой могильник IX в., на территории которого находилось культовое место¹².

Культурный слой на городищах-убежищах славянского времени обнаруживается только на краях укрепленной площадки, возле оборонительных стен, где в свое время находились длинные дома столбовой конструкции, о чем свидетельствуют столбовые ямы. Пространство между столбами заполнялось горизонтально уложенными бревнами (Белая, Ломачинцы) или плетнем, обмазанным глиной (Ревно IA, Червона Диброва). От бревенчатых стен иногда сохраняются отпечатки нижнего бревна, а от плетней — кусочки глиняной обмазки с отпечатками веток.

При хорошей сохранности городищ следы длинных домов выступают в виде горизонтальных площадок шириной 4—6 м и длиной до 100 м. На них обнаружены очаги, хозяйственные и культовые ямы. Длинные дома-континты предназначались для проведения народных собраний, ритуальных пиров-братчин и т. п.¹³

Городища-убежища, как отмечалось, строились на высоких мысах и холмах с хорошей естественной защитой. Поэтому они нередко находятся в некотором отдалении от синхронных им поселений.

В процессе исследования буковинских городищ выяснилось, что функции охраны убежищ возлагались на определенные группы общинников, которые занимали отдельные поселки — спутники городищ. Такие поселки обычно возникали одновременно с убежищами и прекращали функционировать вместе с ними. Располагались они, как правило, на тех же высоких мысах и холмах.

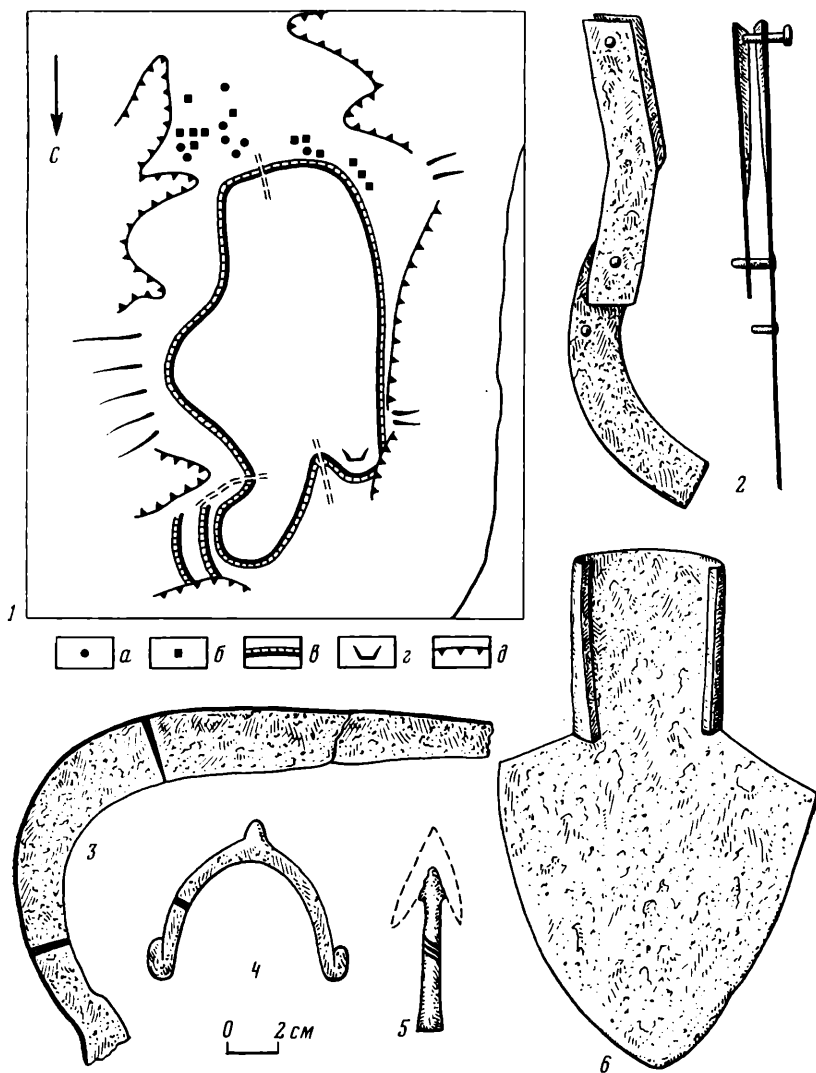

Рис. 2. Городище-убежище Ревно

1 — план городища (а — западина-жилище; б — раскопанное жилище; в — оборонительная линия IX в.; з — грунтовой могильник; д — обрыв); 2 — оковка ножен боевого ножа; 3 — серп; 4 — шпора; 5 — стрела; 6 — наральник; 2-6 — железо

Одно из таких селищ-спутников изучено возле Ревнянского городища-убежища IX в. Оно располагалось в непосредственном соседстве с городищем, около главного въезда (рис. 2, 1). Сохранилось 20 западин-жилищ на площади 250×150 м. Раскопано 12 западин. В 11 случаях это были обычные жилые полуземлянки с печами-каменками и стенами столбовой конструкции. Одна западина осталась от наземной постройки со стенами срубной конструкции. В центральной части на полу находился очаг. Дом вплотную примыкал к оборонительной линии IX в. и, возможно, использовался как сторожка.

Расположение этого селища возле главного въезда в убежище позволяет предположить, что жители его были обязаны следить за сохранностью укреплений и других сооружений общинного центра, поддерживать порядок во время собраний общинников, а в случае военного нападения — организовывать оборону.

Обращает на себя внимание еще одна черта селища-спутника при городище-убежище в Ревно. В его жилищах найдены вещи (рис. 2, 2-6), свидетельствующие о занятии как земледелием (наральник,

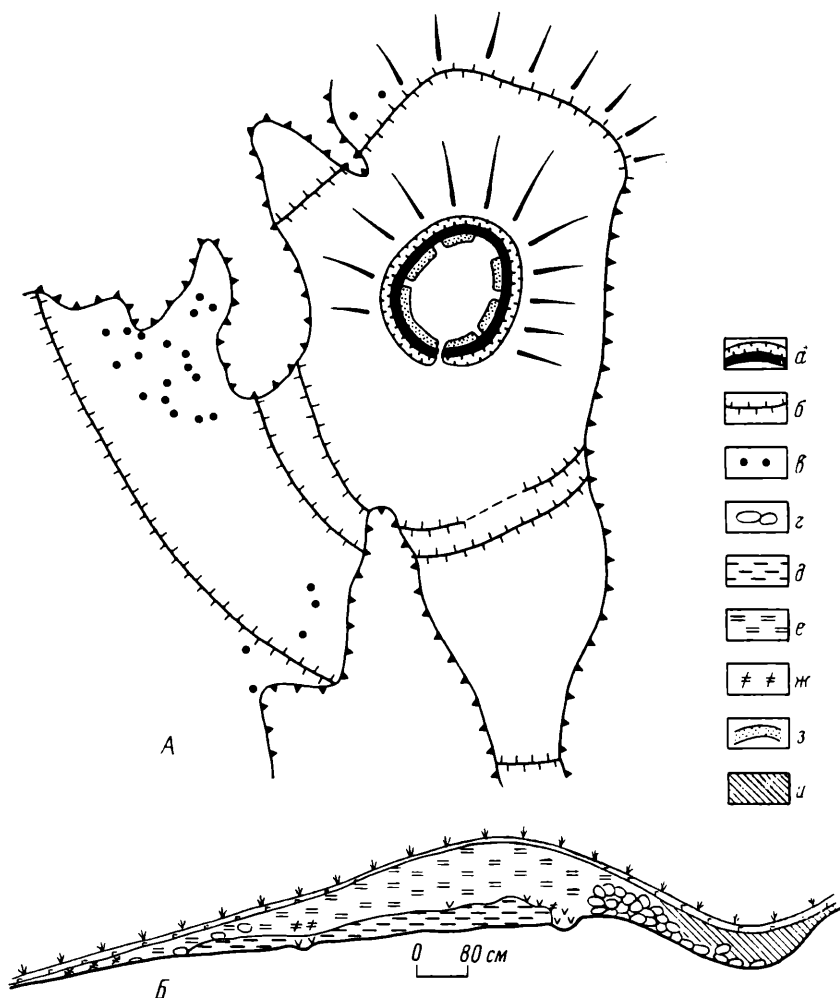

Рис. 3. Городище-убежище Верхние Становцы

А — план; *Б* — профиль оборонительного вала IX в.; *а* — вал IX в.; *б* — вал раннежелезного века; *в* — западины-жилища; *г* — камни; *д* — глины; *е* — обожженная глина; *ж* — глиняная обмазка стен; *з* — длинный дом; *и* — серая земля

серп), так и военным делом (шпора, стрела, оковки ножен для боевых ножей). Эти находки позволяют думать, что на поселении жили воины-земледельцы (полупрофессиональные воины), которые занимались сельским хозяйством, а в случае необходимости брались за оружие.

Поселки воинов-земледельцев обнаружены и возле других городищ-убежищ, например, у с. Верхние Становцы (рис. 3). Убежище было устроено на высокой горе Городище, на месте поселения раннежелезного века. Площадка диаметром до 100 м окружена кольцевым валом и рвом. Основу оборонительной линии составляла деревянная стена, усиленная с внешней стороны глиняным откосом с каменной сердцевинной (рис. 3, *Б*). С внутренней стороны к стене примыкали длинные дома шириной до 4 м. Любопытно, что сравнительно хорошо сохранившиеся валы раннежелезного века не были использованы славянами. Это можно объяснить тем, что у славян еще не было обычая ставить деревянные стены на валах, они сооружались непосредственно на поверхности земли.

На вершине горы, рядом с городищем-убежищем, находится селищеспутник. На его территории сохранилось 27 западин-жилищ. Они как бы прикрывали подступы к городищу с более доступной, напольной,

стороны. На селище раскопана ремесленная мастерская — углубленная постройка (3,7×3,8 м) со стенами столбовой конструкции. В юго-восточном углу ее помещался выложенный из камней очаг, рядом — неглубокая яма. Можно предположить, что жители селища-спутника занимались также и ремесленной деятельностью.

Таким образом, выявляются следующие наиболее характерные признаки городищ-убежищ восточных славян:

1. Они располагались приблизительно в центре гнезд-общин, в местах, хорошо защищенных природой (на высоких мысах и холмах).

2. Каждое из таких городищ ограждалось со всех сторон деревянной оборонительной стеной столбовой конструкции. Ее усиливали со стороны рва насыпным глиняным откосом, а с других сторон подрезали склоны мыса или холма.

3. К оборонительным стенам с внутренней стороны примыкали длинные наземные дома-континты со стенами столбовой конструкции. Они свидетельствуют, что городища-убежища были центрами общественной жизни восточнославянской общины VIII—IX вв.

4. Укрепленные площадки убежищ были свободны от застройки стационарными жилищами. На них могли находиться капища, могильники и постройки общественного назначения.

5. Рядом с городищами-убежищами располагались селища-спутники — поселки полупрофессиональных воинов, которые занимались земледелием, ремеслом и одновременно выполняли различные функции в интересах всей общины.

¹ Самокасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873. С. 20.

² Киселев С. В. Поселение: Социологический очерк//Тр. Секции теории и методологии (социологической) РАНИОН. М., 1928. Т. 2. С. 59, 60.

³ Воронин Н. Н. Крепостные сооружения//История культуры древней Руси: Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1: Материальная культура. С. 440.

⁴ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935. С. 19.

⁵ Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 3—40; Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья//САИ. М., 1961. Вып. Е1-57. С. 8.

⁶ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли//МИА. М., 1960. № 92. С. 33.

⁷ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.//МИА. Л., 1967. № 140. С. 186.

⁸ Тимощук Б. А. Общинный строй восточных славян VI—X вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1983. С. 22, 23.

⁹ Обнаружены в селах Белая, Верхние Становцы, Волока, Горошевцы, Коростовата, Ломачинцы, Магала, Новая Жучка (Черновцы), Рашков, Ревно, Снячев, Черновцы, Червона Диброва, Широка Поляна. См.: Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини, Київ, 1976. С. 147—168; *Он же*. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 155—191.

¹⁰ Тимощук Б. О. Ломачинське городище//Археологія. Київ, 1973. № 9. С. 100—107.

¹¹ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини. С. 72, 73.

¹² Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина. С. 184. Рис. 102.

¹³ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства//Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958. С. 840.

В. И. ЗАВЬЯЛОВ

О РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ КУЗНЕЧНОМ РЕМЕСЛЕ X—XIV вв.

Подводя итоги изучению древнерусских железных поковок, Б. А. Колчин отмечал, что «основной технологией изготовления качественных изделий было соединение в изделии путем сварки стального лезвия с железной основой. Кроме того, применялась цементация, а

также изготовление цельносталльных изделий»¹. Исследователь подчеркивал однородность техники обработки железа на всей территории древней Руси. Была предпринята и попытка выделения отдельных регионов, различных по кузнечной технике. Памятники объединялись Б. А. Колчиным в три группы: Новгородская земля; Смоленщина и Волго-Окское междуречье; Киевщина. Однако отличия технологических схем в этих регионах оказались слишком незначительными, чтобы можно было говорить об обособленных кузнечных центрах.

Со времени выхода в свет работы Б. А. Колчина количество анализов предметов из черного металла с восточноевропейских памятников X—XIV вв. возросло во много раз. Только за последние пять лет в научный оборот введено более 500 анализов. Исследователи не раз отмечали черты своеобразия, присущие кузнечному ремеслу отдельных памятников². Установлено, что региональные различия в металлообработке обнаруживаются уже в раннем железном веке³. Обособление кузнечных центров обусловлено узостью круга мастеров-профессионалов и охраной секретов мастерства.

Исследование таких центров внутри Древнерусского государства с характеристикой присущих им специфических технологических черт еще не проводилось. Для выделения регионов автор провел сравнительный анализ материалов из памятников, наиболее полно изученных металлографически⁴.

Данные по распределению технологий изготовления качественных орудий труда (без ножей) на шести памятниках приведены на рис. 1. Для технологических характеристик выбрано четыре основных показателя: изделия со стальными лезвиями (т. е. конструкции, в которых стальное лезвие соединялось сваркой с железной основой), цельно-стальные, цельножелезные и с цементированной рабочей частью. Объединение в первую группу нескольких технологических схем (наварка, вварка, трехслойный пакет) обусловлено самой формой поковки. Так, для топоров наиболее характерны наварка и вварка, на долотах же сварные лезвия не встречаются. К тому же, в разных коллекциях соотношения между категориями орудий труда различны, а следовательно, сравнивать их по отдельным технологическим схемам неправомерно. Из приведенных данных следует, что изготовление орудий труда путем сварки стального лезвия с железной основой было главной технологией. Наиболее часто эти схемы встречаются в городских ремесленных центрах (Тиверск и Паасо, Старая Рязань, Серенск). Реже изготавливали такие орудия кузнецы средневековых удмуртов, причем они сравнительно редко применяли термообработку (это связано с широким применением прикамскими кузнецами мягкой стали). Из общей картины выделяется памятник волжских болгар — Муромский городок. Среди исследованных орудий труда лишь 16% имели сварные конструкции. Наиболее представительна здесь группа цельносталльных орудий (43%), доля которых на большинстве других памятников значительно ниже.

Более четкая дифференциация памятников в зависимости от применения технологических схем наблюдается при исследовании самой массовой кузнечной продукции — ножей.

Гистограммы распределения технологических схем ножей по памятникам приведены на рис. 2⁵.

Анализ гистограмм позволяет выделить четыре основные группы памятников со спецификой в кузнечном ремесле. Ножи северных памятников (корела, весь, древние удмурты) объединяет высокий процент трехслойных изделий. Остальные технологии (за исключением наиболее простых) представлены слабо. Среди ножей корелы значительную долю составляют ножи с сварными (31%) и наварными (торцовая и косая — по 9%) лезвиями. В этом, вероятно, проявляется влияние в корельском ремесле Новгорода, где ножи с наварными лезвиями

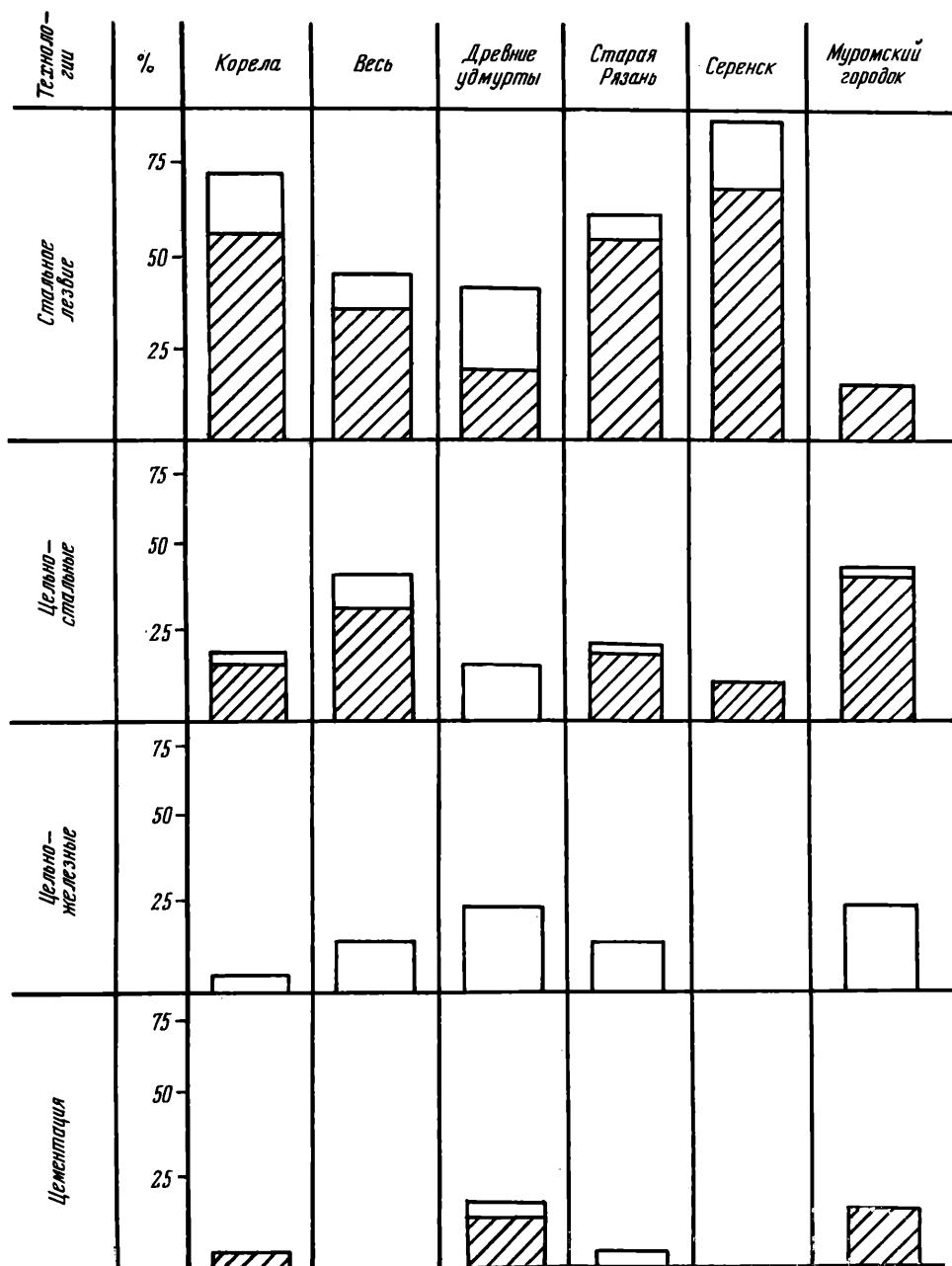

Рис. 1. Распределение технологических схем качественных орудий труда на памятниках Восточной Европы

Штриховкой показана доля термообработанных орудий

с середины XII в. становятся основной продукцией кузнецов. К этой группе примыкают и материалы Сарского городища. Появление трехслойных ножей на этом памятнике связывается с ремесленными центрами Новгородской земли⁶.

Во вторую группу ножей входят изделия Киева, Любеча, Старой Рязани, Белгорода, Серенска и Ярополча Залесского. Здесь трехслойный пакет крайне редок (2–9%), зато велика доля ножей с наварными (прежде всего выполненными торцовой наваркой) лезвиями. Особенность этой группы — достаточно большой процент цельносталых клинков (от 16 до 52%).

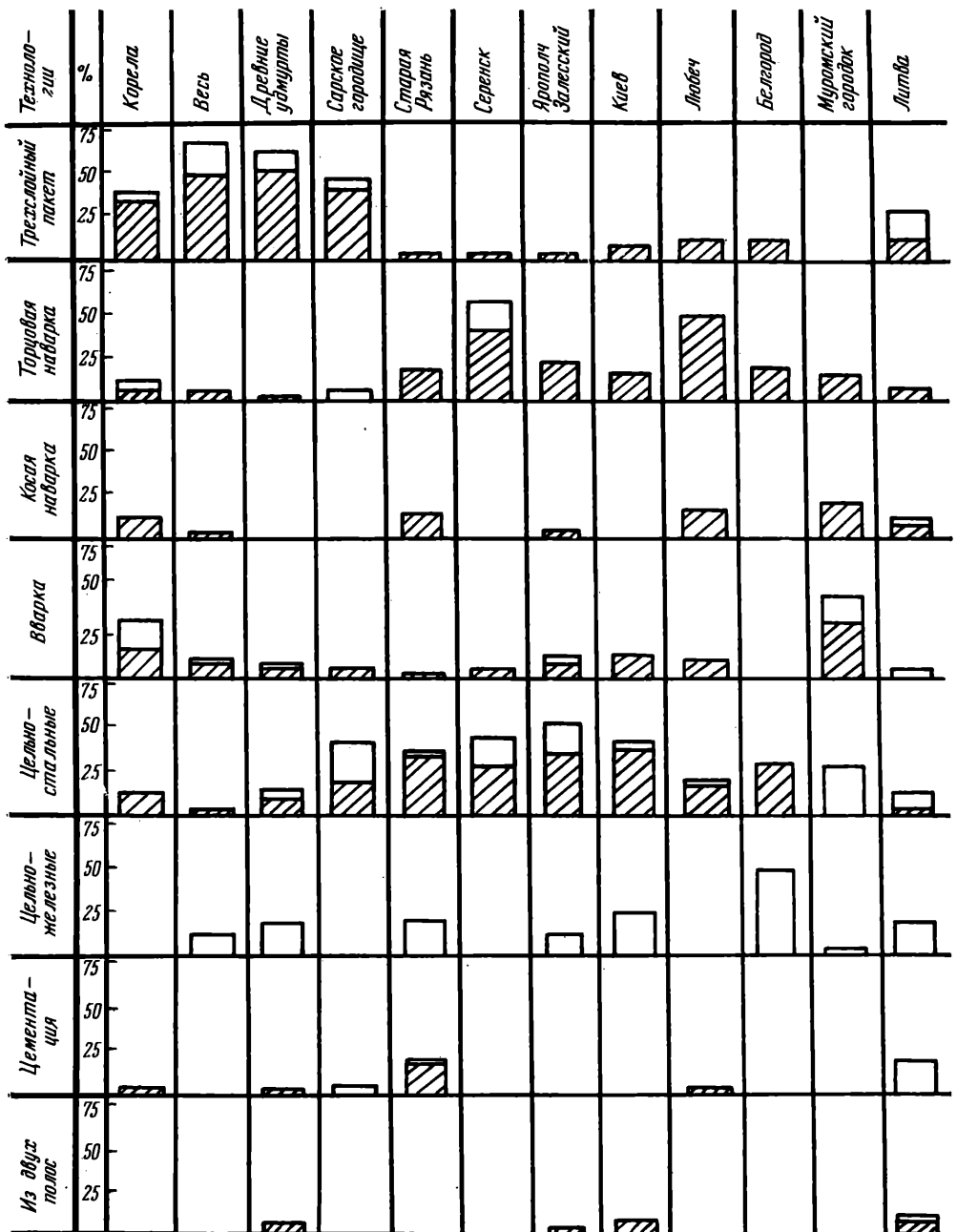

Рис. 2. Распределение технологических схем ножей на памятниках Восточной Европы
Штриховкой показана доля термообработанных ножей

На некоторых памятниках второй группы (Старая Рязань, Киев, Ярополч Залесский) ножи, изготовленные с применением торцовой набарки, не составляют большинства, иногда в 2,5 раза уступая цельносталым ножам. Однако на этих памятниках не представлены материалы позднее середины XIII в., и не исключено, что отмеченное отличие обусловлено хронологическими мотивами.

Отдельную группу составляют ножи Муромского городка. Наиболее представительны здесь клинки с вварными лезвиями. Эта технология обнаружена на 39% орудий, тогда как на остальных памятниках доля ножей с вварными лезвиями — не более 11% и лишь на корельских па-

мятников — 31%. Не встречены среди материалов Муромского городка трехслойные ножи, а на клинки с торцевой и косо́й наваркой и цельно-стальные падает соответственно 11, 17 и 28% общего числа ножей.

Четвертую группу составляют памятники Литвы. Технологические схемы ножей этих памятников, в отличие от предыдущих, распределяются более равномерно. Но исследованные экземпляры происходят из 27 археологических памятников, и трудно сказать, технический или хронологический характер имеют выявленные особенности.

Итак, отличительной особенностью ножевного производства памятников первой группы является большой процент трехслойных ножей при незначительной доле ножей с наварными лезвиями. На памятниках второй группы большинство клинков имело наварные лезвия, тогда как трехслойный пакет обнаружен на единичных экземплярах. Здесь довольно часто встречаются и цельно-стальные ножи. Третью и четвертую группу из-за немногочисленности исследованных предметов можно выделить лишь условно.

Не является ли частая встречаемость ножей с трехслойным клинком на памятниках первой группы хронологическим, а не технологическим признаком? Трехслойные ножи по материалам Новгорода датируются X — серединой XII в.⁷ Датировка новгородских ножей не вызывает сомнения, но следует иметь в виду, что трехслойные клинки на финно-угорских памятниках встречаются позднее XII в.⁸ Кроме того, материалы X—XII вв. присутствуют в коллекциях памятников второй группы, однако ножи, изготовленные в технологии трехслойного пакета, единичны даже в таких ремесленных центрах, как Киев и Старая Рязань. Таким образом, наличие или отсутствие трехслойных ножей нельзя объяснить только временным различием между памятниками.

Как уже отмечалось, памятники первой группы располагаются в северных районах расселения финских племен, тогда как вторая группа представлена древнерусскими городами. Вполне вероятно, что выделенные группы связаны с кузнечными традициями разных этнических общностей. Это подтверждается и обособленностью материалов Муромского городка — памятника волжских болгар — и памятников литовских племен.

Результаты металлографических анализов не дают возможности сделать выводы о причинах сложения тех или иных кузнечных традиций. Еще мало известна металлообработка финских племен до начала II тысячелетия н. э. Опубликованные данные по финским памятникам второй половины I тысячелетия н. э.⁹ не дают объяснения частому применению сложных схем, фиксируемому в X—XIV вв. Можно только отметить, что наиболее ранние в Восточной Европе трехслойные ножи появляются в Старой Ладогe, заселенной финнами, славянами и норманнами¹⁰. Традиции русских городов, вероятнее всего, уходят корнями в навыки древнеславянских кузнецов. С XII в. в городах Руси начинается процесс перехода ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. В кузнечном ремесле это особенно ярко проявилось при изготовлении ножей и нашло отражение в росте количества продукции, сделанной по достаточно сложным, но наименее трудоемким схемам наварки стального лезвия на железную основу.

Не исключено, что не все ножи, выполненные по сложным технологиям (прежде всего трехслойные изделия), были продукцией кузнецов тех памятников, где они найдены. В таком случае отмеченные различия между группами свидетельствуют о распространении кузнечной продукции на определенной территории из одного или нескольких ремесленных центров.

¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси//МИА. М.; Л., 1953. № 32. С. 186.

² Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске

- (вторая половина XII—XIV в.)//СА. 1973. № 2. С. 224; *Толмачева М. М.* Технология кузнечного ремесла Старой Рязани//СА. 1983. № 1. С. 258.
- ³ *Терехова Н. Н., Хомутова Л. С.* Освоение человеком химико-термических и термических процессов на ранних этапах становления железообрабатывающего производства в Восточной Европе//Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 151.
- ⁴ Таковы в земле корелы городища Тиверск и Паасо (*Хомутова Л. С.* Технологическая характеристика изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа//*Кочкуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982); в земле веси — поселение у д. Городище и курганы на р. Оять (*Хомутова Л. С.* Кузнечная техника на земле древней веси в X в.: По материалам поселения у д. Городище//СА. 1984. № 1; *Она же.* Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов юго-восточного Приладожья//*Кочкуркина С. И., Линецкий А. М.* Курганы летописной веси X—начала XIII в. Петрозаводск, 1985); в земле удмуртов — городище Идна-кар (*Завьялов В. И.* Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I—начале II тысячелетия н. э.//Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988); в древней Руси — Старая Рязань (*Колчин Б. А.* Черная металлургия...; *Толмачева М. М.* Технология кузнечного ремесла Старой Рязани); Серенск (*Хомутова Л. С.* Техника кузнечного ремесла...); у волжских болгар — Муромский городок (*Толмачева М. М.* Техника металлического производства в Волжской Болгарии в X—XIII вв. по данным металлографии//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982).
- ⁵ Кроме отмеченных выше, привлечены материалы из следующих работ: *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища//СА. 1976. № 2; *Завьялов В. И.* Ножи городища Идна-кар//Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985; *Хомутова Л. С.* Результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий Ярополча Залесского//*Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978; Новое в археологии Киева. Киев, 1981; *Вознесенская Г. А.* Стальные ножи древнего Любеча: Металлографические исследования//КСИА. М., 1965. Вып. 104; *Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д.* Залізні вироби з стародавнього Белгорода//Археологія. Київ, 1974. № 14; *Станкус И. А.* Технология производства железных орудий в Литве в IX—XIII вв.//Тр. АН ЛитССР. Вильнюс, 1970. Сер. А. Т. 1(32).
- ⁶ *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей... С. 44.
- ⁷ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//Новгородский сб.: 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 164.
- ⁸ *Хомутова Л. С.* Технологическая характеристика изделий... С. 194; *Завьялов В. И.* Кузнечное производство... С. 41.
- ⁹ *Хомутова Л. С.* История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 13.
- ¹⁰ *Хомутова Л. С.* Кузнечная техника на земле древней веси... С. 207.

Е. А. РЯБИНИН

НОЖНЫ И ЛИТЫЕ РУКОЯТИ НОЖЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ РУСИ

Ножи — наиболее массовая категория бытового инвентаря в русских средневековых памятниках. Эти орудия мужчины и женщины часто носили в специальных футлярах, подвешивавшихся к поясу. Подавляющая часть ножен сельского населения древней Руси изготовлена из органических материалов — кожи, дерева, бересты — без каких-либо дополнительных декоративных элементов. Особую группу футляров составляют ножны, обтянутые кожей и снабженные бронзовыми накладками и оковками, а иногда даже целиком изготовленные из металла. Такие изделия имели и декоративное назначение.

Данная статья посвящена парадным ножнам и ножам северо-западных районов Новгородской земли — территории Ижорской возвышенности, входившей в состав Водской земли, и северо-восточного Причудья.

По характеру использования металлических элементов футляры для ножей можно разделить на четыре группы: 1) ножны, кожаное покрытие которых украшено узором из прошитых спиралек; 2) ножны, снабженные боковой пластиной или наконечником; 3) составные ножны,

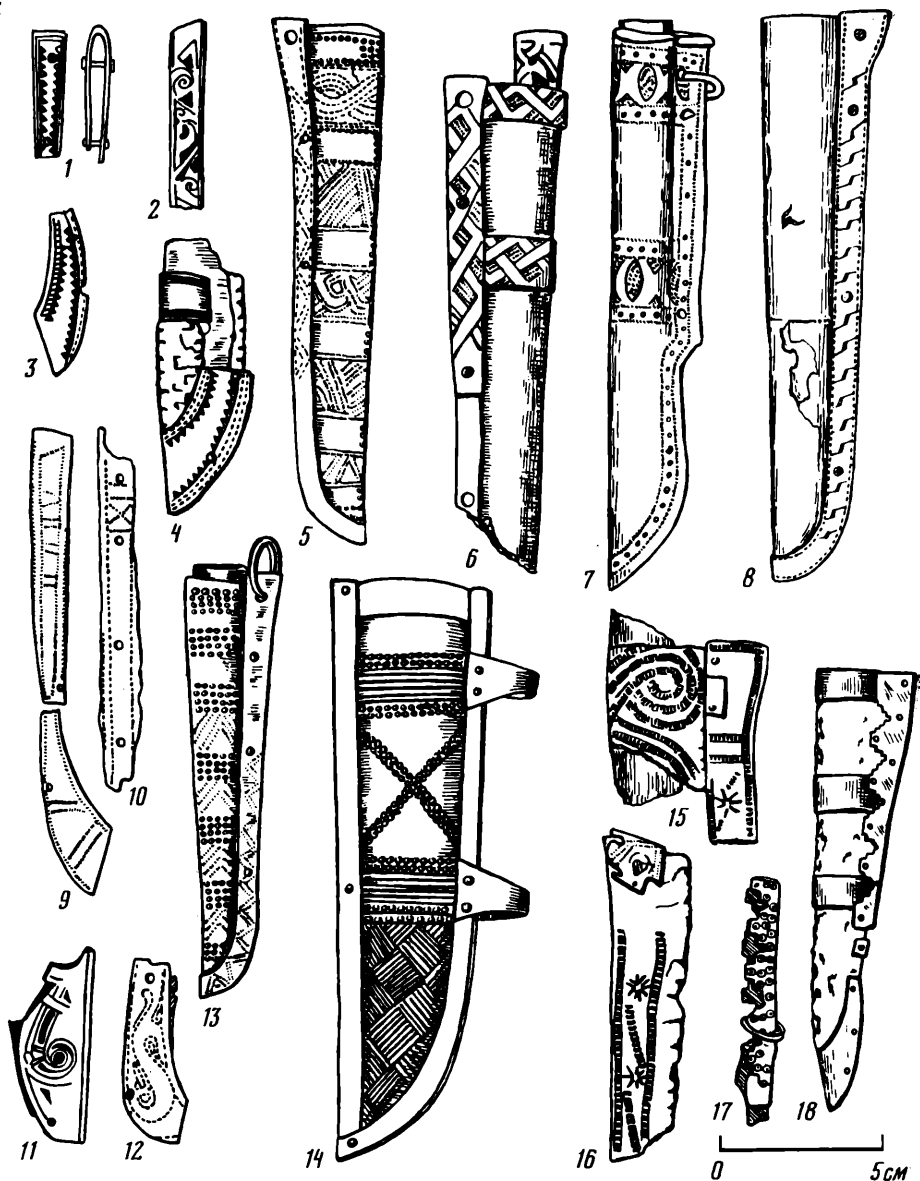

Рис. 1. Ножи из погребений Водской земли и юго-восточного Приладожья

1 — Ронковицы, 36; 2 — Маклаково; 3 — Сумино, 75; 4 — Систа; 5, 13 — Ново-Сиверская: 5 — 252, 13 — 87; 6, 14 — место находки неизвестно (раскопки Л. К. Ивановского); 7 — Волковицы; 8 — Волосово; 9 — Котино, 5; 10 — Бегуницы, 9; 11 — Ряболово, 24; 12 — Артюшкина, 20; 15 — Унотицы, 6; 16 — Дятлицы, 42; 17 — Сязнига, курган 61, 2; 18 — Ньюинчи, курган 2, 162 (цифрами здесь и на рис. 2 обозначены номера погребений)

имеющие боковую пластину, наконечник и перехваты по тулову футляра; 4) цельнометаллические ножи.

Первая группа на рассматриваемой территории представлена двумя находками. В кургане 6 у д. Унотицы встречен фрагмент ножен, обтянутых кожей, футляр которых украшен спиралевитым узором из мелких бронзовых колечек, а боковина окаймлена линиями из спиралек и колечками, образующими узор в виде звездочки (рис. 1, 15)¹. Сходную орнаментацию имели и остатки ножен из погребения 42 близ д. Дятлицы (рис. 1, 16)². Датирующих вещей в этих комплексах нет, можно лишь, исходя из хронологии самих могильников, отнести время

бытования расшитых спиральками футляров в Водской земле к XII—XIV вв.

В памятниках северо-восточного Причудья и юго-восточного Приладожья такие ножны неизвестны, но сходные по характеру оформления экземпляры представлены в древностях Саво-Карелии XII—XIV вв.³, юго-западной Финляндии того же времени⁴ и в ливских курганах XI—начала XIII в.⁵ Кожаные футляры с узором из спиралек найдены также в каменных могилах Понеманья XIII—XIV вв.⁶ и в курганных захоронениях XII—XIII вв., оставленных смешанным славяно-финским населением Костромского Поволжья⁷. Можно говорить о преимущественном распространении рассматриваемых изделий в зоне обитания финно-угорских группировок.

Вторая группа, включающая ножны с боковой бронзовой пластиной или наконечником (с «умеренной оковкой», по А. А. Спицыну), представлена в различных районах Северо-Западной Руси. В курганах юго-восточного Приладожья футляры с боковой пластиной, иногда соединенной с петлеконечным узким перехватом в верхней части ножен (рис. 1, 17), являются ведущей формой: семь из девяти находок, встреченных в этом регионе⁸. Древнейшие (пять экз.) происходят из сожжений X—начала XI в., встречены они и в погребениях XI—XII вв.

В северо-восточном Причудье ножны с умеренной обкладкой представлены тремя находками XI—XII вв.⁹ В курганно-жальничных могильниках Ижорского плато насчитывается не менее 24 таких футляров, причем в четырех случаях наблюдается комбинация из боковой пластины и наконечника. По мнению А. А. Спицына, подобная манера обивки ножен воспринята населением Водской земли из Прибалтики, вероятнее всего, от летто-литовских племен¹⁰. Изредка встречаются неорнаментированные экземпляры, но основная часть украшена пунктирными чеканными линиями и насечкой (рис. 1, 9, 10). В пяти случаях бронзовые детали ножен имели орнамент в виде «волчьего зуба» (рис. 1, 1, 3, 4). На Ижорском плато накладки, украшенные «волчьим зубом», происходят из ранней группы погребений, и период их преимущественного бытования относится к XI—началу XIII в.

В четырех случаях зафиксированы детали ножен с растительным орнаментом. Это боковая пластина с рельефным узором (Маклаково; рис. 1, 2), наконечники с чеканным (Артюшкина (рис. 1, 12), Беседа, погребение 63) и прорезным (Рябболово; рис. 1, 11) орнаментом. Растительные мотивы декора не получили большого распространения в культуре северо-западных районов Новгородской земли, но они характерны для древностей Саво-Карелии. Определить время появления в Водской земле оковок с растительным орнаментом трудно из-за их малочисленности. Находка из Рябболова встречена вместе с поперечнощитковым перстнем XIII—XIV вв., украшенным узором из переплетающихся полос. В Маклакове в комплексе с ножнами находилась серьга в виде вопросительного знака¹¹, появившаяся на северо-западе Руси лишь с начала XIV в.¹²

Ножны с «умеренной оковкой» не обнаруживают четкой взаимосвязи с определенным этническим массивом.

Наибольший интерес представляют использовавшиеся только женщинами ножны третьей и четвертой групп, которые еще А. А. Спицын отнес к разряду финских древностей¹³. Составные ножны с боковыми пластинами, наконечниками и перехватами в виде кольцевых оковок были распространены в Саво-Карелии и Водской земле. Кроме того, два экз. обнаружены в юго-восточном Приладожье, в захоронениях по обряду трупоположения. Древнейшая находка происходит из кургана у д. Нюбиничи на р. Оять¹⁴, датированного концом X—началом XI в. Футляр из погребения снабжен боковой пластиной со ступенчатыми вырезами (рис. 1, 18), аналогичной оковкам приладожских ножен второй группы. Ножны, лишенные ступенчатых выступов, найдены в погребении

нии XI—XII вв. на р. Сясь (Красная Заря, погребение 4, комплекс IV) ¹⁵.

В области древнекарельского расселения встречено не менее 24 кожаных ножен, украшенных орнаментированными бронзовыми пластинами. Некоторые из них снабжены только боковой пластиной и наконечником, но основная часть корельских футляров имеет дополнительные поперечные оковки (перехваты). Древнекарельские ножны отличаются изяществом оформления. Иногда кожаные футляры заключены в ажурные прорезные оковки, покрытые растительным орнаментом и гравированными линиями. Максимальное число перехватов на корельских ножнах семь, но чаще встречаются изделия с четырьмя-пятью кольцевыми оковками. На них нанесены растительный узор, выпуклости и прочерченные линии, устье подчеркнуто металлическим «кружевом» ¹⁶. С. И. Кочуркина относит такие изделия к XII—XIII вв., предполагая, что в XIV в. они могли и не заходить.

В Водской земле найдено около 30 составных ножен, происходящих из курганно-жальничных могильников: Беседа—2 экз.; Волгово—1; Волковицы—3; Глядино—1; Грызово—1; Калитино—1; Лорвила—1; Маклаково—1; Прологи—3; Рабитицы—5; Рутилицы—1; Сельцо—1; Смольково—2; Сумино—1; Теглицы—1; Хотыницы—1; Яскелево—1. Часть футляров фрагментирована. Некоторые находки известны только по описанию. Не вызывает сомнения сходство ножен Водской земли с древнекарельскими изделиями, выражающееся в единой системе оформления металлическими деталями, их взаимном расположении и характере соединения. Однако по декору основная часть находок из погребений Ижорского плато существенно отличается от ножен корелы. Боковые пластины и наконечники украшены, как правило, геометрическим орнаментом в виде нанесенных насечкой или гравировкой прямых линий, нередко дополненных узором из ромбов и треугольников; иногда пространство внутри ромбов и треугольников заполнено кружковым орнаментом (рис. 2, 6—9, 11—16). Только для ножен Водской земли характерен узор из переплетенных полос—орнаментальный мотив, представленный на многочисленных женских украшениях северо-западных районов Новгородской земли XIII—XIV вв. (рис. 2, 4, 5, 10). Для кольцевых оковок футляров типичен «жемчужный» орнамент из круглых выпуклин, расположенных в один—четыре ряда. Обычно между рядами выпуклин наносились линии из насечек. Они же были единственным элементом декора перехватов ножен.

Лишь в трех погребениях обнаружены изделия с растительным орнаментом (Хотыницы, Рабитицы, Рутилицы; рис. 2, 1—3) ¹⁷. В двух случаях наблюдается комбинация из растительного узора на наконечнике ножен и геометрического—на боковой пластине. Нарядная оковка футляра из Хотыниц, целиком покрытая орнаментом из завитков, выглядит как исключение.

Ножны третьей группы составляют локальную особенность культуры Водской земли, хотя и обнаруживают несомненные черты сходства с находками из Саво-Карелии.

Остановимся на характеристике цельнометаллических футляров, первый тип которых сближается по форме с составными ножнами третьей группы. Этот тип, представленный пятью находками, является местным изобретением и неизвестен за пределами Водской земли. Бронзовые футляры имеют овальное сечение и уплощенную боковую грань с отверстием в верхней части для подвешивания. Поверхность одного футляра не орнаментирована, остальные украшены зональным узором из различных композиций геометрического орнамента или выпуклин. Мотивы геометрического декора представлены и на уплощенном боковом обрамлении ножен (рис. 1, 5—8, 13). Такие изделия найдены в погребениях 87 и 252 группы CV у д. Ново-Сиверская ¹⁸ и в могильниках близ Волковиц ¹⁹, Волосова ²⁰ и Греблова ²¹; еще одни ножны, происхо-

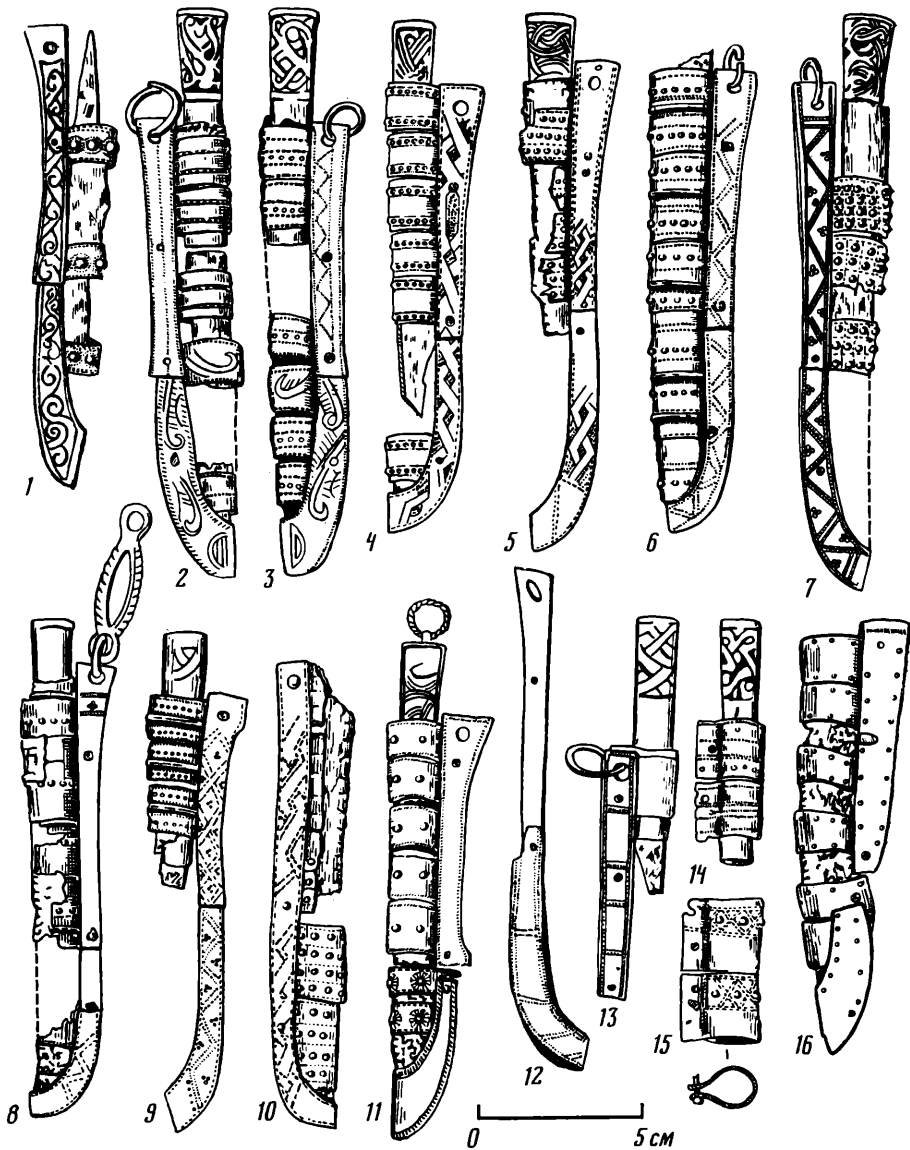

Рис. 2. Ножны из погребений Водской земли

1 — Хотыницы, 57; 2, 6—8 — Рабетицы: 2 — 9, 6 — 10, 7 — 37, 8 — 15; 3 — Рутилицы, 9; 4 — Волго-во, 35; 5, 9, 12, 13, 15 — Волковицы: 5 — 58, 9 — 72, 12 — 12, 13 — 115; 10 — Сумино, 155; 11 — Беседа, 7; 14 — Глядино; 16 — Теглицы, 22

дящие из материалов раскопок Л. К. Ивановского на Ижорском плато, не имеют привязки к определенному памятнику²².

Второй тип представлен широкими кожаными ножнами, обитыми тонкими медными листами и снабженными двумя петлями. Орнамент состоит из выбитых параллельных и перекрещивающихся полос. Концы ножен украшены узором, подражающим плетению (рис. 1, 14). Такие футляры для ножей были характерной принадлежностью убора женщин в материковой части Эстонии в XII — XIII вв.²³ В Северо-Западной Руси ножи эстонского типа встречаются в двух курганных захоронениях XII — XIII вв. у д. Мануйлово²⁴, в одном — у д. Залахтове²⁵, а также в слое XIII в. в Новгороде²⁶. Показательно, что изделия, типичные для эстов, обнаружены в погребальных памятниках, выделяющихся ярко выраженным прибалтийско-финским обликом. Очевидно, и появление у

Таблица

Находки медных рукоятей ножей, а также ножен в могильниках Водской земли

Место находки *	Рукояти	Составные ножны	Цельноме-таллические ножны	Источник информации
Беседа, 7	×	×	—	ГИМ, хр. 33/53а
Большие Борницы, 24	×	—	—	<i>Спицын А. А.</i> Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского//МАР. СПб., 1986. № 20. С. 62
Волгово, 35	×	×	—	ГИМ, хр. 121/45а
Волковицы, 58	×	×	—	ГИМ, хр. 31/60а
Там же, 72	×	×	—	ГИМ, хр. 131/60б
» 82	×	—	—	ГИМ, хр. 121/41а
» 115	×	×	—	ГИМ, хр. 121/47а
»	×	—	×	ГИМ, хр. 121/41а
»	×	—	—	ГИМ, хр. 121/41а
Глядино	×	×	—	ГИМ, хр. 33/66
Қалитино, 3	×	×	—	Архив ЛОИА. Ф. 1, 1894 г. Д. 74
Клопицы, 26	×	—	—	ГИМ, хр. 121/45а
Котино, 14	×	—	—	<i>Спицын А. А.</i> Курганы... С. 66
Озергицы, 16	×	—	—	ГИМ, хр. 33/45б
Прологи, 3	×	—	—	<i>Спицын А. А.</i> Курганы... С. 91, 92
Рабитицы, 9	×	×	—	ГИМ, хр. 121/26
Там же, 15	×	×	—	ГИМ, хр. 33/53б
» 37	×	×	—	ГИМ, хр. 33/53б
Рутилицы, 9	×	×	—	ГИМ, хр. 121/26а
Рябболово, 9	×	—	—	<i>Спицын А. А.</i> Курганы... С. 58
Сумино, 14	×	×	—	ГИМ, хр. 33/26а
Яскелево, 9	×	—	—	ГИМ, хр. 33/47б
Неизвестно	×	—	×	ГИМ, хр. 121/17а

* Цифрами обозначены номера погребений.

местных финно-угорских коллективов ножен этского происхождения объясняется их культурной близостью с более западными соседями.

Ножи с медными орнаментированными рукоятями традиционно рассматриваются в качестве одного из наиболее характерных элементов древнекарельской культуры. Как отмечает С. И. Кочкуркина, «относительно этнической принадлежности вышеуказанных изделий сомнений нет, в этом убеждают топографо-статистические данные и единодушные финляндских исследователей»²⁷. Согласно С. И. Кочкуркиной, на территории расселения корелы обнаружено 25 медных рукоятей ножей, и лишь семь зафиксировано за ее пределами (Швеция — два, Ижорское плато — два и по одному — в Новгороде, Орешке и Копорье)²⁸.

Информация о находках литых рукоятей ножей в погребальных памятниках Ижорской возвышенности исчерпывалась до последнего времени лишь публикацией двух изображений таких изделий в работе А. А. Спицына²⁹. Однако в коллекциях ГИМ насчитывается не менее 18 медных рукоятей (табл.). Почти все они имеют типичный для этой категории находок плетеный орнамент. Некоторые из них производят впечатление неорнаментированных, но и на таких рукоятях можно обнаружить стертый или нерасчищенный узор в виде плетенки (не исключено, правда, что единичные экземпляры действительно лишены орнамента). К этому списку следует добавить еще четыре изделия, известных по дневниковым данным Л. К. Ивановского, и одно — из курганных раскопок Н. К. Рериха на Ижорском плато³⁰. Всего в Водской земле с

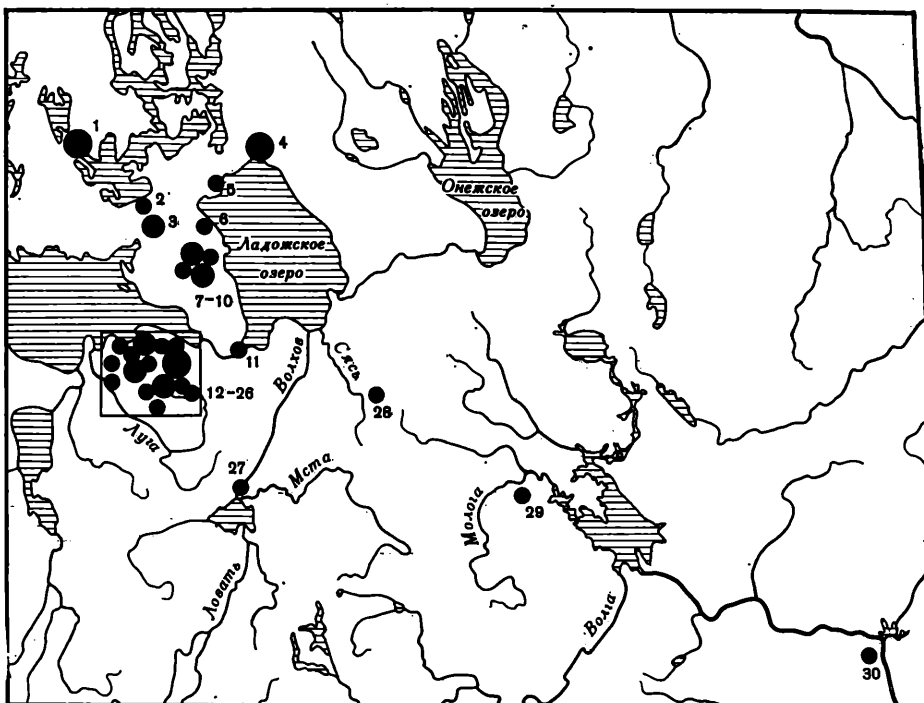
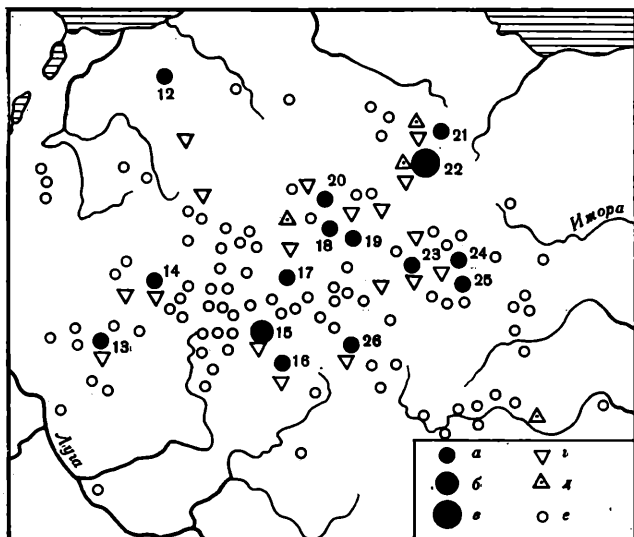

Рис. 3. Находки бронзовых рукоятей ножей и ножен

На врезке — находки ножен и литых рукоятей ножей в Водской земле

а — в — рукояти: а — 1 экз.; б — 2—3 экз.; в — более 3 экз.; г — составные ножны с перехватами; д — цельнометаллические ножны типа ?; е — курганный тип могильники Водской земли; 1 — Тууккала; 2 — Каускила; 3 — Кекомьяки; 4 — Паасо; 5 — Куркйюки; 6 — Корела; 7 — Иваскянки; 8 — Ховинсари; 9 — Тиверск; 10 — Лапинлахти; 11 — Орешек; 12 — Копорье; 13 — Беседа; 14 — Прологи; 15 — Рабитицы; 16 — Озертицы; 17 — Сумино; 18 — Клопицы; 19 — Волгово; 20 — Рутилицы; 21 — Глядино; 22 — Волковичи; 23 — Яскелево; 24 — Рябболово; 25 — Большие Борницы; 26 — Калитино; 27 — Новгород; 28 — Тихвинский уезд; 29 — Тамирово; 30 — Пьянково

учетом находки в ее административно-политическом центре — крепости Копорье — обнаружены 24 парадные литые рукояти ножей, т. е. почти столько же, сколько их зафиксировано и на древнекарельской территории. За пределами обоих регионов такие изделия крайне редки. Можно назвать лишь три пункта — курган в Тихвинском уезде (юго-восточное Приладожье)³¹, курган у хут. Тамирово (бассейн р. Мологи)³² и курган 12 у д. Пьянково в Костромском Поволжье (рис. 3)³³. Известно не менее 56 литых рукоятей ножей, из них 45% локализованы в ареале корелы.

При обращении к таблице становится ясно, что медными рукоятями были часто снабжены ножи, носившиеся в составных или цельнометаллических ножнах местного типа. Такая корреляция оказывается присущей трети всех футляров рассматриваемых форм и не может считаться

случайной. Картографический анализ показывает, что составные ножны встречаются в различных местностях Ижорского плато, хотя наиболее часто — в могильниках восточной половины возвышенности. Цельнометаллические футляры происходят из погребений, исследованных на восточной и северной периферии массива курганно-жальничных кладбищ. Находки литых рукоятей ножей также обнаруживают несомненное тяготение к северо-восточной части плато.

Все это позволяет высказать предположение о появлении рассматриваемых древностей в Водской земле под воздействием культурного импульса из соседних районов. В средневековый период происходило расселение ижоры из района первоначального обитания (бассейны Невы и Ижоры) вдоль южного побережья Финского залива вплоть до нижнего течения Луги. Существует достаточно обоснованное мнение о близком родстве корелы и ижоры, обусловленном формированием этих племен на единой древнекарельской основе³⁴. Культурное сходство ижоры с корелой подтверждается и крайне скудными пока археологическими находками XIII — XIV вв. на Ижорской земле³⁵. Для определенного периода можно, по-видимому, предполагать существование общего корельско-ижорского набора украшений.

В процессе расселения ижора должна была вступить в прямые контакты с населением Водской земли. Не исключено, что отдельные группы ижорцев осели на самом плато, восприняв курганно-жальничный обряд погребения. Особый интерес представляет могильник у д. Волковицы на северо-восточной окраине возвышенности, в материалах которого выявляется наибольшая примесь вещей древнекарельских типов. Памятник характеризуется и концентрацией в погребениях литых орнаментированных рукоятей ножей (шесть), а также составных и цельнометаллических ножен (четыре). Вполне вероятно принадлежность части захоронений этого кладбища представителям ижорского племени.

Вместе с тем у нас нет достаточных оснований связывать распространение рассматриваемых древностей в Водской земле только с инфильтрацией в эту область носителей корельско-ижорской культуры. Как отмечалось, орнамент большинства составных ножен традиционен для изделий именно данной территории и качественно отличается от узора на корельских ножнах. Еще в большей степени местные особенности сказываются в появлении цельнометаллических футляров, неизвестных за пределами Ижорской возвышенности. Тем не менее, обе эти разновидности коррелируются с рукоятями, декор которых аналогичен орнаменту находок из Саво-Карелии. Такое сочетание может быть обусловлено созданием в Водской земле (очевидно, под влиянием корельско-ижорских образцов) собственных модификаций ножен.

Литые рукояти, составные и цельнометаллические ножны местного типа распространяются в Водской земле относительно поздно — не ранее второй половины XII — XIII в. Сопровождающий инвентарь представлен украшениями преимущественно XIII — XIV вв. В некоторых комплексах обнаружены вещи, появляющиеся, судя по новгородской стратиграфии, только с конца XIII в. (многобусинные височные кольца) или с XIV в. (серьги в виде вопросительного знака). Состав вещевых находок в целом характерен для самобытной «областной» культуры Водской земли, сложившейся в результате активного славяно-финно-угорского взаимодействия. В древнерусской по основным признакам местной культуре ощущается несомненное наследие водских традиций, определившее появление в ней ярких субстратных особенностей. К числу последних можно отнести и ножны третьей и четвертой групп, территория распространения которых локализуется в ареале прибалтийско-финских племенных образований.

При изучении связей между отдельными общностями особое внимание обычно уделяется выявлению в культурах элементов чужеродного происхождения. Проанализированные материалы содержат информацию о несколько ином аспекте межэтнических контактов. Речь идет о

заимствовании некоторых традиционных элементов соседних группировок и об их творческой переработке, приспособлении к местным вкусам. В результате происходило обогащение культур, придание им качественно новых, не связанных с предшествующей эпохой особенностей.

- ¹ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского//МАР. СПб., 1896. № 20. С. 98; ГИМ, инв. 35322, хр. 121/32а.
- ² ГИМ, инв. 35322, хр. 33/9а.
- ³ Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. С. 121. Рис. 27, 9.
- ⁴ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 147. Abb. 1227.
- ⁵ Tonisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh.—Anfang 13. Jh.). Tallinn, 1974. Taf. XIX, 2, XXIII, 6.
- ⁶ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 124—126. Рис. 113, 1; 119, 9.
- ⁷ Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 г. и 1896 г.//МАВГР. М., 1899. Т. 3. С. 208, 222; ОИПК ГЭ, инв. 624/1028; 1043/46.
- ⁸ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья//МАР. СПб., 1895. № 18. С. 113, 114, 116, 134. Табл. VII, 10, 15; Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье//ИГАИМК. Л., 1934. Вып. 94. С. 31; Лиевский А. М. Отчет об исследовании курганов X—XI вв. на р. Ояти Ленинградской обл. в 1947 г.//Архив ИА. Р-1. Д. 154. Л. 27, 119, 120.
- ⁹ Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова//МАР. СПб., 1903. № 29. С. 99, 101, 103, 104.
- ¹⁰ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 28. См. также: Lietuviu liaudies menas. Vilnius, 1966. 65—67, 69 il.
- ¹¹ ГИМ, инв. 35322, хр. 33/17а.
- ¹² Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 16.
- ¹³ Спицын А. А. Гдовские курганы... С. 36.
- ¹⁴ Архив ИА. Р-1. Д. 154. Л. 181, 182.
- ¹⁵ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма... С. 43. Табл. XIV, 34.
- ¹⁶ Кочуркина С. И. Древняя корела. С. 120—122. Рис. 27. См. также: Heikel A. O. Tuukkalan Löytö//SMYA. Helsinki, 1899. Т. 10. Schwidt T. Tietoja Karjalan gautakaudesta//Ibid. 1893. Т. 13; Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л., 1981. Табл. 13, 4; 14, 4; 17, 9; 19, 14; 20, 12; 21, 5; 22, 12; 23, 15, 16, 19; 24, 10.
- ¹⁷ ГИМ, инв. 35322, хр. 121/186; 121/26а (2 экз.).
- ¹⁸ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 104—106. Табл. XI, 13; ОИПК ГЭ, инв. 865/395.
- ¹⁹ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 65. Табл. XVIII, 9; ГИМ, инв. 35322, хр. 121/41а.
- ²⁰ ГИМ, инв. 35322, хр. 33/16.
- ²¹ ГИМ, инв. 35322, хр. 33/8а.
- ²² ГИМ, инв. 35322, хр. 121/17а.
- ²³ Selirand J. Eesti naiste noatuped//Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn. 1970. Lk. 172—174. Joon. 1, 1, 2; Idem. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11—13. sajand). Tallinn, 1974. Lk. 306, 307. Tahv. XXII, 5.
- ²⁴ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... С. 108. Табл. XVIII, 10.
- ²⁵ Кудряшев К. В. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии//ЗОРСА. СПб., 1913. Т. 9. С. 257; ОИПК ГЭ, инв. 878/110.
- ²⁶ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 152. Рис. 30.
- ²⁷ Кочуркина С. И. Территория летописной корелы в XII—XIV вв.: По археологическим данным//Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 62; Она же. Древняя корела. С. 120.
- ²⁸ Кочуркина С. И. Территория летописной корелы... С. 60—62; Она же. Древняя корела. С. 120.
- ²⁹ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии... Табл. XI, 1, 2; XIX, 26.
- ³⁰ Дело Археологической комиссии о раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царкосельского лесничества//Архив ЛОИА. Ф. 1, 1894 г. Д. 74.
- ³¹ Фотоархив ЛОИА. П-41866.
- ³² ГИМ, инв. 55416, хр. 125/496.
- ³³ Костромской обл. музей, инв. 15452, хр. СХХIV, 29.
- ³⁴ Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 21, 22; Лаанест А. Х. Историческая фонетика и морфология ижорского языка: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. Тарту, 1978. С. 41—46.
- ³⁵ ОАК за 1904 г. СПб., 1907. Отд. II: Случайные находки и приобретения. С. 109, 110. Рис. 200—202; Tallgren A. M. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord//ESA. Helsinki, 1928. Т. 3. P. 20; Idem. Die Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands//Ibid. S. 162—164. Abb. 38—42; Idem. The Prehistory of Ingria//Ibid. 1938. Т. 12. S. 84—103. Fig. 31; 27; 28.

ПУБЛИКАЦИИ

Е. Н. НОСОВ, А. В. ПЛОХОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ХОЛОПИЙ ГОРОДОК
ПОД НОВГОРОДОМ

В последнее десятилетие Новгородская областная экспедиция ЛОИА вела целенаправленные поиски и раскопки археологических памятников в Ильменском Поозерье. Основная цель этих работ — представить процесс становления Новгорода в единстве с развитием славянских поселений его округа конца I тысячелетия н. э., выявить облик почти не изученных здесь древностей предшествующего времени и учесть поселения эпохи расцвета Новгорода.

Одним из интереснейших памятников района является поселение Холопий городок, расположенное в 1 км вниз по течению р. Волхов от места слияния с ним его правого рукава р. Волхолец и в 14 км от оз. Ильмень. Поселение состоит из городища и примыкающего к нему селища. Городище занимает высокое (5—7 м) всхолмление на правом берегу реки, среди низменной поймы, заливаемой во время весенних паводков. Длина площадки городища, вытянутого вдоль Волхова, около 100 м, ширина — от 12 до 20 м. Ранее площадка была больше, со стороны реки она постоянно подмывается и разрушается во время половодий.

На селище, возвышающемся над окружающей поймой на 1—2 м, культурный слой прослеживается на 30—40 м к северу и востоку от подножия городка.

Холопий городок привлек внимание исследователей с самого начала археологического изучения Новгородской земли. Его первое описание было сделано З. Ходаковским во время путешествия в 1820—1821 гг. по северо-западным областям России¹. О нем упоминали А. И. Кулжинский, Д. Я. Самоквасов, А. Елисеев, И. С. Романцев². В 1890 г. известным новгородским краеведом В. С. Передольским на Холопьем городке были «проведены изыскания», но в чем они заключались, исследователь не сообщил³. Из его позднейших работ мы узнаем о находке на поселении куфических монет, керамики, небольших ножичков, ледоходных шипов и других древностей⁴.

В 1929 г. Холопий городок обследовал Н. Н. Чернягин, который снял первый план памятника⁵. В 1956 г. поселение осмотрел М. М. Аксенов. По обрыву площадки была проведена зачистка культурного слоя⁶. В начале 1960-х годов городище посещал С. Н. Орлов, а в 1973 г. он предпринял на селище аварийные раскопки вдоль краев силосной ямы (вскрыто 136 кв. м)⁷. В материке С. Н. Орлов обнаружил остатки девяти хозяйственных ям, относящихся к концу I тысячелетия н. э. В 1979 г. при вывозе песка значительная часть селища уничтожена.

В 1980—1981 гг. экспедиция ЛОИА впервые провела исследования собственно городища. Раскоп (256 кв. м) был заложен в западной части городка и охватил всю ширину его площадки. В культурном слое толщиной 0,3—0,8 м обнаружено большое количество обломков битого кирпича, фрагменты позднесредневековой (в основном XV—XVI вв.) ке-

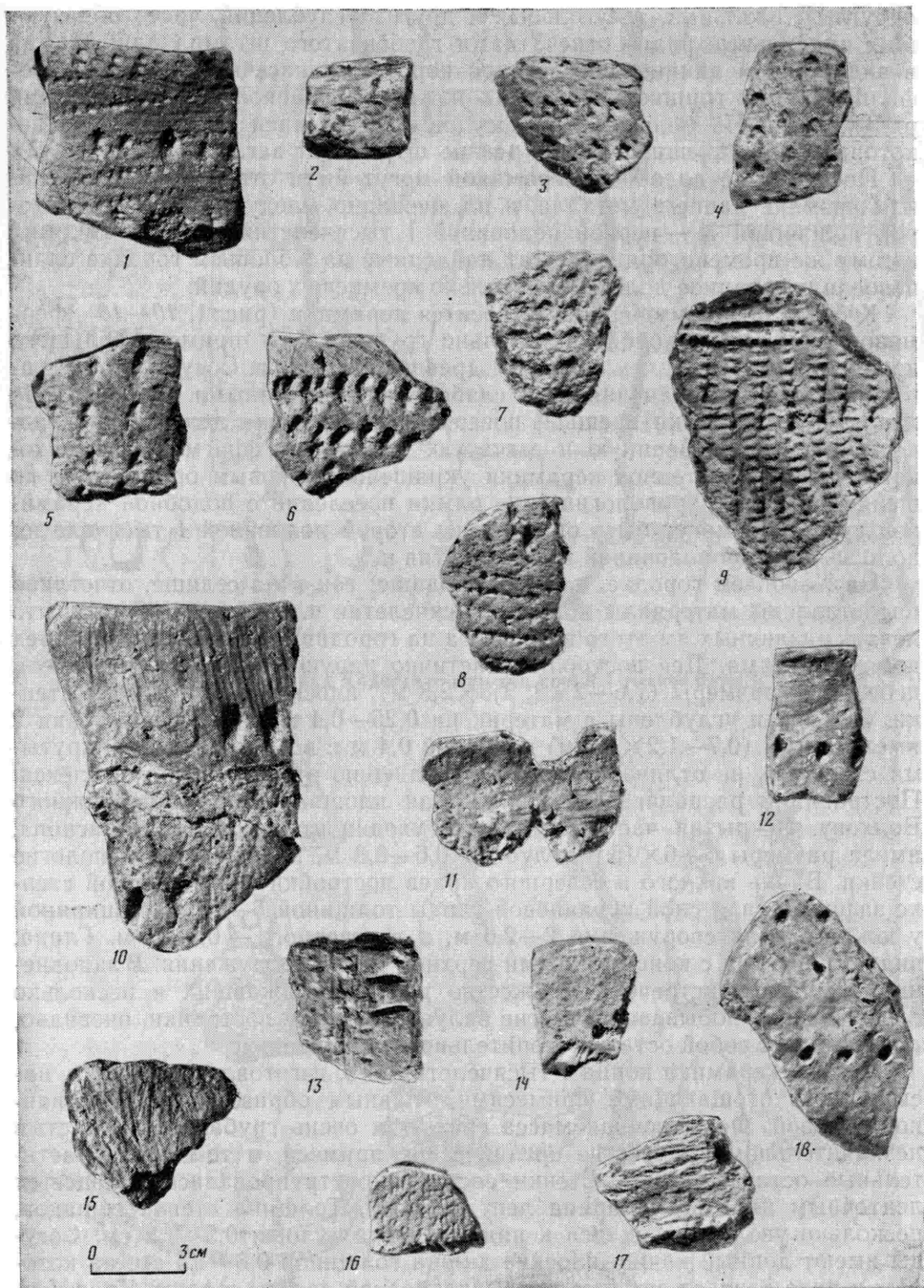

Рис. 1. Древнейшая керамика Холопьего городка (1—18)

рамики и лепной посуды, различные предметы. В материке выявлены основания углубленных построек и ямы.

Собранная коллекция объединяет материалы нескольких эпох. К древнейшему периоду относятся обломки сосудов в основном светлоричичевого цвета (рис. 1, 1—9). Керамика представлена двумя формами: это горшки с четко выраженным профилем, отогнутым наружу краем, вогнутой шейкой, покатыми плечиками и плоским дном и полушаровидные сосуды. Поверхность сосудов покрыта орнаментом из мелких

округлых, овальных, треугольных и других углублений, часто образующих правильные ряды, отпечатками гребенчатого штампа или штампа в виде тонкой линии, пересеченной короткими насечками. Шейки профилированных горшков украшены округлыми, расположенными в один ряд ямками. На большинстве сосудов с внутренней стороны, а на некоторых — и с внешней видны резкие штрихи от заглаживания.

Поселения с подобной керамикой могут быть отнесены к памятникам времени раннего металла, и их, очевидно, следует датировать второй половиной II — первой половиной I тысячелетия до н. э. Видимо, к тому же времени принадлежат найденные на Холопьем городке сланцевое шлифованное долото и несколько кремневых орудий.

К более позднему периоду относится керамика (рис. 1, 10—18), формовочная масса которой значительно грубее (из-за примеси большого количества дресвы), чем у посуды древнейших типов. Сосуды этой группы представлены баночными и слабопрофилированными формами. По характеру обработки внешней поверхности керамика делится на гладкостенную, штрихованную и сетчатую. Некоторые фрагменты штрихованной и гладкостенной керамики украшены тычковым орнаментом по шейке и тулову. Хронологические рамки поселений с подобной керамикой суммарно могут быть определены второй половиной I тысячелетия до н. э. — первой половиной I тысячелетия н. э.

На Холопьем городке, как на городище, так и на селище, отчетливо представлены материалы конца I тысячелетия н. э. На селище открыто девять различных ям этого времени, а на городище — нижние части трех построек и яма. Две постройки, частично нарушенные осыпями, имели небольшие размеры (1,6—2×3; 1,8×2,8 м), плоский пол и крутые стенки. Они были углублены в материк на 0,25—0,4 м. В полу постройки 2 имелась яма (0,7—1,2×1,8 м) глубиной 0,4 м с вогнутым дном и крутыми стенками, не отличающаяся по заполнению от основного комплекса. Постройка 3 располагалась вдоль края площадки, противоположного Волгову. Вскрытая часть комплекса, уходящего за пределы раскопа, имела размеры 5—6×15 м, глубину 0,6—0,8 м, плоский пол и пологие стенки. Вдоль южного и северного краев постройки и по северной стенке зафиксирован слой коричневой глины толщиной 5—20 см и шириной у южного края сооружения 2—2,6 м, а у северного — 0,8—4 м. Глина, видимо, связана с конструкциями верхней части сооружения. В заполнении комплекса встречено множество валунов, лежащих в несколько слоев. Развал побывавших в огне валунов на полу постройки, очевидно, представляет собой остатки отопительного сооружения.

Лепная керамика конца I тысячелетия н. э. изготовлена из теста, насыщенного отошающими примесями, главным образом некалиброванной дресвой. Формовочная масса средне- и очень грубая. В тесте есть в незначительном количестве органические примеси, в том числе растительные остатки, зерно. Стенки сосудов конструировались кольцевым ленточным налепом. Ширина лент 4—6 см. Толщина стенок горшков, несколько увеличивающаяся к нижней части тулова, 0,5—1,2 см. Сосуды имеют донный начин, плоские днища толщиной 0,8—1,5 см, на которых в ряде случаев заметна подсыпка мелкой дресвы и золы. Края венчиков округлены и уплощены, иногда имеют незначительные утолщения с внешней стороны. На заключительном этапе изготовления сосудов их поверхность заглаживалась (руками, пучком травы и т. д.) обычно в горизонтальном направлении по венчику, в вертикальном — по тулову.

Орнамент встречен лишь на четырех фрагментах горшков: тычки по плечу, две параллельные бороздки с ломаной линией между ними, каннелюры (рис. 2, 20).

Лепная керамика конца I тысячелетия н. э. представлена горшками и миниатюрными сосудиками. Большинство горшков имеет средние размеры (диаметр венчиков 12—21 см, днищ — 8—14 см). По характеру профилировки верхних частей среди горшков можно выделить две основные группы. Первую составляют сосуды с четко выраженным пле-

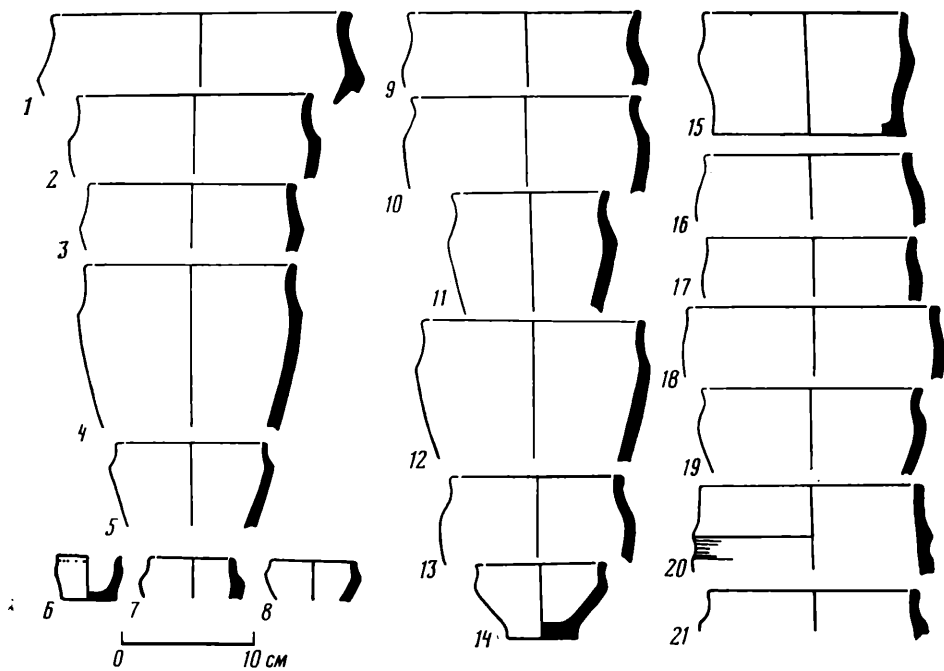

Рис. 2. Лепная керамика Холмьего городка конца I тысячелетия н. э. (1—21)

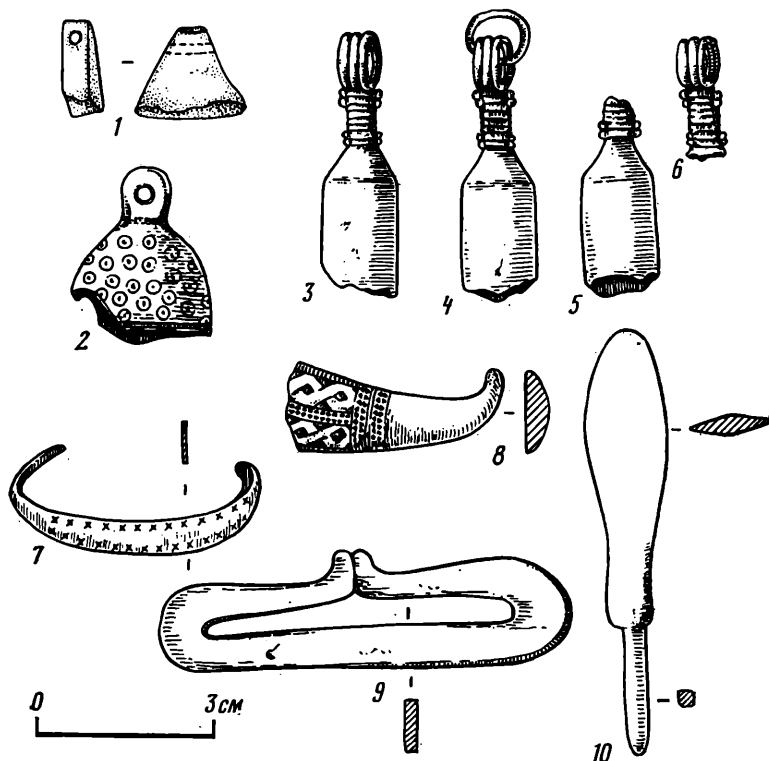

Рис. 3. Вещи из раскопок Холмьего городка

1 — янтарь; 2—8 — бронза; 9, 10 — железо

чиком, часто — с ребром при переходе от горловины к конически сужающемуся тулову и выделенной шейкой (рис. 2, 1—5, 9—13, 15). Наибольший диаметр сосуда имеют на уровне плечиков. Отдельные горшки этой группы отличаются друг от друга размерами шейки, выраженностью плечика и некоторыми другими деталями, но сохраняют при этом указанные общие признаки. Керамика этой группы составляет основную массу всей лепной посуды конца I тысячелетия н. э. поселения и определяет его керамический комплекс. К другой группе относятся горшки со слабовыраженной, несколько отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей к пологому плечико (рис. 2, 16—18). Сосуды этой группы имеют наибольшее расширение на уровне плечиков.

В коллекции есть также обломки сосудов, представленных единичными экземплярами. К ним относятся два фрагмента горшков баночной формы с прямым горлом и уступчиком на плечике (рис. 2, 21) и обломок верхней части сосуда с короткой, отогнутой наружу шейкой, суженным горлом и округлым плечиком (рис. 2, 19). Выделяется небольшая серия миниатюрных сосудов диаметром венчика 5—10 см (рис. 2, 6—8, 14). По форме они аналогичны большим горшкам. Один из них украшен рядом наковов по шейке (рис. 2, 6).

Сравнение лепной посуды Холопьево городка с материалами археологических памятников Северо-Запада РСФСР, имеющих слои VIII — начала X в., показало ее тождество с керамикой нижних горизонтов таких значительных центров, как Ладога, Рюриково городище, Новгород, и ряда поселений Поволжья и Ильменского Поозерья⁸. Керамика близких форм встречена при раскопках Городца под Лугой, Городка на р. Ловать, селища Золотое Колено на р. Мста, городища Камно, нижних слоев Пскова и Изборска и др.⁹ Она найдена во многих погребениях в сопках¹⁰.

Особый интерес среди находок конца I тысячелетия н. э. представляет клад хозяйственных орудий и инвентаря, обнаруженный в заполнении постройки 3. В состав клада входили два железных наконечника однозубых пахотных орудий, две косы, узколезвийный топор, точило, мотыжка-тесло, пешня, скобель, нож и удила с эсвидными псалиями, увенчанными зооморфными головками (железные псалии инкрустированы бронзовыми пластинками; глаза головки — вставки синего кобальтового стекла)¹¹. В кладе, относящемся к IX в., в вещественной форме воплотилась земледельческая направленность занятий его владельца. Подчеркнем, что железные наконечники пахотных орудий, мотыжка-тесло из клада, как и встреченное в заполнении постройки 3 калачевидное кресало (рис. 3, 9), входят, по мнению Р. С. Минасяна, в хозяйственно-бытовой комплекс, появившийся в лесной зоне Восточной Европы с расселением здесь славян¹².

Для датировки поселения важна находка части бронзового массивного ладьевидного браслета, украшенного плетеным орнаментом (рис. 3, 8). Аналогии ему имеются в древностях Норвегии, Швеции, Финляндии и относятся там к IX в.¹³ Встречены обломок бронзового пластинчатого браслета с сужающимися дровыми концами, украшенного двумя рядами крестовидных насечек (рис. 3, 7), часть массивного бронзового бубенчика с циркульным орнаментом, похожего на бубенчик из Бирки (рис. 3, 2)¹⁴. Интересны фрагменты четырех бутылковидных привесок (рис. 3, 3—6), распространенных в древностях финно-угорских народов во второй половине I — начале II тысячелетия. Наиболее характерны они для финно-угров Волго-Окского междуречья. Самые близкие аналогии привескам Холопьево городка происходят из кургана 4 Михайловского могильника в Ярославском Поволжье¹⁵. В слое городища найдена трапециевидная подвеска из красноватого янтаря с отверстием для подвешивания в верхней части (рис. 3, 1). Такие же подвески известны в погребениях Бирки и Саркельского могильника¹⁶. Наконец, упомянем четвертинку дирхема, железный рыболовный крючок, два глиняных пряслица (полусферическое подлощенное и биконическое с орнаментом

в виде ямок) и железный наконечник стрелы, близкий по форме к ланцетовидным (длина 7 см, длина пера 5 см, ширина — 1,3 см; рис. 3, 10).

На поселении найдено 17 стеклянных бусин, которые, за исключением одной, имеют аналогии среди находок Старой Ладogi. Среди них мозаичная бусина желто-красно-зеленой окраски (группа I бус Ладogi). Она, по мнению З. А. Львовой, может быть датирующим предметом VIII — IX вв.¹⁷ Округло-бочонкообразная бусина черного стекла с ярковасильковыми глазками в белых кольцевых кругах (группа II бус Ладogi) датируется VIII — X вв.¹⁸ К группе III относится бочонкообразная бусина из заглушенного стекла печеночно-красного цвета. Основная масса таких бус найдена в горизонтах E₃ — Д Ладogi и имеет многочисленные аналогии в материалах памятников Северной Европы VIII — X вв.¹⁹ Встречена бусина светло-голубого прозрачного стекла в форме куба со срезанными углами. Такие бусины относятся к самым ранним образцам группы IX Ладogi, где они найдены в слоях VIII — X вв.²⁰ Наиболее многочисленна на Холопьем городке подгруппа 3 группы VIII бус Ладogi — «рубленный» бисер: желтый (8 экз.), серо-голубой (1), зеленый (1), синий (1) и белый (1). Среди староладожской коллекции не удалось найти аналогий округлой бусине черного стекла с мозаичными глазками зелено-сине-бело-коричневого цвета. Эта бусина отличается от других и по химическому типу стекла (Pb — Na — Ca — Si). Наличие в составе стекла 20% Na₂O при отсутствии калия говорит об использовании природной соды, в то время как в производстве других бус использовалась зола солончаковых растений²¹. Подобные бусы найдены на памятниках эпохи викингов в Скандинавии²².

В отличие от многих поселений Поволховья и Ильменского Поозерья, на Холопьем городке в культурном слое и в заполнении сооружений представлена исключительно лепная керамика конца I тысячелетия н. э. Это крайне важный факт для датировки, поскольку в данном районе гончарная посуда получает распространение с начала X в., а следовательно, комплексы без нее относятся к более раннему периоду²³. Существование Холопьевого городка в IX в. подтверждается случайным открытием на селище во время вывоза песка клада восточных монет, младшая из которых относится к 810/811 г.²⁴, и уже упомянутыми отдельными находками (прежде всего клад хозяйственного инвентаря, ладьевидный браслет, бусы). Но нельзя исключить, что поселение возникло еще в VIII в.

В конце I тысячелетия н. э. северо-западное Приильменье и исток Волхова стали центром пришедшей сюда северной группы славян. Этот район, характеризующийся легкими почвами, благоприятными для первоначального земледельческого освоения, и обширными заливными лугами, превратился в одну из наиболее населенных и освоенных в сельскохозяйственном отношении областей Новгородской земли²⁵. Важную роль в его социально-экономическом развитии сыграло также выгодное географическое положение на перекрестке двух крупнейших международных путей средневековья: балтийско-волжского и балтийско-днепровского. Об этом свидетельствуют значительная концентрация кладов восточных монет IX — X вв. в верховьях Волхова (12) и находки на поселениях предметов дальней международной торговли²⁶.

На основе сравнительно высокого уровня сельскохозяйственного развития района и участия его населения в международной торговле в северной части Приильменья в IX в. сложилась густая сеть поселений с единой материальной культурой²⁷. Одним из них и был Холопий городок. Он играл особую роль в системе поселений верховьев Волхова. Еще в 1893 г. В. С. Передольский, оценивая месторасположение городка, не без оснований полагал, что он был «сторожевым поселением», «наблюдавшим» за плаванием по Волхову²⁸. В. С. Передольский правильно подметил главную топографическую особенность поселения, его размещение в месте, контролировавшем движение при раздвоении Волхова на рукава, т. е. в стратегически важном пункте волховского водного

пути. По топографическому положению Холопий городок можно сопоставить с Рюриковым городищем, находящимся у другого конца раздвоения Волхова на рукава²⁹.

При раскопках на Холопьем городке не встречена гончарная керамика X в. и древнерусского времени, отчетливо представлены лишь материалы XV—XVI вв. Однако к XIII в. относится первое упоминание городка в письменных источниках: в латинской редакции договора 1270 г. Новгорода с Ганзейским союзом городов говорится о пристани Drelleborch (буквально — Холопий городок) как о последней остановке перед Новгородом при плавании по Волхову³⁰. Под 1417 г. в Новгородской первой летописи младшего извода сообщается о постройке на Холопьем городке каменной церкви св. Николая³¹. Как топографический ориентир Холопий городок с Никольской церковью упоминается в данной новгородского посадника Ивана Лукинича Островскому Никольскому монастырю (1456—1471 гг.) и в его же духовной (не позднее 1471 г.)³². Сведения о монастыре Николая Чудотворца на городке имеются за период 1577—1589, 1620—1621, 1645 гг.³³

Безусловный интерес представляет вопрос о причинах закрепления за данным поселком названия, связанного с холопами, тем более что известен и еще один Холопий городок — на р. Молога. Обычно появление подобного наименования исследователи рассматривают сквозь призму сказаний XVI—XVII вв. о холопьем войне в древней Руси. Прежде всего это касается городка на Мологе, причем иногда приводятся сведения и о городке близ Новгорода³⁴. За одним из вариантов сказания, где говорится об основании Холопьяго городка на Мологе бежавшими из Новгорода холопами³⁵, М. Н. Тихомиров был склонен видеть реальную основу³⁶. А. А. Зимин поддержал его выводы и предположил, что сказание о беглых новгородских холопах имеет в виду события начала XI в. — известное восстание волхов на Белоозере в 1024 г. и поход туда князя Ярослава Владимировича³⁷.

Появление названия Холопий городок под Новгородом, по нашему мнению, не связано с легендарным восстанием холопов, а происходит от поселения на этом месте зависимых людей. Возникло название до 1270 г. (первое упоминание в письменных источниках), но после начала XI в., когда термин «холоп» стал входить в жизнь для обозначения определенной социальной группы населения³⁸. Не исключено, что размещение на ключевом месте волховского пути поселения зависимых, скорее всего княжеских, людей было обусловлено ролью городка как последней пристани на Волхове перед городом и участием холопов в каких-либо трудоемких операциях — перегрузке судов, проводке их вверх по течению Волховца к Городищу и новгородскому торгу и т. д. Последнюю мысль высказывал в свое время В. С. Передольский³⁹.

¹ Историческая система Ходаковского//РИС. СПб., 1838. Т. 1, кн. 3. С. 10, 49; Отрывок из путешествия Ходаковского по России//Там же. 1839. Т. 3, кн. 2. С. 162, 163; Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуга-Ходаковского//Там же. 1844. Т. 7. С. 102, 311.

² Кулжинский А. И. Курганы Новгородской губернии//ИАО. СПб., 1861. Т. 2, вып. 2. С. 150; Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873. С. 110, 113; Он же. Историческое значение городищ//Тр. III АС. Киев, 1878. Т. 1. С. 229; Елисеев А. К археологии и антропологии Ильменского бассейна//ЖМНП. СПб., 1881. Ч. 214, апрель. С. 314, 319; Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 63, 65.

³ Передольский В. С. Отчет о раскопках, произведенных по открытому листу от 3 мая за № 440//Архив ЛОИА. Ф. 1, 1890 г. Д. 46. Л. 5 об.

⁴ Передольский В. С. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893. С. 160, 161; Он же. Новгород Великий в бытовых свидетельствах стародавней жизни//Архив Новгородского музея. Д. 5317. Л. 39.

⁵ Черняин Н. Н. Отчет о маршрутной рекогносцировке по р. Волхову в 1929 г.//Архив ЛОИА. Ф. 2, 1929 г. Д. 122. Л. 43, 44.

⁶ Аксенов М. М. Древнеславянские поселения Новгородской обл.//Архив Новгородского музея. Д. 11894. Л. 6, 7; Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода//НИС. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 167, 168.

- ⁷ Орлов С. Н. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода//СА. 1967. № 2. С. 236; *Он же*. Отчет о работе совместной археологической экспедиции Новгородского пед. ин-та и Новгородского музея в 1973 г.//Архив ИА. Р-1. № 5162. Л. 16—21.
- ⁸ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода//КСИА. М., 1976. Вып. 146; Носов Е. Н. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище//Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 95—98; *Он же*. Поселение у волховских порогов//КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 77. Рис. 1; *Он же*. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э.//КСИА. М., 1981. Вып. 164. С. 22. Рис. 2; Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения... С. 166. Рис. 3; 4; Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода//СА. 1972. № 2. С. 127—138. Рис. 3—5; Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 64—66. Рис. 25; 26. С. 186, 187. Рис. 3.
- ⁹ Лебедев Г. С. Городец под Лугой//КСИА. М., 1973. Вып. 135. С. 76. Рис. 24; Ефимова Н. А. Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой//Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 96—101. Рис. 2; Белецкий С. В. Псковское городище: Керамика и культурный слой//Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 52. Рис. 6; 7; *Он же*. Керамика городища Камно Псковской обл.//КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 92—95. Рис. 1—3; Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища//КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 63—67. Рис. 1; Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати//КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 76, 77. Рис. 24.
- ¹⁰ Ряд сопки близ Ладзги; сопка Деревянишы под Новгородом; сопки Золотое Колено и Заручевье в бассейне р. Мста.
- ¹¹ Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки Новгородской округи. Л., 1985. С. 21, 22.
- ¹² Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24—29.
- ¹³ Petersen J. Vikingetidens Smykker. Stavanger, 1928. S. 154; Kivikoski E. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet//Acta Archaeologica. København, 1937. V. 8. S. 238—241; Korkeakoski-Väisänen K. Manner-Suomen viikinski-ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornametiiikka. Turku, 1981. S. 75, 76, 83, 84.
- ¹⁴ Arbman H. Birka 1: Gräber. Uppsala, 1940. Taf. 93, 14.
- ¹⁵ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетиях//МИА. М.; Л., 1941. № 6. С. 73. Табл. III, 2, 6.
- ¹⁶ Arbman H. Birka... Taf. 103, 2; Артамонова О. А. Могилиник Саркела — Белой Вежи//МИА. М.; Л., 1963. № 109. Рис. 73; 85, 3; 89, 1; 113, 1. С. 122, 132.
- ¹⁷ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги//АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. Ч. 1: Способы изготовления, ареал и время распространения. С. 68; *Она же*. Бусы I Поломского могильника//Там же. 1973. Вып. 15. С. 86.
- ¹⁸ Львова З. А. Стекланные бусы... С. 71.
- ¹⁹ Там же. С. 72; Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладоги: По материалам раскопок 1973—1975 гг.//Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982. С. 168, 170.
- ²⁰ Львова З. А. Стекланные бусы... С. 90; Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладоги... С. 168.
- ²¹ Анализ стекла (четыре образца) произведен в лаборатории спектрального анализа ЛОИА В. А. Галибиным.
- ²² Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia, ca. 800—1000 a. d. Gotab, 1977. P. 88 (B082).
- ²³ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода. С. 9, 10; Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 11, 12; Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге: Итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.//Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 37.
- ²⁴ В Новгородский музей поступили четыре сасанидские драхмы и 20 куфических дирхемов. Еще одна драхма осталась у находчиков. Первоначальные размеры клада неясны.
- ²⁵ Носов Е. Н. Археологические памятники Новгородской земли VIII—X вв.//Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 86, 87; *Он же*. Поселения IX—X вв. в окрестностях Новгорода//Новгородский край. Л., 1984. С. 124, 125.
- ²⁶ Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути в конце VIII—X вв.//ВИД. Л., 1976. Вып. 8. С. 102, 105; *Он же*. Новгород и Новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных: К вопросу о возникновении Новгорода//НИС. Новгород, 1984. Вып. 2(12). С. 20, 36; *Он же*. Волховский водный путь... С. 22.
- ²⁷ Носов Е. Н. Археологические памятники... С. 96, 97.
- ²⁸ Передольский В. С. Бытовые остатки... С. 161.
- ²⁹ Носов Е. Н. Волховский водный путь... С. 21.
- ³⁰ Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879. С. 154; Брим В. А. Путь из варяг в греки//Изв. АН СССР. М., 1931. № 2. С. 226.
- ³¹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 407.
- ³² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Л., 1949. С. 173, 177.
- ³³ Макарий. Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятинах XVI в.//Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1856. Кн. 24. Отд. III. С. 36; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи.

СПб., 1897. Т. 3. С. 115; Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // *Опись Новгорода 1617 г.* М., 1984. Ч. 2. С. 299.

³⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 50; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 68—72.

³⁵ Гиляров Ф. Предания русской Начальной летописи. М., 1878. С. 32 и след.

³⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 50.

³⁷ Зимин А. А. Холопы на Руси... С. 71, 72.

³⁸ Там же. С. 67.

³⁹ Передольский В. С. Бытовые остатки... С. 161; *Он же.* Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 78.

П. Д. МАЛЫГИН

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТОРЖКА

Археологические исследования одного из древнейших верхневолжских городов — Торжка, проводившиеся в 1957, 1969 и 1980—1984 гг.¹, касались прежде всего центральной укрепленной части города — Верхнего и Нижнего городищ. Данная статья посвящена закономерностям распределения культурного слоя города в целом и в особенности его посадов.

Первое упоминание о посаде Торжка относится к 1273 г., когда «князь Василей Ярославич Костромки приходи... к Торжьку и пожже посад и посади своего наместника в городе»². В Новгородской летописи под 1238 г. упоминается «чин черноризчской»³ в Торжке, что свидетельствует о наличии за пределами крепости монастыря или монастырей. Прав был М. Н. Тихомиров, когда писал, что в домонгольском Торжке «имелся укрепленный замок..., вокруг которого надо предполагать существование посада»⁴.

На основе обобщения данных геологического бурения⁵ и наблюдений при различных земляных работах за культурным слоем, проводившихся в 1960—1980 гг. торжокскими краеведами и автором, составлен план распределения слоя по толщине (рис. 1; 2). Выяснена мощность культурного слоя на всей территории исторической части города. Оказалось, что за пределами центральной укрепленной части города расположены мощные и обширные участки культурного слоя, соответствующие посадкам Торжка.

При обобщении данных бурения, изучении слоя в котлованах и траншеях учитывалось, что в современном рельефе Торжка четко выделяются две зоны: 1) подольная, связанная с высокими поймами, первыми надпойменными террасами и низкими уступами коренного берега р. Тверца и нижнего течения ручья Здоровец (максимальная высота современной поверхности над уровнем воды в Тверце 8—12 м); 2) нагорная, связанная с коренными берегами Тверцы и ее притоками — ручьями (высота над уровнем воды в Тверце 20—25 м). Мощность культурного слоя в этих зонах различна. В подольной части по толщине культурного слоя выделяются четыре участка: 1) 4—6 м; 2) 2—4 м; 3) 1—2 м; 4) 0,5—1 м. В нагорной части выделяются главным образом два участка: 1) 1—2 м; 2) 0,5—1 м. Исключение составляет район Борисоглебского монастыря, где выявлен небольшой участок с увлажненным слоем толщиной до 3 м.

Вся толща культурного слоя в подольной части города (в том числе Нижнее городище) четко разделяется на верхний сыпучий перемешанный грунт с прослойками угля и строительного мусора и нижние черно-коричневые и коричневые слои повышенной влажности, содержащие деревянные конструкции, щепу, лесные орехи, навоз, кожу⁶. В нагорной

части средневековый культурный слой представляет собой в основном однородный черно-серый грунт, в котором от деревянных конструкций остается лишь древесный глени. Исключение составляет район Борисоглебского монастыря, где деревянные конструкции сохраняются относительно хорошо. Материк в подольной части сложен моренными глинами и суглинками серовато-синего и красного цвета, а в нагорной части — желтыми супесями и суглинками, реже — рыжей глиной.

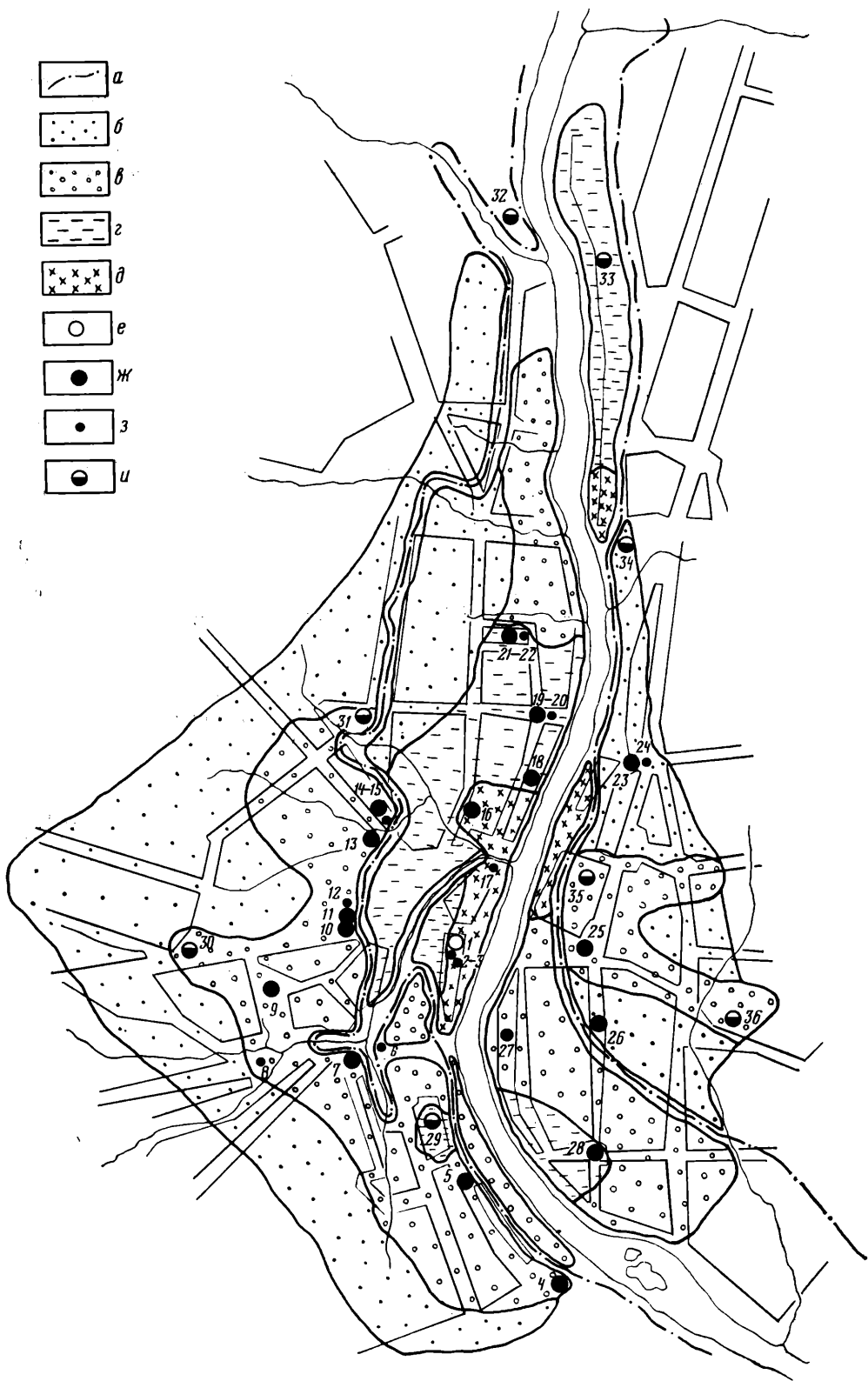
Наблюдения за толщиной слоя и рельефом материка позволяют установить главную закономерность в расположении участков с различным по мощности слою. В подольной части участки с максимальной толщиной культурного слоя тяготеют непосредственно к береговым линиям Тверцы и устьям ручьев. То же прослеживается и в Новгороде⁷. В нагорной части наиболее мощные слои связаны с краем коренного берега, обращенного к Тверце и ее притокам. В обеих ландшафтных зонах материк имеет общий наклон к реке и ручьям, как правило, более значительный, чем современная поверхность, а увеличение толщины слоя внутри выделенных участков как раз зависит от наклона материка.

Выявленной закономерности как будто противоречат «языки» культурного слоя мощностью 1—2 м, тянущиеся в нагорной части в противоположные стороны от берега реки. Однако данные XVI—XVII вв. позволяют связать эти «языки» с основными сухопутными дорогами, идущими из Торжка. Так, мощная полоса культурного слоя к северо-западу от церкви Успения и Козмы и Дамиана связывается с дорогой в урочище Поклонница, где, видимо, существовало языческое капище⁸. Полоса слоя между Пятницкой церковью и Богоявленским монастырем соответствует Пятницкой дороге⁹, соединявшей поселение и монастырь Пятница-Плот на р. Осуга с Торжком. На левом берегу Тверцы полоса слоя толщиной 1—2 м, тянущаяся к Васильевскому монастырю, связана с двумя дорогами — Московской проезжей¹⁰, соединявшей Торжок с Тверью, и Погорельской¹¹, шедшей в пригородную деревню Погорелое. Еще один «язык» слоя толщиной 1—2 м к западу от Воскресенского монастыря, по-видимому, следует связывать с Зеленецкой и Русановской малой дорогами¹², которые, вероятно, образовывали так называемый Литовский тракт, соединявший Торжок с Бежецким Верхом. Таким образом, выявляется еще одна закономерность в расположении участков культурного слоя: в нагорной части узким полосам мощного культурного слоя соответствуют основные средневековые сухопутные магистрали, вдоль которых развивалась городская застройка.

В некоторых древнерусских городах выявлена зависимость толщины культурного слоя от периода существования города. Исследователи новгородского культурного слоя отмечают: «Что касается средневекового культурного слоя, то интенсивность его отложения была более постоянной... Нужно сделать исключение для особо важных участков, где в целях мелиорации производились подсыпки грунта... и мест, расположенных... у подножия древних холмов, где могли образовываться дополнительные отложения за счет смыва грунта сверху. Однако в целом средневековый культурный слой способен более непосредственно продемонстрировать прямую зависимость мощности от времени существования»¹³. «В Пскове эта зависимость... имела место, но особенности рельефа вносят свои коррективы»¹⁴.

Чтобы выяснить, зависит ли мощность слоя от времени его существования в Торжке, необходимо датировать слои на разных участках.

Основным материалом для датировки участков культурного слоя разной мощности служит керамика. Основная коллекция ее происходит из 13 траншей и трех котлованов, расположенных на территории городских посадов, а также с бечевника Тверцы, вне пределов кремля, и насчитывает около 1 тыс. фрагментов¹⁵. Керамика городских посадов датировалась с помощью сопоставления с хронологическими шкалами керамики из раскопок 1980—1984 гг. Верхнего и Нижнего городищ. Боль-

шую помощь оказали консультации Г. П. Смирновой, которой автор выражает признательность.

Керамический материал из отмеченных траншей и котлованов позволяет сделать вывод о непрерывной заселенности данных участков на протяжении нескольких столетий. Для установления времени начала отложения культурного слоя важны самые ранние формы керамики. Из всей массы фрагментов сосудов было отобрано свыше 200 венчиков наиболее ранних форм. В нагорной части, где максимальная толщина культурного слоя 2—3 м, ранние формы керамики, собранной из траншей и котлованов, точно соответствуют древнейшим предматериковым напластованиям. В подольной части, где мощность слоя достигает в некоторых местах 6 м, траншеи и котлованы, как правило, не прорезают культурный слой до материка, и здесь наиболее ранние формы керамики могут не соответствовать предматериковым слоям. Чтобы установить здесь время начала отложения культурного слоя, приходится сопоставлять общую мощность слоя и древнейшие формы керамики с мощностью слоя и керамикой раскопов 1981 и 1984 гг. на Нижнем городище, где составлена хронологическая шкала и культурный слой исследован до материка¹⁶.

Отобранные из общей коллекции венчики с посадков, а также керамика из нижних пластов раскопов 1980—1984 гг. Верхнего и Нижнего городищ (территория кремля) делятся по технологии изготовления и форме на девять групп (рис. 3).

Группа 1. Венчики лепных сосудов без орнамента, с шероховатой поверхностью, обильной примесью дресвы в тесте. По форме они близки к типам VI—VIII новгородской лепной керамики¹⁷ и могут датироваться IX—началом X в.

Группа 2. Венчики раннегончарных сосудов—прямые, край косо срезан внутрь, стенки округлые, имеют орнамент из многорядной «волны». В месте перехода венчика в стенки прослеживается валик. В тесте значительны примеси дресвы. Близки по форме новгородским горшкам типа IIIБ¹⁸. Датированы в Новгороде и в слоях Нижнего городища X—XI вв.

Группа 3. Венчики подразделяются на два вида: 1) слабоотогнутые наружу, низкая шейка и округлые плечики, орнаментированные многорядной «волной»; происходят из слоев X в. (общая толщина слоя 3,5 м) раскопа Нижнего городища и аналогичны сосудам типа IVA Новгорода¹⁹; 2) фрагменты сосудов со значительно отогнутым наружу венчиком, край имеет «секировидную» форму и небольшой уступ на верхнем срезе, шейка низкая, внутри—резкий изгиб, орнамент линейно-прочерченный и волнистый. На Нижнем городище венчики вида 2 встречаются в слоях, не содержащих стеклянных браслетов и датировемых XI—первой половиной XII в. Аналогии имеются в новгородской керамике (типы IVB, Г)²⁰.

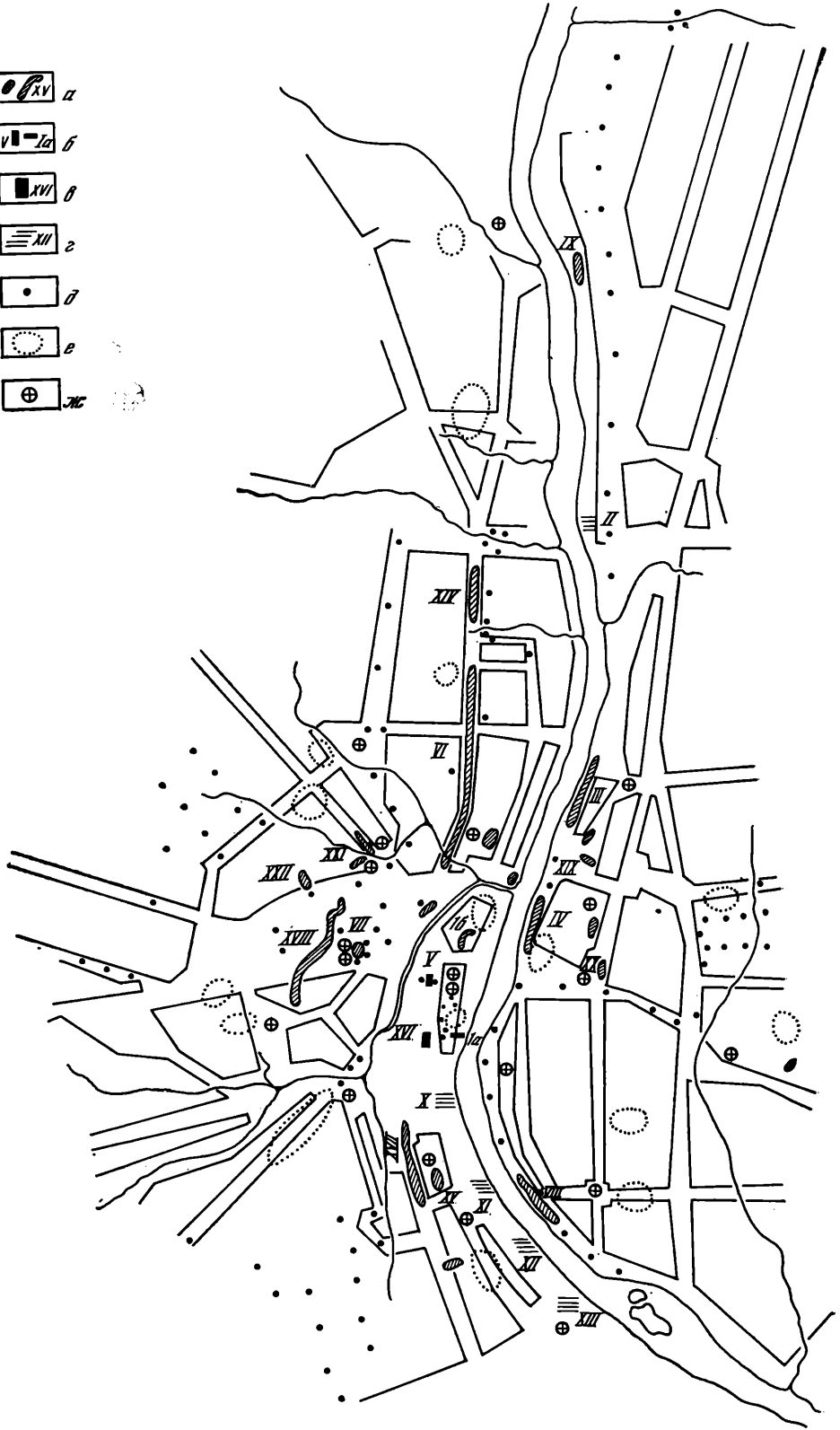
Группа 4. Фрагменты сосудов имеют высокую округлую шейку, которая плавно переходит в высокое округлое плечико. Края венчиков округлые, оттянутые и др. Орнамент состоит из прочерченных линий и

←←

Рис. 1. Схематический план распределения культурного слоя по толщине на территории Торжка

a — граница подольной и нагорной частей; *b* — слой толщиной 0,5—1 м; *в* — 1—2 м; *г* — 2—4 м; *д* — 4—6 м; *e* — собор; *ж*, *з* — церкви XV—XVII вв.; *и* — монастыри; церкви: 1 — собор Спаса; 2 — Афанасия и Кирилла; 3 — Николы; 4 — Вознесения; 5 — Воскресения; 6 — Иоакима и Анны; 7 — Благовещения; 8 — Апостола Филиппа; 9 — Параскевы Пятницы; 10 — Егория; 11 — Знамения; 12 — Екатерины; 13 — Успения; 14 — Козмы и Дамиана; 15 — Сретения; 16 — Климента; 17 — Рождества Богородицы; 18 — Жен Мироносиц; 19 — Рождества Иоанна Предтечи; 20 — Трех Святителей; 21, 22 — Троицы и Ипатия «на одном обрубе»; 23 — Пророка Ильи; 24 — Параскевы Пятницы; 25 — Воздвижения; 26 — Димитрия; 27 — Власия; 28 — Николы Чудотворца; монастыри: 29 — Борисоглебский; 30 — Богоявленский; 31 — Никитский; 32 — Троицкий; 33 — Пустынский; 34 — Рождественский; 35 — Девич; 36 — Васильевский

- α
- β
- γ
- δ
- ϵ
- ζ
- η

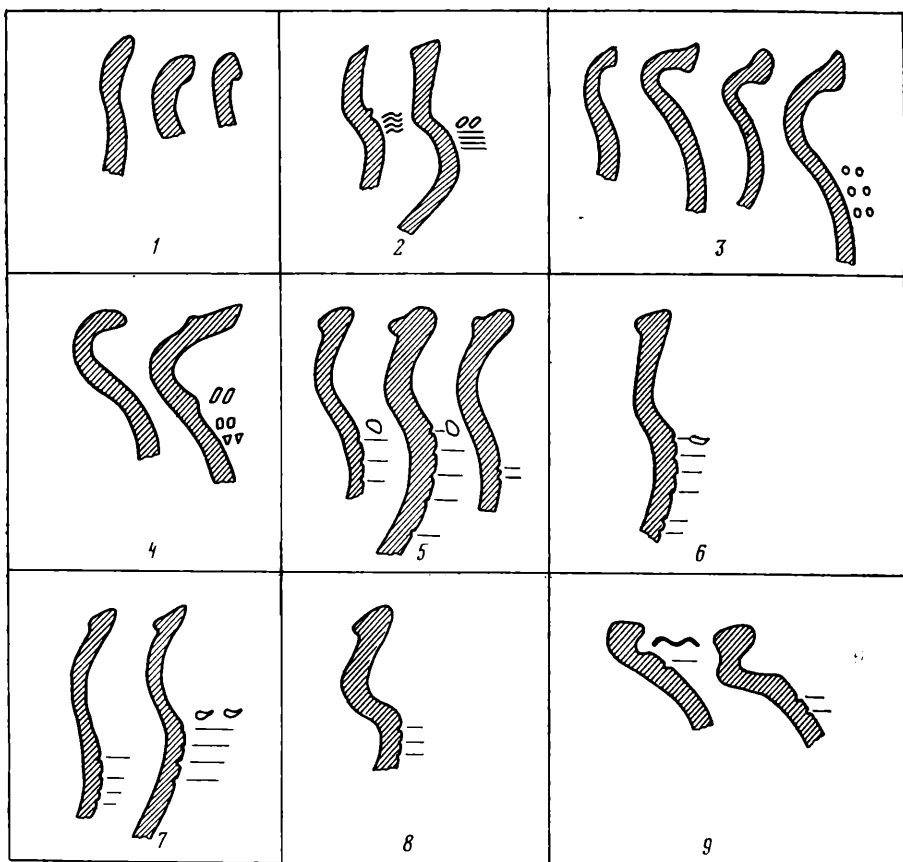

Рис. 3. Основные группы средневековой керамики Торжка

1 — группа 1 (лепная керамика); 2 — группа 2; 3 — группа 3; 4 — группа 4; 5 — группа 5; 6 — группа 6; 7 — группа 7; 8 — группа 8; 9 — группа 9

оттисков зубчатого штампа. В Новгороде подобная керамика датируется XII—XIV вв. (тип IIIГ)²¹.

Группа 5. Венчики имеют горизонтально срезанный край и оттянутое наружу утолщение. Шейка плавно переходит в плечико. Орнамент состоит из прочерченных линий и ряда округлых вдавлений. Такая керамика в большом количестве встречена в слоях XII—конца XIII в. на Верхнем городище.

Группа 6. Единичные фрагменты на посадке. Венчик прямой вертикальный с оттянутым наружу краем. Орнамент состоит из прочерченных линий и округлых вдавлений. На Верхнем городище керамика таких форм встречена в слое XII в. По форме этой керамике аналогичны горшки типов IIIБ и VIБ²².

Группа 7. Фрагменты тонкостенных сосудов со слегка отогнутым наружу венчиком, имеющим «натек» с внутренней стороны. Шейка высокая, переход от плечика к тулову плавный. Орнамент линейно-прочерченный с округлыми вдавлениями. В раскопах на Верхнем и Нижнем

←

Рис. 2. Участки наблюдений за культурным слоем, раскопы и места бурения на территории Торжка

а — котлованы и траншеи; б — раскопы 1981 и 1984 гг. на Нижнем городище; в — раскопы 1980—1983 гг. на Верхнем городище; г — район сбора подъемного материала; д — места бурения; е — район бурения; ж — церкви

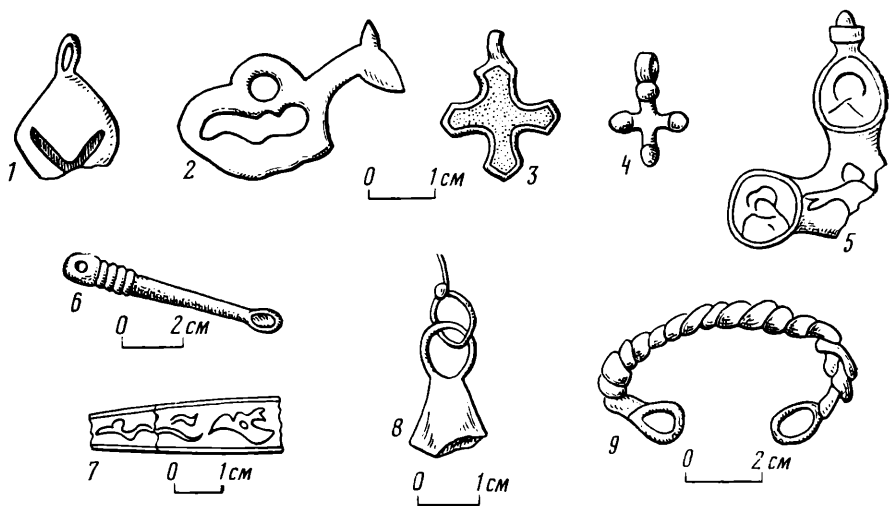

Рис. 4. Находки на посадах средневекового Торжка

1—5, 7—9 — бронза; 6 — кость

городищах такая керамика встречена в слоях, не содержащих стеклянных браслетов и датированных первой половиной XII в.²³

Группа 8. Фрагменты верхних частей глиняных горшков с отогнутым наружу венчиком, имеющим «натек» с внутренней стороны. Отмечен резкий, иногда с уступом, переход от плечика к тулову. Орнамент линейно-прочерченный, иногда с ногтевыми или округлыми вдавлениями. На Нижнем городище такие венчики встречены в слоях XIV в., а в Новгороде — XIII—XIV вв. (тип IIB, Д).

Группа 9. Многочисленные фрагменты горшков округлой формы с отогнутым наружу утолщенным венчиком и низкой наклонной шейкой, переходящей в плечико через уступ. Орнамент линейно-прочерченный, по шейке иногда проходит волнистая линия. И в Новгороде (тип VIII), и в Торжке такая керамика датируется XV в.²⁴

Уточняют время начала отложения культурного слоя на разных участках посадов Торжка и другие находки (рис. 4)²⁵. Все они разделяются на пять групп. 1. Единичные находки, верхняя дата которых XI в. Это прежде всего зооморфная бронзовая подвеска (рис. 4, 2), близкая по форме находке из кургана Большая Брембола²⁶. 2. Находки, датируемые временем не позднее XII в. Это грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью (рис. 4, 1), аналогичные новгородским²⁷; бронзовые нательные кресты с выемчатой эмалью и без нее (рис. 4, 3—5) XI—XII вв.²⁸; костяные копоушки (рис. 4, 6)²⁹. 3. Находки, как правило, распространенные в домонгольский период: шиферные пряслица³⁰ и иконки; килевидные и ромбовидные наконечники стрел³¹; пластинчатые браслеты с растительным орнаментом (рис. 4, 7)³². 4. Находки с широкой датой — XI—XIV вв. Это прежде всего свинцовые пломбы дрогичинского типа³³; наконечники стрел³⁴; стеклянные браслеты³⁵; шумящие подвески (рис. 4, 8)³⁶. 5. Находки с верхней датой XIV в. Это витой четверной браслет XIII—XIV вв.³⁷, а также свинцовая вислая печать новоторжского наместника архиепископа Василия (1331—1352 гг.).

Распределение датированных находок и керамики по участкам культурного слоя с различной мощностью позволяет установить следующие закономерности.

Подольная часть. Находки, имеющие верхнюю дату X—XI вв., соответствуют участку культурного слоя с максимальной толщиной (4—6 м), а на Нижнем городище, в центральной части города, — и культурному слою мощностью 3—4 м. По-видимому, находок лепной керамики

следует ожидать и на других участках слоя толщиной свыше 4 м (рис. 2, I—IV). Общая площадь древнейших участков 16 га, из них 2 га приходится на участок Нижнего городища со слоем мощностью 3—4 м. Находки одиночных ранних вещей и керамики на участке, занимающем уступ правого коренного берега Тверцы (рис. 2, X—XIII), объясняются близостью этого района к центральной укрепленной части города и древнейшему Борисоглебскому монастырю. Основная же масса находок, связанная с уступом коренного берега, имеет верхнюю дату XII в. Находки с верхней датой XII — начало XIII в. на других участках соответствуют слою мощностью 2—4 м. Для участков с такой же мощностью слоя характерны и находки с верхней датой XIV в. Район церкви Николы Чудотворца составляет для слоев XII—XIV вв. периферийный участок, удобно расположенный в излучине Тверцы, на высокой пойме (рис. 1; 2, VIII). Большая плотность застройки в этом районе подтверждается иконографическими данными начала XVIII в.³⁸ Периферийным для XII—XIV вв. был и район Пустынского монастыря (рис. 2, IX).

Таким образом, площадь культурного слоя, соответствующего развитию города в XII—XIV вв., составляет в подольной части 54 га. Четко выделяются находки керамики XV—XVI вв. Это — древнейшая категория находок исключительно на участках со слоем 0,5—1 м. За исключением уступа коренного берега в районе Борисоглебского монастыря (рис. 2, X—XIII), росту городской территории в XV—XVII вв. соответствуют и участки слоя толщиной 1—2 м, причем часть из них могла использоваться и в более раннее время под сады и огороды. Как показали наблюдения над культурным слоем, с XV в. осваивается северная часть Подола. Здесь культурный слой толщиной 1—2 м тянется полосой почти до Троицкого монастыря. Не случайно в источниках XVII в. отмечается, что Троицкий монастырь расположен «по конец посаду»³⁹. Площадь выделенных участков 63 га.

Нагорная часть. Древнейшие находки связаны прежде всего с единственным участком слоя толщиной 2—3 м в районе Борисоглебского монастыря. Исключение составляют находки лепной керамики на Верхнем городище, где мощность слоя в настоящее время 1—2 м. Это несоответствие объясняется тем, что верхняя часть культурного слоя данного района была сnivelирована в конце 1940-х годов, и толщина слоя уменьшилась. Площадь выделенных участков 4,5 га.

Как и в подольной части, более детальное деление участков слоя, из которого происходят находки с верхними датами XII в., начало XIII и XIV в., провести в настоящее время не удастся. Можно лишь констатировать, что застройке XII—XIV вв. в нагорной части соответствует слой толщиной 1—2 м. Слой мощностью 2 м отмечен исключительно у края коренного берега⁴⁰. Площадь участков 79,5 га. Участки, имеющие культурный слой толщиной 0,5—1 м, как и в подольной части, судя по находкам керамики, впервые начали осваиваться в XV в. Общая площадь этих участков 133 га.

Таким образом, выявлено шесть древнейших участков культурного слоя (рис. 2, 1а, б, V; I; III, IV; II; XVI; XV), из которых три (рис. 2, 1а, б, V; XVI; район вблизи Борисоглебского монастыря) связаны с находками лепной керамики IX—X вв. Установлена граница культурного слоя XII—XIV вв. Выявить отдельно площадь культурного слоя, который откладывался в XII в. и в XIV в., не представляется возможным. Не исключено, что на протяжении всего этого периода граница слоя оставалась неизменной. Именно с XII—XIV в. связаны два периода политического и экономического расцвета Торжка, отделенных друг от друга временем разорения города в 1238 г. монголо-татарами. Первый период расцвета относится к концу XII — началу XIII в., второй — к середине XIV в. Общая площадь культурного слоя Торжка XIV в. составляла 150 га; вдоль Тверцы слой этого периода протянулся на 3,2 км. Все это четко согласуется с летописной характеристикой Торжка XIV в.

как крупного феодального города: «Град велик, бесчисленное множество людии в нем»⁴¹.

Метод использования данных геологического бурения, разработанный и примененный в Новгороде, а затем в Пскове, вполне годится и для других древнерусских городов, в частности, для городов со сложным ландшафтом. Обобщение данных геологического бурения, наблюдения за культурным слоем при земляных строительных работах, сборы керамики и использование собраний коллекционеров тем более необходимы для городов, имеющих недостаточную источниковую базу по средневековой топографии.

- ¹ *Раппопорт П. А.* Отчет об археологической разведке, проведенной в 1957 г. в Торжке отрядом по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции//Архив ИА. Р-1. № 1425; *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1969 г.//Архив ИА. Р-1. № 4008; *Малыгин П. Д.* Раскопки в Торжке и разведки в верховьях Западной Двины//АО 1980 г. М., 1981. С. 65, 66; *Он же.* Раскопки на Нижнем городище в Торжке//КСИА. М., 1983. Вып. 179. С. 76—84; *Он же.* Работы на верхней Волге//АО 1982 г. М., 1984. С. 67, 68; *Малыгин П. Д., Бодунов Е. В.* Раскопки в г. Торжок//АО 1983 г. М., 1985. С. 67, 68; *Они же.* Отчет о раскопках Нижнего городища Торжка в 1984 г.//Архив ИА. Р-1.
- ² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 151.
- ³ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 288.
- ⁴ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 386.
- ⁵ Торжокский гос. архив. Ф. 174. Д. 188, 1961—1972 гг.; *Материалы отдела архитектуры Торжокского горисполкома (1972—1982 гг.).*
- ⁶ *Малыгин П. Д.* Раскопки на Нижнем городище... С. 76, 77.
- ⁷ *Кушнир И. И.* О культурном слое Новгорода//СА. 1960. № 3. С. 224; *Он же.* К топографии древнего Новгорода//СА. 1975. № 3. С. 176.
- ⁸ *Суслов А.* Только ли в Митине хорошо?//Маяк коммунизма (Торжок), 12 апреля 1969 г.
- ⁹ Грамоты Новоторжокского мужского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1903. С. 47 (1689 г.).
- ¹⁰ Там же. С. 28 (1693 г.).
- ¹¹ Архив Новоторжокского Воскресенского женского монастыря. Старица, 1910. № 3. С. 5 (1621 г.).
- ¹² Там же. № 113. С. 177 (1686 г.).
- ¹³ *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии//Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 17.
- ¹⁴ *Лабутина И. К.* Культурный слой Пскова//Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 12, 13.
- ¹⁵ Основная часть коллекции хранится в Торжокском народном краеведческом музее. Сборы керамики осуществлялись с 1950 по 1984 г. краеведами и коллекционерами Н. Н. Светушковым, А. А. Сусловым, Ф. Г. Бауэрмайстером, Т. Т. Поповой, Ю. Л. Лениным, В. А. Качновым, А. Е. Сергеевым, А. Кротовым, Ю. Игнатьевым, В. Юдиным, Л. Милицыным, а также автором.
- ¹⁶ *Малыгин П. Д.* Раскопки на Нижнем городище...; *Малыгин П. Д., Бодунов Е. В.* Отчет о раскопках Нижнего городища...
- ¹⁷ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода//КСИА. М., 1976. Вып. 145. С. 5.
- ¹⁸ *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода: По материалам раскопок 1951—1954 гг.//МИА. М., 1956. № 55. С. 230.
- ¹⁹ Там же. С. 231.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 230, 232.
- ²³ *Малыгин П. Д.* Раскопки на Нижнем городище... С. 81. Рис. 4, 24.
- ²⁴ *Смирнова Г. П.* Опыт классификации... С. 244; *Малыгин П. Д.* Раскопки на Нижнем городище... С. 81. Рис. 4, 1.
- ²⁵ Находки происходят из собрания Торжокского и Калининского краеведческих музеев, а также из собраний торжокских коллекционеров А. Кротова, А. Сергеева, В. Юдина. Учитываются находки с точными топографическими привязками. Большая коллекция находок XI—XV вв., к сожалению, не имеет топографических привязок. См.: *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888. Археологический отдел: Тверской музей и его приобретения в 1889—1912 гг.
- ²⁶ *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв.//САИ. Л., 1981. Вып. Е1-60. Каталог, № 166. Табл. VI, 6.
- ²⁷ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 156.
- ²⁸ *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея... С. 74, № 121; *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 51. Рис. 16.
- ²⁹ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 165, 166.

- ³⁰ Там же. С. 174. Рис. 9.
³¹ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 103, 104.
³² Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 109. Рис. 42.
³³ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 116.
³⁴ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого//МИА. М., 1959. № 65. С. 170.
³⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 159.
³⁶ См.: Рябинин Е. А. Зооморфные украшения...; Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров//САИ. М., 1979. Вып. Е1-59.
³⁷ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 95. Рис. 34, 12.
³⁸ Икона Ефрема и Аркадия Новоторжских с изображением Борисоглебского монастыря, написанная Е. Недоносковым в 1720 г. См.: Лундман И. К. Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке//Тр. II обл. АС. Тверь, 1906. С. 368, прилож. 6.
³⁹ Писцовая книга г. Торжка и посада//Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865. Отд. 4. С. 21.
⁴⁰ В районе церкви Егория (Георгиевской) на глубине 1,75 м был найден «медный вызолоченный крест». См.: Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903. С. 384.
⁴¹ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 101—103 (под 1372 г.).

Л. Н. БОЛЬШАКОВ, В. П. КОВАЛЕНКО, П. А. РАППОПОРТ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕГО ЗОДЧЕСТВА ЧЕРНИГОВА И НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО

Проведены археологические исследования нескольких памятников древнерусского зодчества в Чернигове и Новгороде-Северском. В настоящей статье публикуются краткие сведения об этих памятниках.

Новгород-Северский. Собор Спасского монастыря. Быв. Спасо-Преображенский монастырь расположен на восточной окраине Новгорода-Северского. В древности эта территория находилась примерно в 1 км от города вниз по течению р. Десна. Предания и литературная традиция относят возникновение монастыря к XI—началу XII в.¹ Центром монастырского ансамбля являлся Спасский собор, о времени построения которого никаких данных не имеется. Во второй половине XVII в., судя по гравюрам 1665 и 1678 гг., собор был оформлен в стиле украинского барокко, что, видимо, связано с деятельностью епископа Лазаря Барановича, производившего в 60-х годах XVII в. восстановление разрушенного монастыря². В 1790 г. этот собор был разобран, и на его месте в 1791—1796 гг. по проекту Д. Кваренги был воздвигнут новый большой собор, существующий донныне.

В 1954—1956 гг. архитектор Н. В. Холостенко провел раскопки перед зданием собора и обнаружил остатки древнего памятника³. Ему удалось вскрыть почти всю западную стену храма с западным притвором, а также, как ему казалось, юго-западный угол южного притвора. На основании материала раскопок и гравюры 1678 г. Н. В. Холостенко предложил реконструкцию плана древнего здания⁴. По характеру строительной техники он склонен был датировать собор второй половиной XII в.

В 1981—1982 гг. в связи с реставрацией существующего здания собора оказалось возможным провести археологические раскопки не только перед зданием, но и внутри его. В итоге удалось вскрыть все части древнего храма, не уничтоженные фундаментами позднего собора. Были полностью раскопаны центральная апсида и обе стенки, отделяющие ее от боковых апсид. Сами боковые апсиды вскрыты лишь частично, так как их наружные стенки разрушены поздними фундаментами. Обнаружены части северо-восточного и северо-западного подкупольных столбов, участки северной и южной стен древнего храма, вся его западная стена и западный притвор. Кладки памятника сохранились на раз-

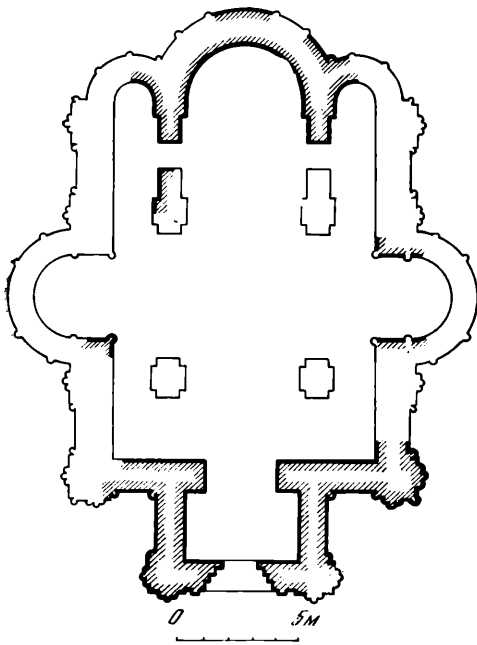

Рис. 1. Спасский собор в Новгороде-Северском.
Реконструкция плана

нутое по продольной оси (5,6×5,0 м). В интерьере на стенах нет лопаток, а наружные имеют характер сложно и очень своеобразно профилированных пилястр. Собор имеет необычную ориентировку продольной оси — 28—30°⁶.

Неожиданным было наличие северного и южного полуокружий вместо предполагавшихся Н. В. Холостенко притворов. От южного полуокружия сохранились участки кладки, не перпендикулярные стене храма, а направленные под углом дугообразно, так, что должны сомкнуться в виде полуокружия. Доказательством того, что здесь не было притворов, является и сама величина этих пристроек, равная по ширине проемам в северной и южной стенах (около 3 м), т. е. значительно меньше, чем расстояние между столбами. Благодаря этой разнице стены полуокружий не лежат на линии подкупольных столбов, тогда как стены притворов всегда (в том числе и западного притвора этого храма) отвечают внутренним столбам⁷.

Стены сложены из кирпичей-плинф красного цвета в равнослойной технике. Наружная и внутренняя версты кладки выведены целыми кирпичами, причем тычки и ложки чередуются, по-видимому, без определенной системы. Середина стен заполнена битыми кирпичами, уложенными горизонтально без какого-либо порядка и перекрытыми слоями раствора, общими для всей стены. Наиболее употребительный формат кирпичей 27—29×20,5—23×3,5—4,5 см, хотя в большом количестве (видимо, до 40%) встречаются узкие кирпичи (21,5—23×14—16 см). Встречаются лекальные кирпичи: «каплевидные» для выкладки тонких полуколонок, сегментные в четверть окружности, трапециевидные и др. На некоторых кирпичах имеются знаки на торцах или клейма на постелистой стороне. Раствор в кладке известковый жирный, хорошо промышленный, с примесью цемянки. В углах здания в среднюю часть стен вместе с битыми кирпичами вложены довольно крупные, но плоские камни.

Фундамент сложен из больших камней на растворе. Промежутки между камнями заполнены щебенкой. В фундаменте западной стены по слою камней сделан выравнивающий слой (25—26 см) из мелкой ще-

личную высоту; кое-где в апсидах они поднимаются до семи рядов кирпичей. Внутри древнего храма частично сохранился древний пол⁵.

Результат раскопок дает возможность достаточно уверенно реконструировать план древнего здания (рис. 1). Собор представлял собой четырехстолпный храм с тремя апсидами, прямоугольным притвором с запада и полуокружиями с севера и юга. Размеры его (без притвора и полуокружий) 19,9×13,5 м. Наружные стены имели толщину 1,6 м, толщина стен центральной апсиды 1,25 м, боковых апсид и западного притвора — 1,15 м. Столбы храма крещатые в плане, причем восточные имели сильно выступающие лопатки в сторону апсид. Столбы поставлены очень широко, образуя большое подкупольное пространство, заметно вытя-

бенки и небольшого количества кирпичного боя, затем снова прослойка крупных камней, а выше опять выравнивающий слой щебенки, залитой сверху раствором. На раствор положена кирпичная вымостка. Фундамент придела представляет собой непосредственное продолжение фундаментов стен собора. При устройстве фундаментов сперва был выкопан сплошной котлован под все здание глубиной около 50 см; после заложения фундаментов котлован этот был засыпан песком. В западной стене фундамент вместе с вымосткой имеет глубину 2,4 м, и его нижняя часть врезана в материк. В районе южной апсиды глубина фундамента всего 1,35 м, и он не достигает материкового грунта, имеющего резкое падение уровня в восточном направлении. От северо-восточного столба отрезки фундамента тянутся к северной стене храма и к междуапсидной стенке. Возможно, что собор имел сетку ленточных фундаментов, хотя проверить это не удалось.

В центральной апсиде на высоту двух-трех рядов кирпичей сохранилась скамья (горнее место), имеющая ширину 90—96 см. Ее край, выходящий внутрь апсиды, выложен целыми кирпичами, а середина заполнена кирпичным боем, уложенным в полном беспорядке. Пол в храме был кирпичным (20×20; 21×21; 22—26×17—18 см), причем в средней части здания кирпичи были без поливы, а в центральной апсиде все кирпичи пола оказались покрытыми поливой желтого, зеленого, темно-вишневого и сине-черного цветов. Встречались кирпичи полихромные: с желтым узором по зеленому фону и с крупными желтыми точками на зеленом фоне. Пол настлан по 20-сантиметровому слою подготовки, состоящему из прослоек суглинка, раствора и песка.

Собор был расписан фресками, многочисленные фрагменты которых собраны при раскопках. На некоторых из них есть граффити. Найден фрагмент бронзового позолоченного оклада иконы, орнаментированного выемчатыми эмальями.

Архитектурные формы и строительная техника раскопанного памятника позволяют уверенно датировать его концом XII — первой третью XIII в. Сразу же после построения храма, а может быть, даже в процессе строительства, проемы, ведущие в северное и южное полукружия, были надложены стенками-порогами, имеющими высоту в три ряда кирпичной кладки. Несколькими позже был заложен проем из храма в западный притвор, который первоначально был полностью открыт внутрь здания. Закладка проема исполнена со сложнопрофилированным нишеобразным порталом. Значительно позже, вероятно уже в послемонгольское время, к западному притвору пристроили паперть. Крупным переделкам здание подвергалось в XVII в., когда вокруг него были возведены галереи, изображенные на заставке «Амфологиона» 1678 г.

Чернигов. Здание под быв. Екатерининской церковью. В 1949 г. В. А. Богусевич, проводя раскопки близ здания быв. Екатерининской церкви, обнаружил завал древних строительных материалов и высказал предположение, что существующее здание церкви стоит на месте церкви XII в.⁸ Это предположение подтверждалось и выявленными здесь в конце XIX в. погребениями с вещами XII—XIII вв. Древние погребения и строительные материалы и позднее неоднократно обнаруживали у основания холма, на котором стоит Екатерининская церковь⁹.

В 1984 г. у южного фасада церкви был заложен раскоп. В верхних слоях здесь обнаружено погребение в кирпичной гробнице, относящееся, видимо, к началу XVIII в., а ниже — насыпной слой толщиной около 2 м. Слой этот не имеет стратиграфических членений и явно искусственного происхождения. Под ним обнаружен развал древних строительных материалов. Итоги раскопок позволяют восстановить последовательность происходивших здесь событий. Стоявшее на этом месте древнее здание к началу XVIII в., вероятно, находилось уже в руинах. В период подготовки Чернигова к обороне от шведов руины были разровнены и насыпан слой земли для пушечного бастиона. Поскольку после Полтавской битвы военное значение Чернигова резко снизилось, бастион пере-

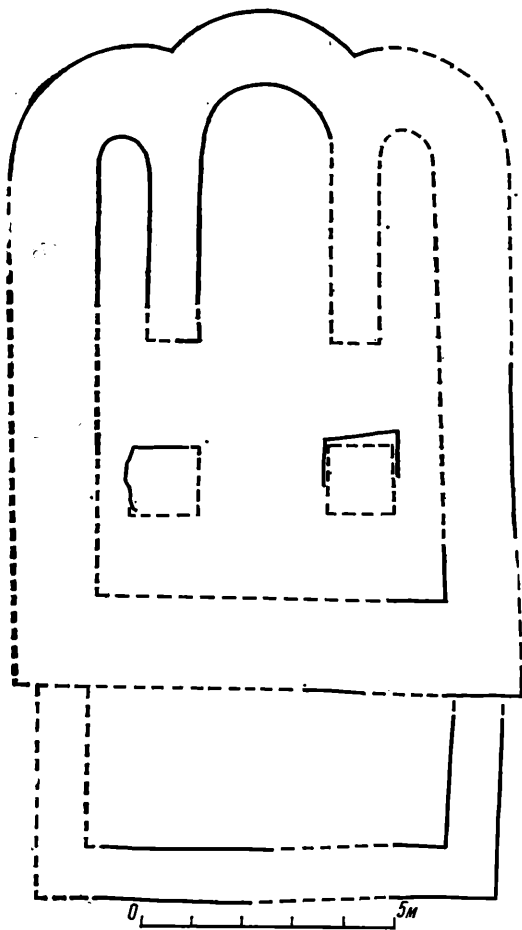

Рис. 2. Чернигов, Церковь на ул. Северянской.
Реконструкция планов фундаментов

стал функционировать, и в 1715 г. на нем было возведено здание ныне существующей церкви.

О древней постройке в настоящее время можно судить лишь по найденным строительным материалам. В основном это кирпичи-плинфы красного цвета, хорошего обжига, размерами $26-27,5 \times 18-18,5 \times 4-5$ см, хотя есть и узкие, шириной 10–11 см. На торцах некоторых кирпичей имеются знаки. Встречаются лекальные кирпичи, в особенности с полукруглым торцом. Раствор известковый с примесью цемьянки. В небольшом количестве найдены обломки фресок.

Материалы дают основание датировать древнюю постройку самым концом XII или, что вероятнее, началом XIII в. Лекальные кирпичи для полуколонок и формат самих кирпичей сближают эту постройку с черниговской Пятницкой церковью. Судя по местоположению, это тоже была церковь. Название ее неизвестно. Название Екатерининской церкви, очевидно, не было традиционным, так как новое здание построили не не-

посредственно на месте древнего, а на закрывшем его бастионе.

Чернигов. Церковь на Северянской ул. В 1982 г. при археологической разведке на Северянской ул. черниговским краеведом Г. А. Кузнецовым были обнаружены остатки древнего памятника¹⁰. В 1983—1984 гг. здесь проведены раскопки. Исследование было крайне затруднено тем, что участок застроен мелкими хозяйственными постройками, засажен деревьями, перебит ямами. Поэтому раскопки можно было проводить лишь отдельными небольшими шурфами. Тем не менее план древнего сооружения на основании вскрытых частей оказалось возможным реконструировать (рис. 2). Это была небольшая четырехстолпная церковь. Стены ее полностью разобраны, сохранился только фундамент. Апсиды очерчены снаружи трехлопастной кривой. Фундаменты столбов квадратные, причем восточные столбы соединены с междуапсидными стенками. Ширина фундаментов колеблется от 1,5 до 1,7 м, в западной стенке — 1,9 м (очевидно, для размещения лестницы на хоры), междуапсидной стенки — около 1 м. Выступов под лопатки в фундаментах нет. Ширина фундаментов западных столбов 1,4 м. Они не соединены ни со стенами, ни между собой, т. е. были не ленточными, а точечными. С запада к церкви примыкал притвор, почти равный по ширине основному зданию храма. Ширина фундаментов притвора 1,0—1,2 м.

Общая длина здания по фундаменту 17,5 м, без притвора — 13,7 м, ширина — 9,9 м. Ориентировка продольной оси 36° . Внутренние размеры подкупольного квадрата приблизительно $2,5 \times 2,25$ м. Фундаменты

имеют глубину около 1 м и опираются подошвой на материковый грунт, но не углублены в него. Сложены фундаменты из кирпичного боя, залитого раствором. Раствор известковый с карбонатными добавками, а в верхней части фундамента — с примесью цемянки (вяжущая масса — около 30%, карбонаты — до 30%, цемянка — около 35%). Обрез фундамента фиксируется по тонкому (около 5 см) слою известкового раствора, поверх которого положен слой цемяночного раствора толщиной около 5 см, образующий как бы вымостку.

В развале найдено много кирпичей-плинф. Они хорошего обжига, на торцах встречаются знаки. Размеры кирпичей 27—27,5×17—19,5×5—5,5 см. В южной части притвора имеется небольшой участок, где над фундаментом сохранился нижний ряд кирпичной кладки. Наружные ряды уложены ложками из целых кирпичей, а середина стены беспорядочно заполнена как целыми кирпичами, так и их крупными кусками. Толщина стены 1,2 м. Судя по сохранившимся на месте отдельным кирпичам северной междуапсидной стенки, кладка была уложена с отступом 10 см от края фундамента.

В апсиде сохранился участок пола из поливных плиток. Они необычны по форме — не квадратные, а удлиненные прямоугольные (25×12×2 см). Плитки покрыты поливой двух цветов, каждый цвет покрывает половину плитки. Таким образом, цветные квадраты чередовались в диагональном направлении. Уложены плитки на слое цемяночного раствора толщиной 4 см. Снаружи церкви, перед ее северной апсидой, также имеется подобный пол из плиток, простирающийся на 1,25 м к востоку от апсиды. В развале у западных столбов храма найдены квадратные одноцветные плитки (15×15×2 см). При раскопках обнаружены фрагменты штукатурки с фресковой росписью и широкошляпочные фресковые гвозди. В яме около здания найдены обломки колокола.

Строительная техника позволяет датировать памятник самым концом XII или началом XIII в. По размерам плинфы близки плинфам черниговской Пятницкой церкви.

В документах XVII в. Чернигова упоминается о пожертвованиях Северскому монастырю⁴¹. Поскольку жертвования делались монастырям, которые восстанавливались после разрухи, есть основания полагать, что монастырь этот существовал задолго до XVII в. Возможно, раскопанный памятник и был церковью Северского монастыря.

Чернигов. Ворота. В 1985 г. археологическими раскопками на территории детинца древнего Чернигова, в 25 м к северу—северо-западу от здания Художественного музея, были обнаружены остатки древней постройки. Она состояла из двух параллельных стенок, ориентированных в направлении восток—запад (рис. 3). Сохранился на высоту шести рядов кирпичной кладки небольшой (около 2 м) восточный конец южной стенки. Северная стенка сохранилась на полную длину, хотя ее восточный торец сильно оббит. Длина стенки 6,7 м, ширина — 1,8 м. Пространство между стенками равно приблизительно 3 м. Кладка уцелела на высоту 7—10 рядов кирпичей.

Стены сложены в технике равнослойной кладки; их лицевые поверхности выложены преимущественно тычками. Кирпичи-плинфы хорошего обжига. Знаки и клейма на них не обнаружены, но встречаются дугообразные метки на постелистой стороне, проведенные пальцем, а также метки в виде двух ямок, оставленных пальцами. Размеры кирпичей 26,5—29,5×17,5—18,5×3,5—4,5 см. Раствор известковый с примесью цемянки. Фундамент состоит из мелких кусков белого известкового раствора, засыпанных в ров с вертикальными стенками. Глубина фундамента 0,75—0,9 м; он доходит до материка. Ширина фундамента около 2,15 м. На эту же ширину сложены два нижних ряда кирпичной кладки, а выше кладка идет с отступом на 15—18 см с внутренней стороны стены, т. е. со стороны прохода, и без отступа — с наружной.

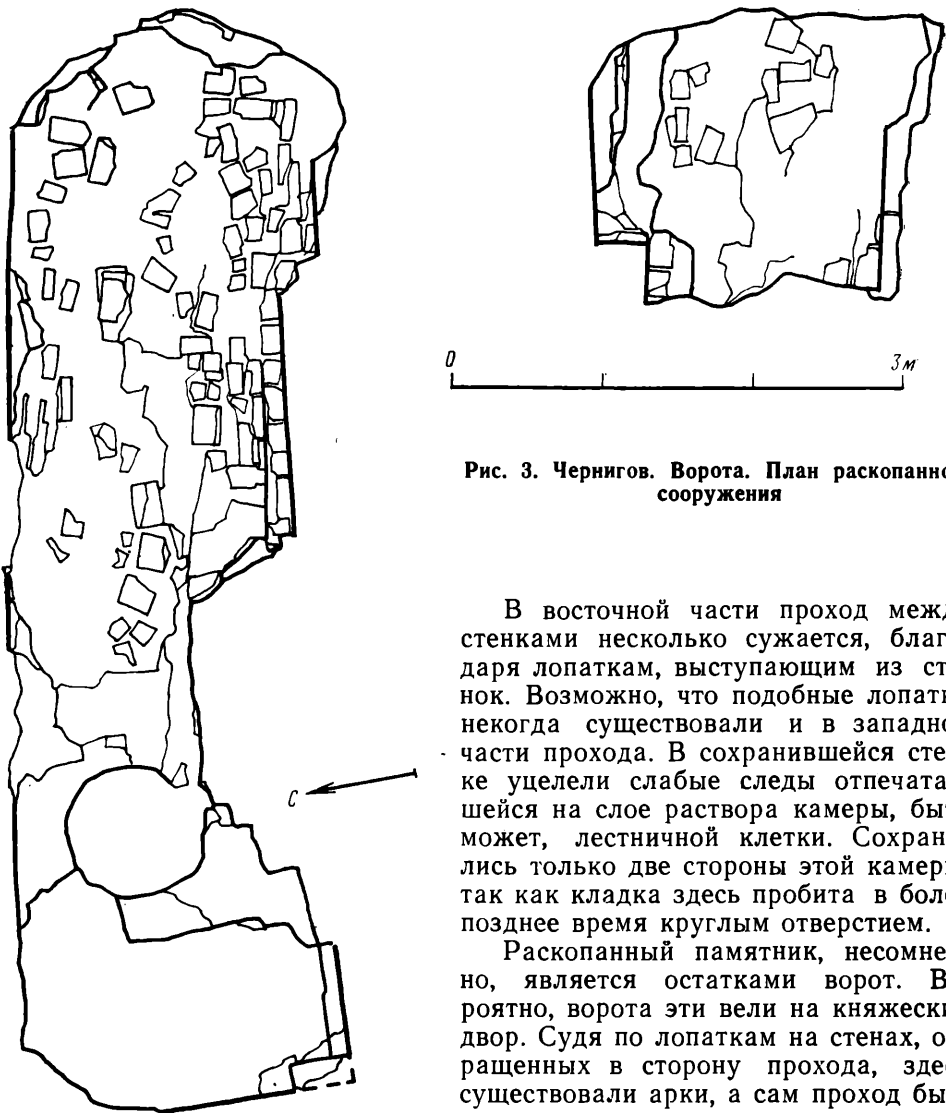

Рис. 3. Чернигов. Ворота. План раскопанного сооружения

В восточной части проход между стенками несколько сужается, благодаря лопаткам, выступающим из стенок. Возможно, что подобные лопатки некогда существовали и в западной части прохода. В сохранившейся стенке уцелели слабые следы отпечатавшейся на слое раствора камеры, быть может, лестничной клетки. Сохранились только две стороны этой камеры, так как кладка здесь пробита в более позднее время круглым отверстием.

Раскопанный памятник, несомненно, является остатками ворот. Вероятно, ворота эти вели на княжеский двор. Судя по лопаткам на стенах, обращенных в сторону прохода, здесь существовали арки, а сам проход был, видимо, перекрыт цилиндрическим сводом. В северном пилоне, возможно,

находилась лестница, и очень вероятно, что над воротами размещалась надвратная церковь. В пользу этого свидетельствуют также находки обломков штукатурки с фресками, смальты, огромного количества свинцовых листов кровли, фрагментов энколпионов.

Судя по строительной технике, ворота были построены в самом конце XII — начале XIII в. Такую датировку подтверждают и археологические материалы: ворота перекрывают остатки постройки первой половины — середины XII в. Очень близкие по технике и даже размерам ворота были в свое время раскопаны и близ Спасского собора в Чернигове¹².

¹ Самчевский И. Материалы для историко-статистического описания города Новгород-Северска. Киев, 1852. С. 9; Рклицкий М. Город Новгород-Северский, его прошлое и настоящее. Чернигов, 1900. С. 2; Гапеев С. Новгород-Сіверський заповідник//Провідник. Київ, 1931. С. 7.

² Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 242.

³ Холостенко Н. В. Исследование памятника XII в. в Новгород-Северске//Сб. сообщений Ин-та Киевпроект. Киев, 1958. № 1/2. С. 34—43.

- ⁴ План этот в дальнейшем публиковался в различных изданиях. См., например: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 47.
- ⁵ *Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П.* Работы Новгород-Северской экспедиции// АО 1982 г. М., 1984. С. 272.
- ⁶ Если учесть магнитное склонение в данном районе (+4°), то истинный азимут будет 32—34°. Подобный азимут не может соответствовать точке восхода солнца даже в день летнего солнцестояния. Однако следует учесть, что храм стоял на высоком участке местности, откуда начинался спуск к Десне, противоположный берег которой низкий. Следовательно, горизонт на участке храма был очень расширенным. См.: *Раппопорт П. А.* Ориентация древнерусских церквей//КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 43.
- ⁷ Тщательные раскопки на том месте, где по чертежу Н. В. Холостенко должен был находиться западный угол южного притвора, показали, что никакой древней кладки здесь нет.
- ⁸ *Богусевич В. О.* Роботи Чернігівської експедиції//Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. 3. С. 117.
- ⁹ *Коваленко В. П., Карнабед А. А.* Охранные работы в Чернигове//АО 1979 г. М., 1980. С. 280; *Коваленко В. П.* Исследования летописных городов в Нижнем Подесенье// АО 1983 г. М., 1985. С. 287.
- ¹⁰ *Шекун А. В., Кузнецов Г. А.* Работы в Чернигове//АО 1982 г. М., 1984. С. 343.
- ¹¹ *Филарет.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873. Кн. 4. С. 114.
- ¹² *Богусевич В. А.* Раскопки в Чернигове//КСИА АН УССР. Киев, 1955. Вып. 4. С. 9.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ГОРОДОВ ЧЕРНОЙ РУСИ

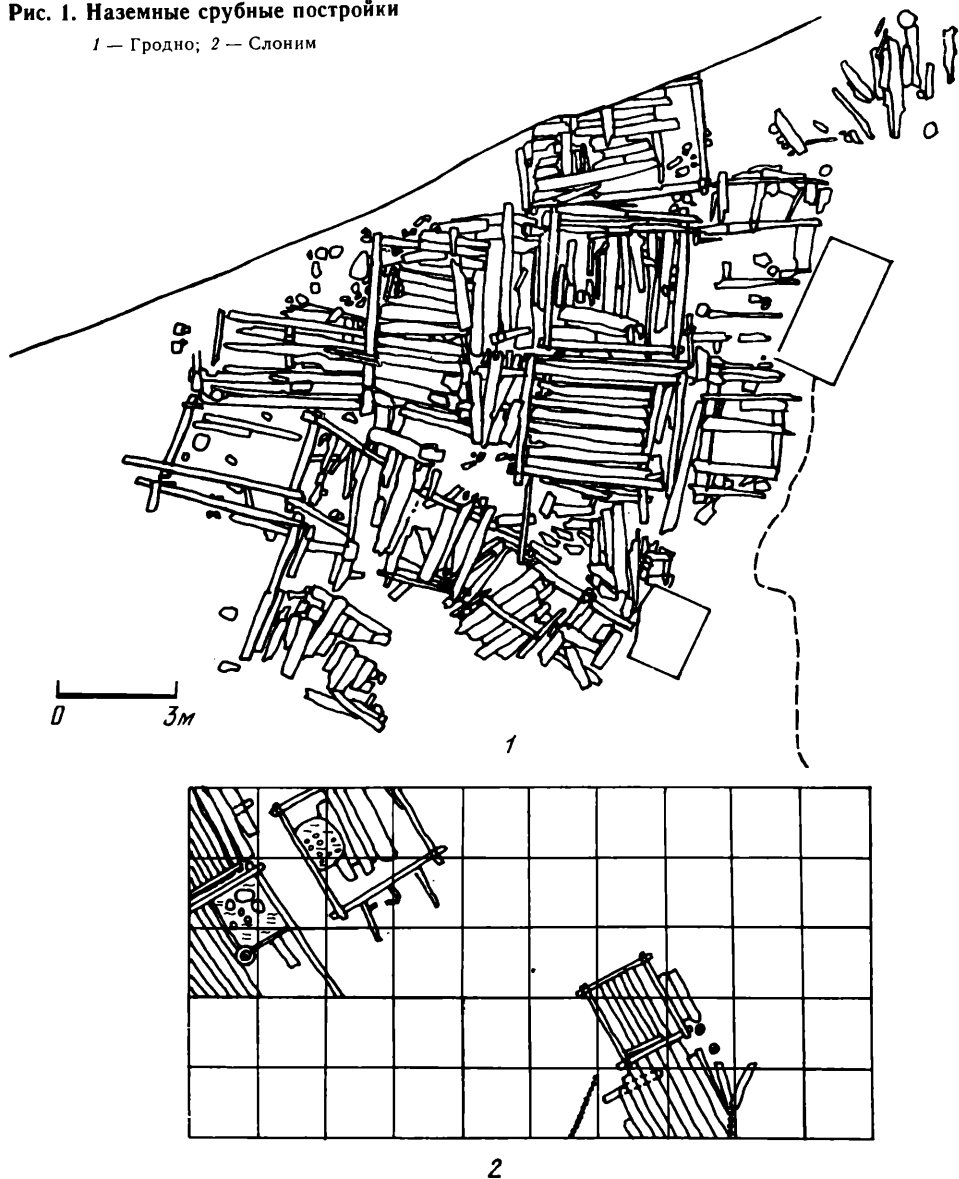
Систематические археологические работы в городах Черной Руси (Гродно, Волковыск, Новоградок), а также небольшие раскопки Слонима показали, что домостроительство этих городов было весьма разнообразным. Волковыск, основанный на ранее не заселенных холмах, — единственный город Понеманья, где жители долгое время пользовались полужемлянками. В 1954 г. в детинце Волковыска — «Шведской горе» — раскопаны четыре полужемлянки с печами-каменками. На посаде — окольном городе, расположенном на возвышенности Замчище, жилища были углублены в материк на 0,5—0,8 м, и в котлованы были впущены срубы. Полужемлянки Волковыска открыты не только на возвышенностях, но и в низинах. Население пользовалось углубленными жилищами со времени основания города во второй половине X в. до рубежа XI—XII вв.¹

Полужемляночные жилища в Волковыске, находящемся в лесной зоне, свидетельствуют о южнорусском происхождении его жителей, а длительная жизнь их в этом городе указывает на то, что заселение его с юга Руси шло не только в начальную пору существования, но и в течение всего XI в.

В XII в. в Волковыске появляются наземные постройки. На территории детинца открыты остатки, по-видимому, срубного дома, от которого сохранились отдельные бревна, лежавшие под прямым углом. Там же найдены развал печи-каменки и куски глинобитного пода. В окольном городе зафиксированы угольные пятна и куски обожженной глиняной обмазки. Судя по ним, углубления между бревнами промазывались глиной. Размеры построек приблизительно 12—14 кв. м².

Рис. 1. Наземные срубные постройки

1 — Гродно; 2 — Слоним

Несмотря на фрагментарность строительных остатков, можно считать, что на детинце и, вероятно, в окольном городе возводились богатые дома, окна которых были остеклены. На это указывают находки оконного стекла древнерусского и западноевропейского происхождения³.

Домостроительство детинца древнего Гродно — Старого Замка — представлено исключительно наземными строениями. От первоначального поселка сохранились остатки домов. Удалось выявить нижние венцы некоторых из них. Рубка производилась в обло. Полы были дощатыми. Под нижним венцом одной из построек лежали концы настила из жердей. На поселении местами открыты участки площади или улочки, замощенные мелкими камнями⁴.

После пожара, уничтожившего первоначальное поселение, в центре Старого Замка возводится храм — Нижняя церковь, которая во многом определила застройку детинца. Выделяется несколько строительных периодов заново отстроенного поселения, два из которых совпадают со временем существования Нижней церкви, разрушенной в 1183 г.

Постройки этого времени были срубными площадью до 16 кв. м.

Дома обычно возводились на площадке из бревен (рис. 1, 1). Печи находились в углах домов. От них сохранились камни, кирпичи и иногда горелое дерево — остатки опечка. Полы были дощатыми. В одной из построек доски пола были зажаты между первым и вторым венцами. К этой же постройке относилась подпольная яма, заполненная горелым зерном. Хозяйственные постройки сооружены в той же технике, что и жилые дома, уступая им иногда в размерах.

Постройки на территории Старого Замка, как писал их исследователь Н. Н. Воронин, относятся к хозяйственной и служебной территории. Жилища князя и дружинников остались за пределами раскопа⁵. М. А. Ткачев, реконструировавший облик гродненского замка XIV—XV вв., помещает княжеские палаты этого времени в западной части, у вала, между двумя башнями⁶.

В 1932 г. Ю. Иодковский открыл на Старом Замке остатки кирпичного здания. Кирпичная кладка была сооружена на фундаменте из битого кирпича, политого известковым раствором, и валунных камней. Исследователь считал открытые развалины княжеским теремом. Против такой атрибуции возражал Н. Н. Воронин, полагавший, что развалины были остатками крепостных башен⁷. П. А. Раппопорт, исследовавший вместе с О. А. Трусовым этот памятник монументального зодчества, пришел к заключению, что это был построенный во второй половине XII в. терем — парадная часть княжеского дворца.

Раскопки Я. Г. Зверуго в Гродно на Коложском плато, за пределами городских укреплений, показали, что заселение его произошло не ранее XII в. От наземных построек сохранились преимущественно печи-каменки. Весьма интересны углубленные жилища, которые датируются концом XIII—XIV в.⁸ В это время на территории Белоруссии полуземлянок уже не было. Не исключено, что углубленные жилища Коложского плато принадлежали жителям, бежавшим с юга в Понеманье во время монгольского нашествия.

В Слониме открыты остатки около 20 наземных срубных построек, каждая площадью до 20 кв. м (рис. 1, 2). Рубка произведена в обло. Печи-каменки обычно стояли на опечках, от которых уцелели тесины, поставленные на ребро. Они одним концом упирались в стену, а другим — в печной столб. Наряду со срубными встречены хозяйственные постройки столбовой конструкции⁹.

Разнообразное домостроительство выявлено многолетними археологическими исследованиями в Новогрудке. Раньше других был заселен Малый Замок — пустовавшая возвышенность, на которой возникли сначала посад, а впоследствии окольный город. Первоначально были заселены края площадки. Из древнейших построек наиболее интересно срубное, квадратное в плане строение площадью около 16 кв. м. Рубка произведена в обло, щели между бревнами проконопачены мхом. В северо-восточной части постройки стояла печь-каменка, вблизи которой была вырыта пологая яма, прикрытая досками. В постройке прослежено два уровня пола, испещренных многочисленными ямками. В отдельных ямках сохранились остатки сгоревших столбиков. Этнографические параллели позволяют видеть в этой постройке помещение для сушки снопов — ригу¹⁰.

При бесспорном преобладании наземных построек на Малом Замке прослеживаются некоторые черты южного домостроительства. К ним относятся немногочисленные обломки лепных сковород-жаровен, которые служили завершением печей в постройках Южной Руси. На этом поселении изредка встречались и остатки углубленных жилищ с печами-каменками¹¹.

На территории Замковой горы — будущего детинца, которая первоначально не имела оборонительных сооружений, от построек XI в. сохранились остатки наземных строений с печами-каменками и большое количество ям¹².

Коренные изменения в домостроительстве Новогрудка происходят в XII в. В южной части детинца сосредоточены наземные срубные дома с глинобитными печами на опечках¹³. Судя по инвентарю, они принадлежали челяди. Можно отметить лиц, занимавшихся сапожным делом.

Северная часть площадки детинца была отведена исключительно для хозяйственных строений — амбаров и кладовых. Наиболее ранние из построек вплотную примыкали к валу, сооруженному во второй половине XI в. Это были срубные постройки площадью около 16 кв. м с дощатым полом, лежавшим на глиняной «подушке».

С переносом вала в конце XII или начале XIII в. на 10 м к северу, площадь, освободившаяся после засыпки раннего вала, тоже отошла под хозяйственные постройки. Эти строения трижды сгорали. С каждым пожаром связаны остатки двух или трех помещений. Однако, поскольку сгоревшее зерно и его скопления отмечаются на площади около 260 кв. м, по-видимому, амбаров и кладовых в действительности было больше. В городах лесной зоны, к которым относится Новогрудок, существовала усадебная застройка. Концентрация хозяйственных помещений, выявленная на новогрудском детинце, в других древнерусских городах почти неизвестна.

Интересна конструкция сгоревших хозяйственных построек. Остатки пяти из них уверенно позволяют установить, что они были двухъярусными. К верхним частям относились дощатые настилы, лежавшие на лагах и покрытые берестой. В двух постройках на настилах лежали остатки дверей. От нижних частей помещений сохранились бревенчатые срубы, внутри которых на сажистом слое находились запасы сгоревшего зерна и других сельскохозяйственных культур, донца и клепки от бочек, остатки лубяных коробов, керамика и отдельные вещи¹⁴.

Возможно, что дворец князя в XIV в. и позднее находился на том же месте, между башнями, где польскими архитекторами открыт каменный фундамент дворца XV—XVI вв.¹⁵ Не исключено, что остатки палат, сложенных из камня и брускового кирпича, открытые М. В. Малевской и датированные серединой или второй половиной XIV в.¹⁶, сменили палаты древнерусского времени.

В южной части окольного города Новогрудка в XII в. стояли наземные срубные дома площадью до 30 кв. м с глинобитными печами. Большая часть окольного города (более 1500 кв. м) была в XII и XIII вв. застроена богатыми домами. От единственной углубленной постройки остался нижний венец сгоревшего сруба, впущенного в котлован площадью 100 кв. м и глубиной 1 м. Дом был двухкамерным, с дощатым полом, занимал площадь около 80 кв. м. В большем помещении (7×7 м) находилась глинобитная печь с округлым подом (рис. 2). В меньшем открыты сгоревшие доски, предположительно от двери. О богатстве владельцев постройки дают представление не только ее размеры, но и такие находки, как фрагменты трех амфор, стеклянные сосуды и др.

Все остальные богатые постройки окольного города Новогрудка были наземными и занимали площадь до 100 кв. м. От построек сохранились скопления необожженной, реже — обожженной глины, сгоревшие бревна, нередко промазанные глиной, и кирпичи. Печи построек были глинобитными или выложенными из камней и кирпича. В одной из построек второй половины XII в. найдены остатки двух оконных проемов полуциркулярной формы из обожженной глины с включением кирпичей (28×20×5 см). Встречена часть рухнувшей стены дома, которая состояла из известняковых плит, вмазанных в глину.

Почти все богатые дома окольного города были остеклены. Найдено более 300 обломков оконного стекла, сваренного по древнерусскому рецепту. Судя по тому, что во многих постройках найдено оконное стекло различного диаметра, можно предположить, что в каждой оконнице было не по одному стеклу.

В одной из наиболее ранних богатых жилых построек, относящейся ко второй четверти XII в., в засыпи между развалом стен и дощатым по-

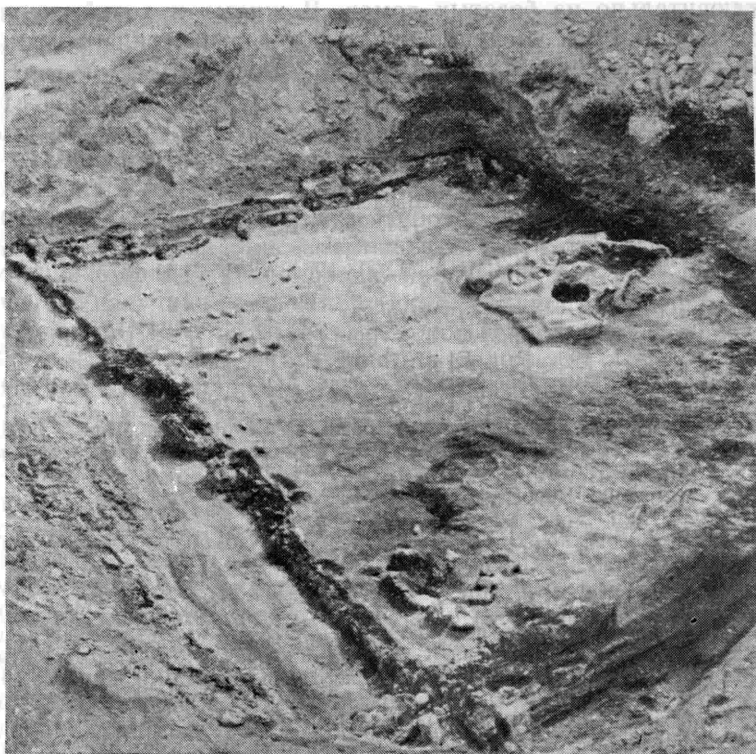

Рис. 2. Новогрудок. Окольный город. Большое углубленное жилище

лом найдены многочисленные обломки известковой штукатурки с примесью песка и иногда цемянки. Большая часть обломков покрыта полихромной росписью. На отдельных кусках изображены древнерусские буквы.

В больших домах найдены бытовой инвентарь, украшения, дорогие импортные вещи. Почти во всех этих домах, относящихся к трем строительным периодам (XII — 70-е годы XIII в.) и нередко возведенных друг над другом, занимались ювелирным делом. Ювелиры — хозяева богатых жилищ — жили концентрированно, составляя своеобразное ремесленное объединение¹⁷.

На территории окольного города в раскоп попали исключительно жилые дома. Лишь одна из построек, уходившая за границы раскопа, возможно, не служила жилищем. Таким образом, в окольном городе Новогрудка, как и в его детинце, не было усадеб, столь обычных для древнерусских городов.

О домостроительстве социальных верхов древнерусских городов накоплено немало археологических данных. Это дома городской знати в Киеве и Белгороде, открытые в свое время В. В. Хвойкой; новгородские хоромы, среди которых выделяется усадьба художника Олисея Гречина; усадьба боярина XIII в. в Старой Рязани; дом, возможно, принадлежавший княжескому наместнику, в Ярополче Залесском¹⁸ и др. Дома окольного города Новогрудка входят в эту категорию жилищ.

Изучение городского домостроительства Черной Руси приводит к заключению, что в нем отразились общерусские черты, характерные для городов лесной зоны. Об этом свидетельствуют усадебный принцип застройки в Гродно и Слониме, а также распространение наземных, преимущественно срубных, строений. Как специфическое явление отметим Волковыск, где в первые полтора века существования города бытовали полуземлянки, характерные для южнорусских земель, и Новогрудок, в котором не было усадебной застройки и существовал квартал, состоя-

щий исключительно из богатых домов. В жилых и хозяйственных постройках Черной Руси наглядно отражаются этнические и социальные процессы, происходившие в городах.

- ¹ Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г.//Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. Т. 1. С. 268; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Минск, 1975. С. 11, 23, 24.
- ² Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора»... С. 268.
- ³ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. С. 24, 79. К сожалению, в публикациях о домостроительстве Волковыска графические материалы несовершенны, а фотографий нет.
- ⁴ Воронин Н. Н. Древнее Гродно//МИА. М.; Л., 1954. № 41. С. 34—37.
- ⁵ Там же. С. 46—54.
- ⁶ Ткачоў М. Замкі Беларусі. Мінск, 1977. С. 23.
- ⁷ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. С. 129—140; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.//САИ. Л., 1982. Вып. Е1-47. С. 102.
- ⁸ Зверуго Я. Г. Работы Верхненеманского отряда//АО 1972 г. М., 1973. С. 360; Он же. Работы в Верхнем Понеманье//АО 1973 г. М., 1974. С. 378.
- ⁹ Пех Г. И. Раскопки древнего Слонима//Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 275; Зверуго Я. Г. Археологические работы в Слониме//Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972. С. 248—289.
- ¹⁰ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981. С. 119.
- ¹¹ Там же. С. 20, 21, 26.
- ¹² Гуревич Ф. Д., Назаренко В. А., Плоткин К. М., Пономарева Т. С. Раскопки новогрудского детинца//АО 1971 г. М., 1972. С. 30.
- ¹³ Зильманович И. Д. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.//КСИА. М., 1965. Вып. 104. С. 93—98.
- ¹⁴ Павлова К. В. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка//КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 77—83; Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка//КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 94—98; Она же. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг.//СА. 1980. № 4. С. 95.
- ¹⁵ Gürtler R. Roboty konservatorskie na Gorze Zamkowej w Nowogrodku//Ochrona zabytków sztuki. Warszawa; Kraków, 1930—1931. S. 182. Rvc. 179.
- ¹⁶ Малевская М. В. Архитектурный комплекс новогрудского детинца XIII—XIV вв.//Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 124. Рис. 29, 3.
- ¹⁷ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. С. 120—125, 135, 136.
- ¹⁸ Там же. С. 120, 121; Борисевич Г. В. Хоромное зодчество Новгорода//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 269—294; Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 59—114; Даркевич В. П. Раскопки на южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.)/Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 19—55; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 50, 51.

А. Н. ХОХЛОВ

КОМПЛЕКС ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ У д. ПОСАДЫ НА р. МЕДВЕДИЦА *

У д. Посады в Кашинском р-не Калининской обл., в нижнем течении р. Медведица, расположен комплекс археологических памятников. Рядом с курганной группой находится большое городище, называемое местными жителями «город Медведь». К нему примыкает селище. Памятники неоднократно подвергались любительским и грабительским раскопкам. Первые профессиональные работы проведены в 1936 г. Н. П. Милоновым. Было изучено три кургана, заложен ряд шурфов на площадке городища и проведено наблюдение за рытьем котлованов во время строительства. Н. П. Милонов пришел к выводу, что «городок (т. е. городище) являлся убежищем для местного населения, жившего небольшими общинами недалеко от городка»¹, и что «здесь же, около своего укрепленного убежища, хоронили умерших»². Касаясь датировки комплекса, Н. П. Милонов отмечал, что наиболее вероятной датой для курганов у д. Посады надо считать вторую половину XI или XII в., а городище функционировало, по его мнению, в XI—XII вв., после чего ни в XIII, ни в XIV в. не заселялось, и только в XV в. здесь снова возникает жизнь³.

Эти выводы в дальнейшем использованы в ряде обобщающих работ⁴. Однако материалы из раскопок 1936 г., рассмотренные в совокупности с другими находками и документами, хранящимися в фондах ГИМ и Кашинского филиала Калининского музея⁵, позволяют усомниться в правильности заключений Н. П. Милонова. Отчеты и публикации Н. П. Милонова отличаются большой небрежностью и суммарностью, лишены иллюстративного материала⁶. Находки не сохранились.

Экспедиция Калининского музея провела новое обследование и разведочные раскопки комплекса памятников у д. Посады в 1982—1983 гг.

Городище Медведь расположено на правом берегу р. Медведица и приурочено к излучине реки. Площадка городища имеет прямоугольную форму и размеры 180×65 м. С трех сторон ее окружает мощный вал высотой 3,5 м и шириной 10—15 м. Насыпь двуслойная — ее ядро составляет красно-оранжевая глина, на которую насыпана сырая глина желтого цвета. Перед валом находится подковообразный ров глубиной до 2,5 м и шириной 12—20 м. Между рвом и валом проходит горизонтальная площадка-берма шириной 4—8 м. Крутой берег реки высотой 12—14 м был дополнен полутораметровым валом из желтой сырой глины. Одни ворота выходили к реке. Они до сих пор хорошо «читаются» в виде довольно крутого спуска к ныне затопленной пойме. На городище можно было попасть и по пологому спуску, проходящему над обрывом.

В 1936 г. Н. П. Милонов в строительных котлованах и шурфах проследил два напластования. Мощность более раннего из них (XII в.) 0,4—0,6 м. Были обнаружены железные ножи, шиферные пряслица, медные вещи, близкая к курганной ранняя глиняная посуда. Верхний слой (XV в.) в среднем достигал мощности 0,5 м. В нескольких местах на территории городка были обнаружены могилы с погребениями позднего времени⁷. При новых обследованиях было заложено два шурфа общей площадью 24 кв. м. Выяснилось, что в центральной части городища мощность культурного слоя составляет 0,3—0,4 м, в значительной мере он поврежден распашкой. По находкам сероглиняной керамики типа VIIIB и белоглиняной типа IIIГ (по классификации Г. П. Смирновой)⁸ его можно датировать XV—XVI вв. У вала городища обнаружены остатки производственной печи — по-видимому, гончарного горна. В заполнении ямы горна встречены серо- и белоглиняная керамика XIV—XV вв., фрагменты красноглиняных сосудов с отогнутым наружу кососрезанным венчиком. Аналогичная московская керамика встречается в слоях не позже XIV в.⁹ Здесь же найдено несколько фрагментов донышек с клеймами различной формы. Таким образом, верхний слой в целом можно датировать XIV—XVI вв. Более ранний слой в центральной и южной частях городища не зафиксирован. Однако он отмечен при шурфовке подошвы западной части вала, недалеко от реки. В этом слое встречены фрагменты реннегончарной керамики, аналогичной глиняной посуде из Посадской курганной группы (XI—первая половина XII в.). Удалось предварительно датировать сам вал. В слое, который находился непосредственно над выбросом, перекрывающим основание вала, найден фрагмент плоско-выпуклого щиткового перстня голубого стекла, подобные которому бытовали в Новгороде в XII—XIII вв.¹⁰ В верхних пластах найдены серьга в виде знака вопроса, распространенная с XIV в.¹¹, ножи и кованые гвозди.

Селище, расположенное в 300 м к северо-западу от городища, приурочено к устью ручья и излучине реки. Площадь его 160×50 м. Раннюю дату селища определяют обломок бронзового пластинчатого с расширяющимися концами браслета XI—XII вв.¹² и фрагменты раннегончарной керамики. В XV—XVI вв. (судя по белоглиняной керамике, аналогичной городищенской) селище занимало большую площадь. Памятник в значительной степени поврежден распашкой и строительством.

Курганная группа находится на берегу р. Медведица, между городищем и селищем. В 1936 г. в ней насчитывалось по одним данным 75¹³, по другим — 57 насыпей¹⁴. Однако ранее курганов было, видимо, боль-

ше. В ГИМ хранятся материалы из восьми курганов, раскопанных до 1893 г. Около 1935 г. одна из насыпей была вскрыта местными пионерами, материал без полевой документации поступил в Кашинский музей. В 1936 г. три кургана раскопал Н. П. Милонов, описав в отчете один из них. В настоящее время зафиксирован 31 курган. Почти все они повреждены или полностью разрушены. Многие носят следы грабительских раскопок. Сохранившиеся насыпи имеют полусферическую форму, диаметр 7—12, высота 0,4—1,5 м. Вокруг многих прослеживаются ровики. Экспедицией Калининского музея раскопано два ранее разграбленных кургана.

Таким образом, к настоящему времени известны материалы из 15 курганов. В двух из них находились парные захоронения, в семи — одиночные мужские, в остальных — женские. Некоторые насыпи (13 случаев) в основании были обложены валунами. В курганах с обкладкой выявлены неглубокие могильные ямы. В одном из курганов, не имевших каменных обкладок, погребение совершено на подсыпке.

В двух мужских захоронениях находились шейные гривны. Почти все мужские погребены с браслетами и перстнями. Все они были вооружены: дважды — копьем и топором, в шести случаях — топором, один раз — двумя топорами. Шейные гривны встречены и в трех женских захоронениях. Кроме того, в женских захоронениях были ожерелья из бус, браслеты, перстни, треугольные и коньковые шумящие привески. И в мужских, и в женских погребениях встречены монеты. В 10 курганах обнаружены горшки.

Наиболее ранними можно считать курганы 2 и 3 (коллекция 1) и курганы 1 и 3 (коллекция 2), материалы которых хранятся в ГИМ. Так, например, курган 3 коллекции 1 по дирхемам X в.; перстням с грушевидными привесками с крестообразной прорезью конца X—XI вв.; коньковой шумящей привеске X—XI вв.; сердоликовым призматическим бусинам X—XI вв.; двойным и тройным бусинам синего и желтого стекла X—XI вв.; раннегончарному горшку, аналогичному новгородским X—начала XI в., можно датировать началом XI в.¹⁵

К наиболее поздним можно отнести курган, вскрытый пионерами в 1935 г., курган 1, изученный Н. П. Милоновым, и курган 26 из раскопок 1983 г. Так, в последнем наряду с вещами, имеющими широкую дату (дротовый и пластинчатый с сужающимися концами браслеты, подковообразная со спиральной закрученными концами фибула, прямоугольная в сечении), обнаружены витой тройной с петлями на концах браслет (в Новгороде — с первой четверти XI в.); пластинчатый с расширяющимися концами браслет XI—XII вв.; рубчатый перстень (по новгородским древностям — с 90-х годов XI в., особенно широко — в XII в.), что позволяет отнести этот погребальный комплекс к концу XI — началу XII в.¹⁶ Кроме инвентаря, на позднюю дату курганов указывают могильные ямы и деревянные гробовища, появляющиеся на соседних территориях также в конце XI — начале XII в.

Размеры городища, мощные укрепления, которые превышают укрепления летописного Домогоща в земле вятичей¹⁷, характер культурного слоя, а также то, что рядом с городищем расположено синхронное селище, позволяют видеть в памятнике поселение городского типа. Однако считать его городом в полном смысле пока не представляется возможным. По мнению исследователей, для древнерусских городов характерен целый комплекс функций: военная, ремесленно-торговая, административная, религиозная, культурная и т. д. Для городища Медведь главной, по-видимому, была военная функция. Интересны наблюдения А. В. Кузы, что древнерусские городища площадью от 1 до 2,5 га, как правило, являлись сторожевыми крепостями¹⁸. Если к этому добавить, что по р. Медведица проходила граница между владениями Новгородской феодальной республики и землями Владимиро-Суздальского княжества¹⁹, то станет очевидной роль городища как пограничной крепости. Недаром

летопись дважды упоминает о пограничных стычках именно в этом районе, не называя, правда, самого городища²⁰.

Во всех мужских погребениях Посадских курганов найдено оружие. В Воробьевских курганах (приблизительно в 30 км выше по р. Медведица) оружие отсутствует²¹, как и в большинстве других групп Верхневолжья, оставленных простым сельским населением. По мнению М. Х. Алешковского, оружие в совокупности с браслетами и перстнями характерно для дружинных захоронений²². Вероятно, в Посадских курганах погребены воины и члены их семей, жившие в пограничном «граде Медведе».

Таким образом, комплекс археологических памятников у д. Посады представляет собой остатки крепости XI—XII вв. с прилегающим посадом и некрополем.

- * Сокращенный вариант сообщения на конференции молодых ученых в ИА в 1984 г.
- ¹ Милонов Н. П. Древнерусские курганы в бассейне верхней Волги//МИА. М.; Л., 1950. № 13. С. 167.
 - ² Смирнов А. П., Милонов Н. П. Краткое руководство по археологии. М., 1939. С. 41.
 - ³ Милонов Н. П. Древнерусские курганы... С. 167.
 - ⁴ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.»//Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 32. С. 138—251; Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв.//СА. 1960. № 1. С. 70—90.
 - ⁵ ГИМ. Отдел археологии. VIII, 70/2, 70/3; 115/76; 115/26Б, 119/52Б; 119/57А; 123/13Б; 123/24А; Архив Кашинского филиала Калининского музея. Д. 1, 1935 г. С. 27. Д. 2, 1937 г. С. 200, 201.
 - ⁶ Архив ЛОИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 364, 1936 г.; Научный архив Калининского музея. С. 55, д. 656.
 - ⁷ Милонов Н. П. Древнерусские курганы... С. 167.
 - ⁸ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода//МИА. М., 1956. № 55. С. 229, 234. Рис. 1; 2.
 - ⁹ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.//САИ. М., 1968. Вып. Е1-39. Табл. 2.
 - ¹⁰ Щапова Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода//МИА. М., 1963. № 117. С. 107.
 - ¹¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. Рис. 8.
 - ¹² Левашова В. П. Браслеты//Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 251.
 - ¹³ Смирнов А. П., Милонов Н. П. Краткое руководство... С. 41.
 - ¹⁴ Милонов Н. П. Древнерусские курганы... С. 166.
 - ¹⁵ Недошивина Н. Г. Перстни//Тр. ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 260; Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров//САИ. М., 1979. Вып. Е1-59. С. 38; Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни//Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33. С. 152. Прилож. V, № 1, 3; Смирнова Г. П. Опыт классификации... С. 229, 234. Рис. 1; 2.
 - ¹⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 94, 122, 191; Левашова В. П. Браслеты. С. 251.
 - ¹⁷ Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 147.
 - ¹⁸ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв.//Русский город: Исследования и материалы. М., 1983. Вып. 6. С. 6—16; Он же. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.: Методика исследования//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1982. С. 33.
 - ¹⁹ На карте, которую приводит Б. А. Рыбаков, граница проходит примерно в 30 км от Посадского комплекса. См.: Рыбаков Б. А. Киевская земля и русские княжества X—XIII вв. М., 1982. С. 548.
 - ²⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 238; Т. II. С. 228, 370; М., 1965. Т. IX/X. С. 128, 179.
 - ²¹ Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893. С. 194, 195.
 - ²² Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников... С. 81.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС У с. ГНЕЗДИЛОВО ПОД СУЗДАЛЕМ

Изучение сельского населения раннесредневековой Руси — одна из наиболее актуальных проблем славяно-русской археологии. Вопросы, связанные с ней, рассмотрены в ряде монографических исследований по истории отдельных древнерусских земель¹. Селища Ростово-Суздальской земли изучены еще слабо, и совсем немногочисленны исследованные комплексы «поселение—могильник». Данная статья — предварительная публикация материалов одного из таких комплексов, входившего в сельскую округу Суздаля.

Среди раскопанных А. С. Уваровым в окрестностях Суздаля в 1851 г. курганов был могильник «в 1 версте от села Гнездилово», состоявший из двух групп, «средней» и «дальней», в которых насчитывалось 22 и 13 насыпей². По-видимому, первоначально могильник был значительно обширнее.

В 1978 г. в ходе разведки выявлено селище Гнездилово 2, которое, по-видимому, можно топографически связать с раскопанным А. С. Уваровым могильником. Оно находится в 5 км к юго-западу от Суздаля и в 1,5 км к северо-востоку от с. Гнездилово. Селище расположено на обоих берегах русла ныне пересохой р. Мжара, правого притока р. Каменка. Площадь селища составляет 7 га. Основная его часть (6 га) находится на левом берегу Мжары, на склоне небольшой возвышенности, поднимающейся над уровнем русла на высоту 3 м. Судя по численному соотношению в подъемном материале лепной и круговой керамики, более ранней является левобережная (северная) часть селища. Здесь в 1980—1985 гг. проведены раскопки на площади 400 кв. м. Мощность культурного слоя в среднем 0,4 м, местами — 0,6 м. Верхняя его часть до глубины 0,2 м длительное время распахивается. В ней преобладает лепная керамика, ее доля колеблется в разных частях раскопа от 83 до 91%. Ниже залегает незатронутый распашкой коричневатый гумус, в котором лепная керамика составляет от 92 до 99%. В этом слое фиксируются пятна углистого гумуса — следы ям, прорезавших его и углубленных в материк. В раскопе выявлены пять крупных ям: три удлиненные размерами 6×2; 7×2; 10×2 м, вытянутые параллельно друг другу с юго-запада на северо-восток; прямоугольная размерами 7×4,5 м; круглая диаметром 2 м. Рядом с этими ямами — многочисленные следы столбов. В заполнении крупных ям — уголь, зола, осколки обожженных камней, керамика почти исключительно лепная (единичные фрагменты раннекруговой керамики составляют 0,4—4%). Сохранившиеся остатки позволяют предполагать существование неясных по характеру наземных сооружений со столбовыми конструкциями, отопительными устройствами из камней и глиняной обмазкой стен. По конфигурации ямы Гнездиловского селища находят аналогии среди некоторых материковых ям Тимеревского поселения под Ярославлем³.

Лепная керамика из культурного слоя селища формована из грубого теста с примесью крупной дресвы. Поверхность сосудов неровная, иногда грубо заглаженная пучком травы. Изредка встречаются фрагменты с подлощенной поверхностью. Керамика, как правило, неорнаментированная, иногда с насечкой по венчику. Основные формы лепной керамики — горшки, миски (рис. 1, 7, 8) и корчаги (рис. 1, 9, 10). Горшки представлены тремя типами: 1) баночные толстостенные со слабовыраженным венчиком (рис. 1, 1, 2); аналогии имеются среди керамики Тимеревского поселения⁴ и селищ в районе Ростовского озера, отнесенных А. Е. Леонтьевым к числу славянских⁵; 2) с прямым вертикальным или отогнутым венчиком со срезанным краем (рис. 1, 5, 6); 3) с коротким

округлым сильно отогнутым венчиком (рис. 1, 3, 4). Фрагменты, носящие следы лощения, выделяются из основной массы керамического материала и своей профилировкой (рис. 1, 11, 12; близкие формы отнесены А. Е. Леонтьевым к «мерянской керамике»⁶).

Иногда наблюдается подражание орнаментации круговых сосудов, свидетельствующее об их сосуществовании с лепной керамикой. В одних случаях, вероятно, при нанесении орнамента использовалась поворотная подставка (рис. 1, 10), в других, судя по характеру орнаментации, не применялось даже таких простейших приспособлений (рис. 1, 13). На материалах поселения прослеживается переход от лепной к круговой керамике. Встречены раннегончарные формы различного технического уровня (рис. 1, 17—19), начиная с заглаживания краев венчика сосуда, формованного вручную (стадия РФК-2, по А. А. Бобринскому⁷).

Круговая посуда (рис. 1, 20, 21) аналогична керамике из слоев Суздаля XI—XII вв. Участки с сохранившимся слоем, надежно датированным X в., в городе пока не найдены, поэтому вопрос о ранней дате круговой керамики на материалах Суздаля сейчас решен быть не может.

Датирующими индивидуальными находками, происходящими из верхнего слоя селища, являются бусы: сердоликовая 14-гранная, стеклянная мозаичная оранжевая многогранная, лимонovidная желтая, двучастная и трехчастная синие. В основном бусы этих типов распространены в X—XI вв. и перестают бытовать в начале XII в.⁸ Такой датировке слоя не противоречат и находки предметов с более широкими периодами бытования: калачевидные кресала с язычком и ключ от цилиндрического навесного замка типа А по Б. А. Колчину (рис. 2, 27—29, 34), употреблявшиеся по новгородской шкале соответственно до второй трети XII в. и первой трети XIII в.⁹ Назовем еще фрагмент многочастной золото-стеклянной бусины. В Новгороде золотостеклянные бусы (кроме ложнозолотостеклянных) исчезают в середине XII в.¹⁰ Наибольшее число находок происходит из материковых ям. В яме 1 найдена костяная копоушка (рис. 2, 5). Копоушки — находки, в особенности характерные для восточной части Волго-Окского междуречья и Заволжья, датируются IX — началом XI в.¹¹ Наиболее близкие аналогии копоушке из Гнезди-

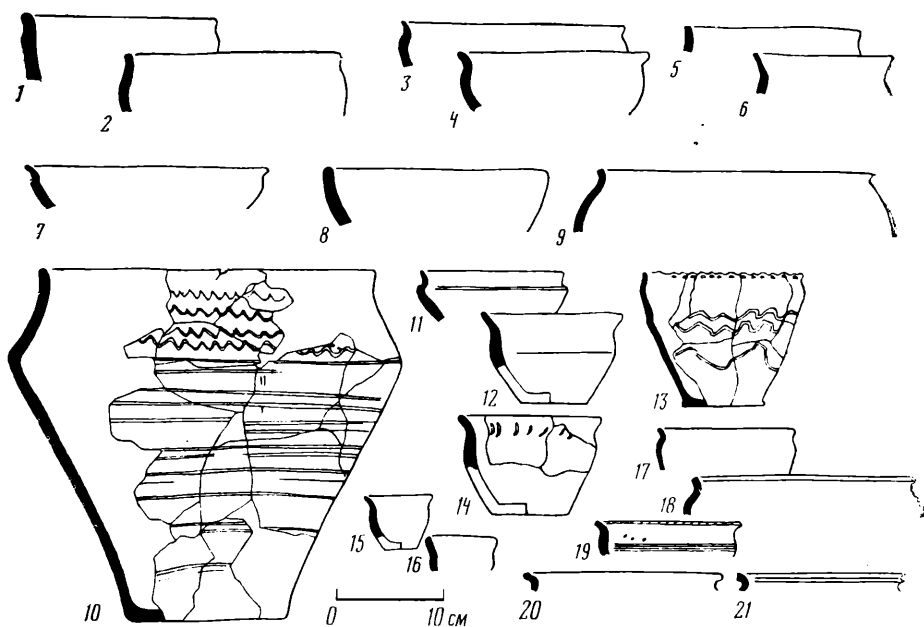

Рис. 1. Селище Гнездилово 2. Керамика

1—16 — лепная; 17—19 — раннекруговая; 20, 21 — круговая

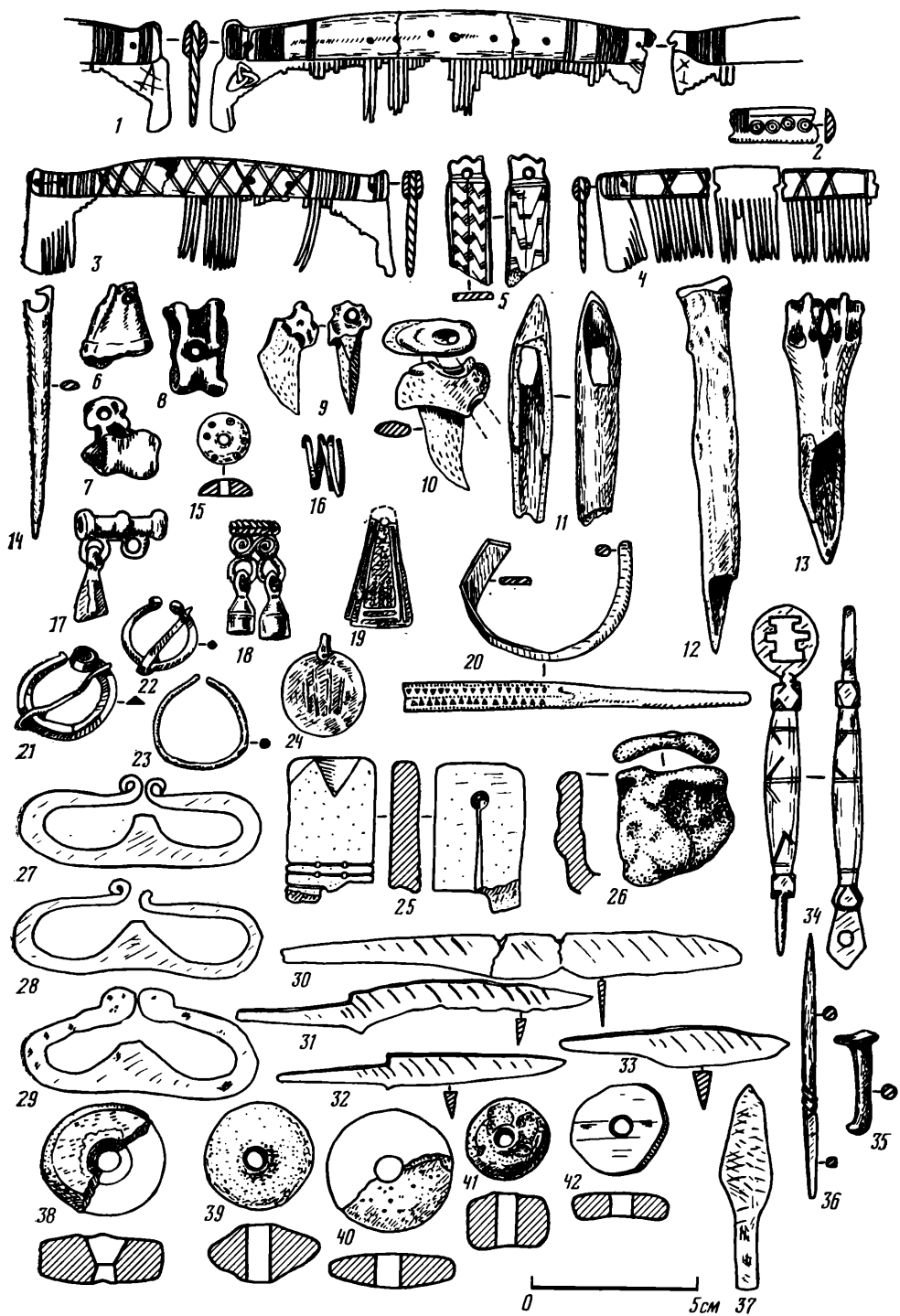

Рис. 2. Селище Гнездилово 2. Вещевые находки

1, 7, 14 — из ямы 2; 2, 9, 18, 26—29, 32—34, 38—41 — пласт 1; 3, 8, 13 — яма 9; 4, 17, 19, 21 — яма 12;
5, 11 — яма 1; 6, 10, 12, 16, 25, 30, 31, 35—37 — пласт 2; 15, 20, 22—24, 42 — яма 13

лова происходят из Сарского городища и Ярославских могильников¹². Они изготовлены из костяных пластинок толщиной 2—3 мм, прямоугольного сечения, с процарапанным орнаментом.

В ямах 2, 9 и 12 найдены костяные односторонние составные гребни (рис. 2, 1, 3, 4) группы II по классификации О. И. Давидан, относящиеся к концу IX—XI в.¹³ В Новгороде односторонние гребни выходят из употребления уже в середине XI в.¹⁴ Помимо гребня, в яме 12 найдены подковообразная бронзовая спиралеконечная фибула с треугольным сечением (рис. 2, 21), бронзовая пронизка с трапециевидной привеской (рис. 2, 17) и трапециевидная привеска (рис. 2, 19). Фибулы рассматриваемого типа встречаются в Новгороде в слоях X—конца XII в., основная их масса относится к X—XI вв.¹⁵ Пронизки близкой формы найдены во владимирских курганах, где шумящие привески в целом датируются X—началом XII в.¹⁶ Трапециевидная привеска относится к привескам вида 3 по И. Г. Розенфельдт и датируется IX—XI вв.¹⁷

Среди находок из ямы 13 — подковообразная бронзовая спиралеконечная фибула с четырехугольным сечением дуги (рис. 2, 22). В Новгороде фибулы этого типа встречены только в слоях X в.¹⁸ Две бусины — серебробстеклянная зонная и двучастная желтого глушеного стекла — датируются X—XI вв.¹⁹ Здесь же найдена часть пластинчатого браслета с дротовыми концами (рис. 2, 20). Браслеты этого типа встречаются редко, в новгородской коллекции известен только один из слоя конца XI в.²⁰ В комплекс входят также подвеска из аббасидского дирхема аль-Махди 775—785 гг. (определение И. Г. Добровольского, год и место чеканки стерты; рис. 2, 24) и пряслице из черепка привозного (по-видимому, болгарского) сосуда (рис. 2, 42).

Таким образом, по индивидуальным находкам материковые ямы могут быть датированы X—началом XI в. (1, 13) и X—XI вв. (2, 9, 12). Учитывая же состав керамики (фрагменты лепной посуды — 96—99,5%), их следует отнести к X в.

Материальная культура поселения включает элементы, присущие финно-угорскому населению. Это шумящие подвески, спиральное кольцо, копоушка, ножи с прямой спинкой (два из 23), подвески из просверленных астрагалов (в том числе шесть — бобра), медвежьих зубов, костяные подвески, имитирующие когти или клыки (рис. 2, 6—10, 16—19, 30). Преобладают, однако, предметы древнерусской материальной культуры.

Из 35 курганов, раскопанных А. С. Уваровым, 12 содержали погребения по обряду кремации, 22 — по обряду ингумации, один был биритуальным, причем все курганы с трупосожжениями находились в первой, «средней», группе. Кремации фиксировались в дневнике как «сожженные кости» без примеси угля и золы (курганы 4 и 15), «угольный слой с сожженными человеческими костями» (курган 17), «угольный слой» или «пепел» (курганы 1, 5—7, 9, 10, 20), в двух случаях (курганы 11 и 12) упомянут «горшок с пеплом», т. е., вероятно, остатки кремации были помещены в урну. Как показывает опыт работы с дневниками А. С. Уварова, различия в описании не случайны, они, по-видимому, фиксируют варианты обряда. В данном случае, вероятно, преобладали кремации на кострище, трупосожжения на стороне составляли одну треть погребений и делились на урновые и безурновые. При описании ингумаций в дневнике не зафиксированы ориентировка и положение костяка, перечисляются лишь вещевые находки.

Инвентарь Гнездиловских курганов не удалось выделить из депортированной части вещевой коллекции владимирских курганов. Поэтому при датировании комплексов исследователи вынуждены опираться на перечень находок, имеющийся в дневнике, и на установленные в целом для коллекций периоды употребления категорий вещей как погребального инвентаря. Так, для первой курганной группы характерны вещи, встречающиеся в погребениях X—XI вв. и исчезающие из них в начале XII в. Среди них: топоры при двух трупосожжениях (1 и 20) и

трех труположениях (13, 14, 19), наконечники стрел (9, 13), удила (21), поясной набор (3, трупосожжение), бубенчики (10 — трупосожжение и 2, 9, 13 — труположения), каркасная треугольная шумящая привеска (9), кресало (2). В кургане 17 в трупосожжении найдена привеска из дирхема чеканки 900 г.²¹

Наиболее богатым было погребение в кургане 18. Под кострищем найдено труположение с золотой серьгой, фрагментами шелковой ткани на груди и запястьях и многочисленными серебряными украшениями (браслеты, перстни, кольца, пряжки, крест). Золотые украшения встречены всего в четырех из более чем 7700 владимирских курганов.

Состав инвентаря второй, «дальней», курганной группы совершенно иной. Топор встречен только в одном погребении (25), в остальных курганах — устойчивый набор, состоящий из поясного кольца, пряжки и ножа. Отмечены безынвентарные погребения.

На основе сравнения с другими могильниками ареала владимирских курганов первую группу можно датировать X — началом XII в., вторую — XII — началом XIII.

Судя по находкам в верхнем слое селища Гнездилово 2, жизнь на поселении затихает к началу XII в. В это время, правда, функционирует вторая курганная группа, но не следует забывать, что могильник распаивался, неизвестно количественное соотношение курганов X—XI и XII в., и следовательно, мы не можем определить динамику его роста. Население поселка в XII в. если не исчезает совсем, то значительно сокращается. Возможно, поселение оказалось в числе сел, сожженных при осаде Суздаля болгарами в 1107 г., но были и какие-то другие, более общего порядка и пока не выясненные причины упадка Гнездиловского селища: рубеж XI—XII вв. — период, когда в Ростово-Суздальской земле, судя по данным курганных могильников, прекращается жизнь ряда крупных поселений, возникших в X в.

- ¹ *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)//МИА. М., 1960. № 92; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981.
- ² ГИМ. Отд. письменных источников. Ф. 17. № 209. Л. 54—57: Дневник раскопок А. С. Уварова в Суздальском уезде в 1851 г.
- ³ *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124—187.
- ⁴ *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 111—117 (тип I).
- ⁵ *Леонтьев А. Е.* Поселения мери и славян на оз. Неро//КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 27. Рис. 2, 19, 20.
- ⁶ Там же. Рис. 2, 2.
- ⁷ *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 191.
- ⁸ *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни//Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33. С. 149—224; *Шапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода//МИА. М., 1956. № 55. С. 164—179; *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156—177.
- ⁹ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей... С. 162, 163.
- ¹⁰ *Шапова Ю. Л.* О происхождении некоторых типов древнерусских бус//СА. 1962. № 2. С. 91; *Она же.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 87.
- ¹¹ *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. М.; Л., 1952. № 28. С. 199. Табл. XLVI, 2, 3; *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии//МАНГР. М., 1896. Т. 2. Табл. 22—27; 29—36; *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск. 1958. Рис. 50, 7—9; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. М., 1961. № 94. Рис. 61, 1—8, 17; 62, 10, 11, 14; *Монгайт А. Л.* Раскопки в Старой Рязани//КСИИМК. М., 1947. Вып. 21. Рис. 38.
- ¹² *Эдинг Д. Н.* Сарское городище. Ростов-Яросл., 1928. Табл. IV, 1—5; Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. Рис. 23, 1—9.
- ¹³ *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi//АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 103.
- ¹⁴ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей... С. 164.
- ¹⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 86.
- ¹⁶ *Спицын А. А.* Владимирские курганы//ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. Рис. 423; 449.
- ¹⁷ *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982. С. 30.

¹⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 84.

¹⁹ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях... С. 196, 205.

²⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 115.

²¹ Тр. I АС. М., 1853. Т. 1. С. 752.

З. М. СЕРГЕЕВА

ИЗУЧЕНИЕ КУРГАНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОСВЕЙСКОГО ОЗЕРА

Сводки памятников археологии, расположенных по берегам оз. Освейское на северо-западе Белоруссии, принадлежат В. Глаценаку и Л. В. Алексееву¹. Первые научные раскопки здесь осуществил К. П. Шут. Он заложил шурфы на Освейском, Чапаевском и Дубровенском городищах и исследовал Ураговское. Памятники эти относятся к днепровской культуре, а на Ураговском городище обнаружены и материалы VI—VIII вв.²

С 1973 г. изучением памятников региона в течение нескольких сезонов занимался Витебский областной отряд Института археологии АН СССР. Были предприняты раскопки курганных могильников, обнаружены новые памятники и обследованы уже известные (рис. 1).

На северо-западном берегу оз. Освейское, в 0,5 км от д. Сукали, на возвышенном месте, у лесной дороги открыт могильник из 21 кургана. Курганы разбросаны в пределах 50 м в одиночку и группами. Отдельно расположен длинный курган (13,5×5,7×0,8 м), ориентированный по линии север—юг вдоль дороги. В 100 м от него находится группа I из 14 полусферических насыпей (высота 0,5—2 м, диаметр 6—13 м), среди которых крупные имеют кольцевые ровики с одной-двумя перемычками. В 70 м к северу расположен одиночный полусферический курган с крутыми склонами без ровика (высота 1,25 м, диаметр 9 м). В 100 м к северо-западу находится группа II из пяти круглых насыпей (высота 0,3—1,35 м, диаметр 7,5—11 м), довольно оплывших, имеющих кольцевые ровики и впадины на вершинах. В 1974 г. в группе I раскопано три кургана.

Курган 1 (высота 1,2 м, диаметр 10 м) круглый, с небольшой впадиной на вершине. Под дерном в центре насыпи обнаружены остатки кострища I из угля, золы и пережженной темной земли (1,7×1,4 м, толщина 6—8 см). В середине насыпи встречено кострище II (4,9×3,3 м, толщина 8—10 см) — угольки, незначительные остатки обгорелого дерева, обожженная глина и рассыпанные мелкие кальцинированные кости, среди которых фрагменты черепа человека. Кострище вытянуто с запада на восток (1,2×0,7 м, толщина до 5 см). На горизонте отмечена предматериковая прослойка темного цвета с вкраплением мелких угольков и золы толщиной 8—10 см (рис. 2).

Курган 2 (высота 0,5 м, диаметр 7,6 м) круглый, с уплощенной вершиной. Под насыпью в ямке (ширина 0,85 м, глубина 0,1 м), вырытой в предматериковой темной прослойке (толщина 15—30 см), обнаружено несколько мелких кальцинированных косточек.

Курган 3 (высота 0,5 м, диаметр 7,4 м) круглый, оплывший. Под дерном в северной половине насыпи обнаружено кострище (0,6×0,4 м, толщина 5 см) из угля и черной пережженной земли. В нем — кучка кальцинированных костей, среди которых кости человека и кабана. Под насыпью на горизонте зафиксирована тонкая предматериковая прослойка с вкраплениями угля и золы (толщина в центре до 10 см). Под ней, в материке, выявлено восемь ямок (глубина 0,2—0,78 м, диаметры 0,3—1 м), заполненных темной землей с мелкими угольками. Располагались

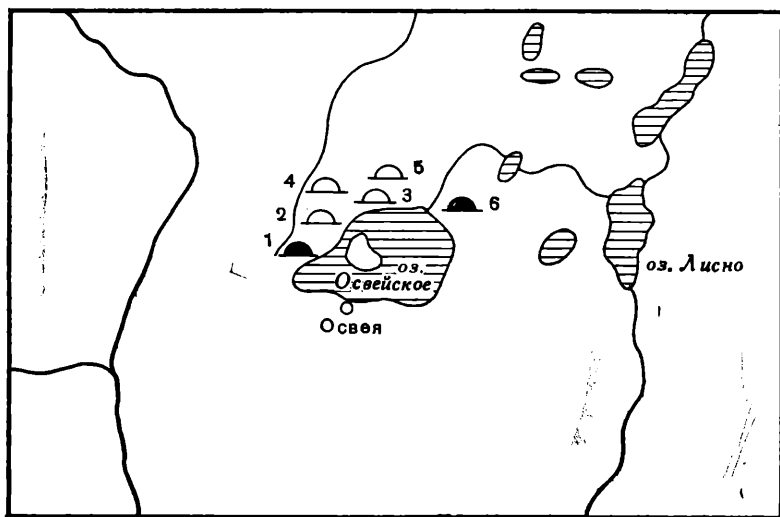

Рис. 1. Распространение курганов в окрестностях оз. Освейское

1 — Сукали; 2 — Потино; 3 — Василевщина; 4 — Синьщина; 5 — Красово; 6 — Игнаино; группы, где производились раскопки, обозначены черным

ямки на разном расстоянии друг от друга, образуя в плане очертания четырехугольника со сторонами 2,4; 2,4; 2,6; 2,8 м.

К северу от оз. Освейское по старой дороге в д. Потино (недалеко от быв. д. Василевщина) обследована уже известная в литературе курганная группа, которая состояла из трех насыпей, расположенных на расстоянии 30—50 м друг от друга. Среди них одна длинная насыпь (10×4×0,5 м), ориентированная в направлении запад—восток вдоль дороги и берега озера, и две круглые (высота 0,3—0,5 м, диаметр 5—7 м).

К северо-западу от озера в сторону быв. д. Синьщины, вдоль старой дороги по болоту, открыта новая курганная группа из четырех насыпей. Они отстоят друг от друга на расстояние от 50 до 200 м. Три насыпи круглые (высота 0,5—0,8 м, диаметр 6—8 м) и одна длинная (12×5×0,6 м), ориентированная по линии север—юг вдоль дороги. У одного круглого кургана просматривается кольцевой ровик. В 4 км от д. Красово в лесу, напротив старого кладбища, находится одиночный сопко-видный курган, имеющий усеченноконическую форму, с крутыми склонами и плоской вершиной (диаметр 5,3 м). Высота кургана 1,7 м, диаметр — 14 м. Вокруг насыпи сохранился кольцевой ровик (ширина 2,3 м, глубина 0,3—0,5 м).

В северо-восточном направлении от озера и в 1 км от д. Игнаино расположен известный курганный могильник, насчитывающий 29 курганов. Находится он на высоком берегу безымянного ручья, в лесу. Среди курганов пять длинных, остальные круглые. Длинные насыпи расположены преимущественно в южной части могильника. Размеры самого длинного кургана 41×8,4×1,5 м. Ориентировано большинство длинных курганов в направлении С—Ю вдоль лесной дороги, и только одна насыпь сооружена по линии З—В, но тоже вдоль другой лесной дороги. Среди полусферических насыпей (высота 0,7—2 м, диаметры 6—15 м) более крупные сосредоточены в центре могильника. Ровики кольцевые. Раскопан курган 1 (высота 0,8 м, диаметр 8 м), круглый, ровик кольцевой с перемычкой (ширина 1 м, глубина 0,5 м). В насыпи под дерном в западной и восточной частях встречены остатки двух кострищ из угля и черной пережженной земли (0,4×0,5; 0,3×0,4 м). На глубине 0,4 м от поверхности обнаружены остатки двух трупосожжений. Первое размещалось в центре кургана: кучка кальцинированных костей среди мелкого угля и темной земли (0,4×0,3 м, толщина 4—5 см). Второе захоронение располагалось на том же уровне, в 2 м к

югу от первого (0,3×0,15 м). Среди кальцинированных костей обнаружены фрагменты черепа человека, кости кабана и птицы. Под насыпью на материке зафиксирована предматериковая золистая прослойка толщиной 0,1—0,2 м.

Время сооружения длинных насыпей не выходит за пределы I тысячелетия н. э. Малые группы курганов (по две—пять насыпей), в составе которых имеются и длинные, также характерны для этого тысячелетия. Ранними признаками являются и расположение курганов на значительном расстоянии друг от друга³, и, может быть, наличие кольцевых ровиков, которые у курганов исследуемого региона, относящихся к началу II тысячелетия н. э., не зафиксированы.

На основании этих признаков круглые курганы у Василевщины и Синьщины и длинные насыпи у Сукали и Игналина можно датировать второй половиной I тысячелетия н. э. К ранним признакам можно добавить значительность размеров насыпей, крутобокость и усеченнокони-

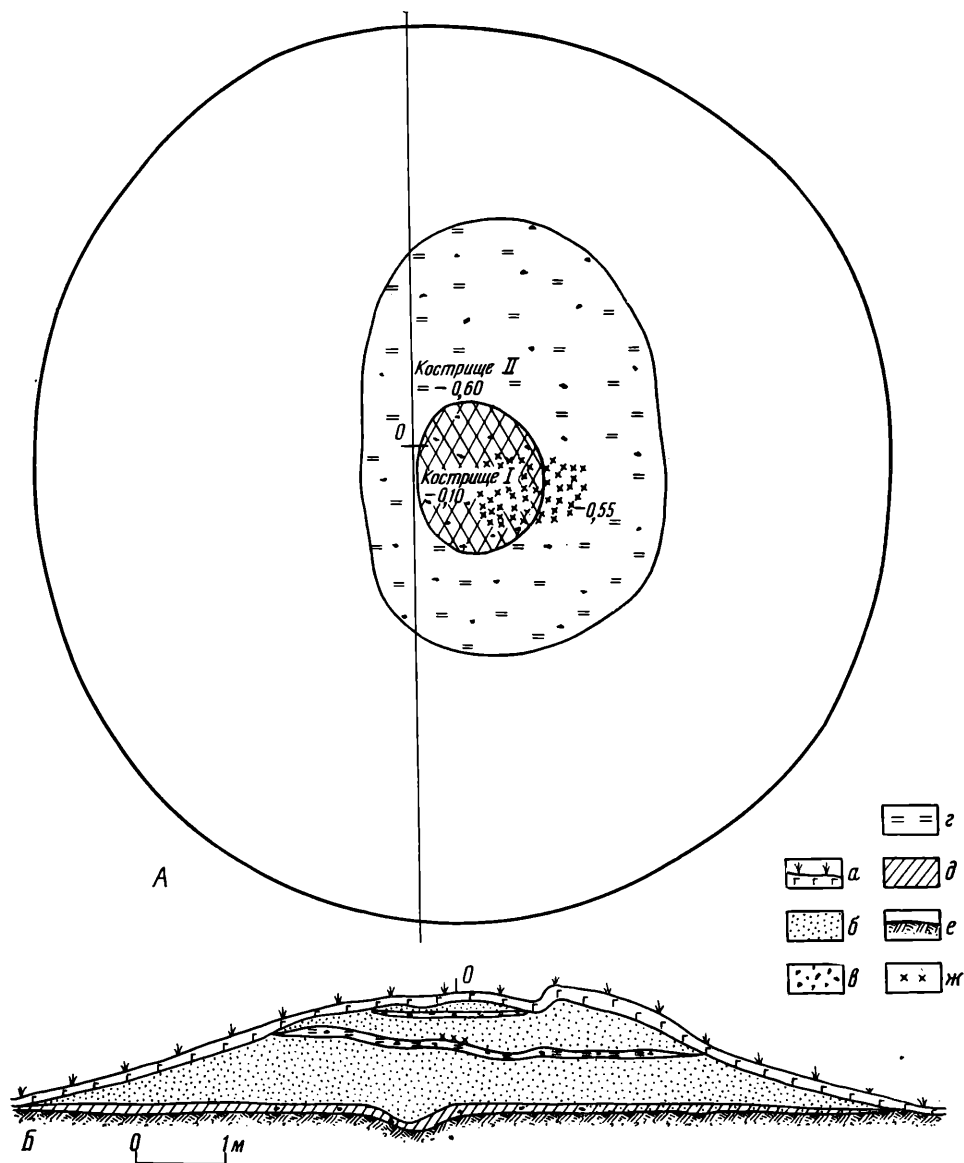

Рис. 2. План (А) и профиль бровки с востока (Б) кургана 1 у д. Сукали

а — дерн; б — песок; в — уголь; г — обожженная глина; д — темная прослойка; е — материк; ж — кальцинированные кости

ческую их форму. По внешнему виду такие курганы напоминают новгородские сопки. Следует заметить, что местное население часто называет курганы сопками.

В раскопанных четырех курганах никаких вещевых материалов не обнаружено, так что о времени их сооружения можно говорить лишь по внешним признакам и погребальному обряду.

В двух курганах (Сукали 1 и Игнаино 1) зафиксированы кострища под дерном без следов трупосожжений. Надо полагать, что это были остатки ритуальных костров. Остатки трупосожжений размещались под дерном в кучке; в насыпи — в рассыпанном виде; в основаниях — кучкой и в ямке. Сожжение умерших в основном совершалось вне курганов. О сожжении на месте можно говорить лишь относительно кургана 1 у д. Сукали, где кострище занимало площадь до 5 м в диаметре, а остатки кремации располагались на участке, вытянутом по линии запад—восток, что, возможно, соответствовало положению погребенного.

Все способы размещения кальцинированных костей в насыпях находят себе аналогии среди 11 типов, выделенных В. В. Седовым для длинных курганов кривичей⁴. Такие же способы захоронений широко известны в круглых курганах Псковщины⁵, Белорусского Подвинья⁶ и Смоленского Поднепровья⁷, которые исследователи считают славянскими. По отсутствию вещевого материала и керамики рассмотренные курганы ближе стоят к псковским, где также преобладают безынвентарные и безурновые погребения. Для последних характерны и золистая прослойка в основании, и кольцевой ровик⁸. По всем особенностям, в том числе сожжению на месте (ритуал, характерный для IX—X вв.⁹), раскопанные полусферические курганы с сожжением можно предварительно датировать VIII—X вв.

- ¹ *Глацёнак В.* Некаторыя з помнікаў Асьвейскага раёну//Наш край. Менск, 1930. № 3. С. 55—57; *Алексеев Л. В.* Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины//Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 287.
- ² *Шут К. П.* Городища эпохи феодализма на северо-западе Белоруссии//Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967.
- ³ *Седов В. В.* К вопросу о классификации смоленских курганов//КСИА. М., 1960. Вып. 81. С. 8.
- ⁴ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей//САИ. М., 1974. Вып. Е1-8. С. 19.
- ⁵ *Тараканова С. А.* Себежские городища и курганы//Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 118.
- ⁶ *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе//Працы Археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2. С. 182—190.
- ⁷ *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні//Працы Археолёгічнай камісіі. Менск, 1930. Т. 2. С. 310.
- ⁸ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982. С. 166—168.
- ⁹ *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе... С. 193; *Штыхов Г. В.* Раскопки курганов под Полоцком//Вопросы истории и археологии. Минск, 1966. С. 268—274; *Седов В. В.* Казихинские курганы на р. Великой//КСИА. М., 1969. Вып. 120. С. 96; *Ширинский С. С.* Курганы IX—первой половины X в. у пос. Новоселки//Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 116.

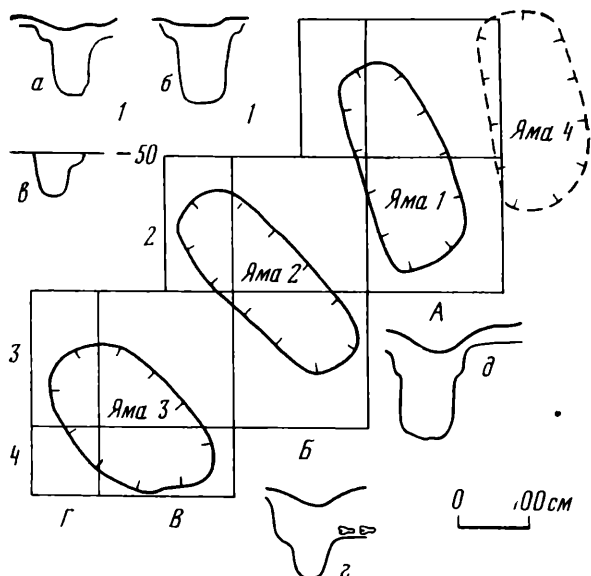
И. Ф. НИКИТИНСКИЙ

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ В СВЯЩЕННЫХ РОЩАХ-«КУСТАХ» НА КОКШЕНГЕ И СУХОНЕ

В 1981 г. автором на р. Уфтыга (левый приток р. Кокшенга) в д. Игнатовская (другое название Подкуст), в местности, которая носит название «Куст», обнаружен разрушенный грунтовой могильник. Ориентировка сохранившегося погребения — головой на запад (с отклонени-

Рис. 1. План раскопа Раменского могильника и профили могильных ям Раменского (а—в) и Тиуновского (г, д) могильников

а — яма 1; б — яма 2; в — яма 3;
г — яма 1; д — яма 2

ем к северу на 35°); руки сложены на груди, кисти рук — под подбородком. Вещей при погребенном не было. Этническое определение и датировка вызвали затруднения. Краевед из Тарноги А. А. Угрюмов писал, в частности, о «кустах», известных на Кокшенге, и называл их древними чудскими рощами¹. Само слово «куст» выводилось из вепского «кууз» (ель) и марийского «кусото» (мольбище). В 1984 г. во время разведки по Тарногскому р-ну автор осмотрел несколько таких «кустов». Местное кокшенгское название «куст» относится к охранявшимся традициями рощам². Обычно это островки елового или соснового, иногда смешанного, маточного леса. В начале XX в., по сведениям директора Тотемского районного музея Н. А. Черницына, эти «кусты» занимали площадь 1—3 га³. Они обычно расположены на возвышении и хорошо видны издалека. В «кустах» растут вековые деревья. В Тиуновском «кусте» обхват наибольшей сосны составляет 3,8 м. В настоящее время у части «кустов» значительно сократилась площадь. Ярыгинский и Долговицкий II «кусты» распаханы.

В отчете о работе Вологодской археологической экспедиции в 1984 г. автором высказано предположение о возможной связи между «кустами» и грунтовыми могильниками. Были собраны сведения по Тарногскому р-ну. Выявлено 14 «кустов» в бассейне Кокшенги и один — в бассейне Сухоны (на ее левом притоке — р. Саланга). В 1985 г. первым объектом исследования стал Раменский «куст». Он находится на правом берегу Саланги, в 0,5 км к северо-востоку от д. Раменье. «Куст» представляет собой рощу вековых сосен и елей с хвойным и лиственным подлеском. Роща почти круглая в плане, имеет поперечник 77—83 м. До 30-х годов роща сохранялась местными жителями и имела площадь в несколько раз больше современной. Рубить деревья и ветки запрещалось. В «кусте» очень давно на месте «явления» иконы была построена часовня. Раз в году в роще у часовни был большой праздник. По сведениям местных жителей, первая церковь и кладбище находились в 200 м от «куста», ближе к деревне.

Во время осмотра рощи среди зарослей малинника и подлеска удалось выявить четыре ямы-западины (рис. 1). Возможно, их там больше⁴. Ямы располагались веером, с ориентировкой от северной (с отклонением к западу) до западной (с отклонением к северу). Глубина западин 10—20 см. Из четырех вскрыты три. Это были могильные ямы. В двух оказались труположения, а третья яма — кенотаф. Ориентировка погребенных отличалась от ориентировки самих западин, смеще-

ние к западу было несколько больше. Погребенный в яме 1 лежал на спине в вытянутом положении. Череп повернут лицевой частью к востоку. Кисть правой руки находилась на левой плечевой кости, кисть левой — на бедре правой ноги. Погребенный в яме 2 лежал на левом боку, левая нога слегка согнута в колене⁵. Кисть левой руки находилась под нижней челюстью, кисть правой — наверху лицевой части черепа. Вещей в могилах не было. Интересна конструкция могильных ям. Их корытообразное дно было выстлано тонким слоем органики. В верхних частях имелись своеобразные «полки» шириной 10—15 см, глубиной 7—8 см. Под дерном в ямах-западинах довольно много углей, редкие угольки встречались и в засыпке ям. Под дерном в яме-кенотафе было особенно много угля и тлен несгоревшего дерева. Создавалось впечатление, что здесь сожгли какой-то крупный деревянный предмет. На «полке» ямы 3 также зафиксирован слой угля толщиной до 5 см. Датировка могильника затруднена, а обрядность свидетельствует в большей степени в пользу финно-угорского, а не славянского происхождения погребенных. По единодушному мнению местных жителей, в Раменском «кусте» никогда никого не хоронили.

Вторым обследовался «куст» в д. Тиуновская (р. Улошка, левый приток р. Тарнога, бассейн Кокшенги). Роща находится на южной окраине деревни, на склоне и верхней площадке возвышенности, где стоит деревня. С юга, юго-востока и юго-запада «куст» виден издалека. В плане роща почти прямоугольная. Некогда она была огорожена забором, ныне почти не сохранившимся. Стороны прямоугольника ориентированы с северо-запада на юго-восток и с северо-востока на юго-запад. Размеры сторон 60×70—75 м. В роще находятся вековые сосны, ели и березы. «Куст» охранялся традицией. Здесь не рубили деревьев и веток. В северо-восточном углу «куста» еще несколько десятилетий назад стояла часовня, а ей предшествовало «явление» иконы. Ныне с этой стороны к роще примыкает здание сельского клуба. За последние десятилетия роща довольно сильно поредела. Но по площади она, по сообщениям старожилов, почти не изменилась. В «кусте», по их же сведениям, никогда не хоронили. При осмотре местности на травяной поверхности легко были обнаружены ямы-западины. Их около десятка. Несколько находилось на верхней площадке, остальные — на склоне. Можно предположить, что они группируются в три ряда. Ямы-западины имеют длину до 3,5 м и ширину 1—1,7 м, длинными осями ориентированы по линии север—юг или близки к ней. Несколько более крупных и глубоких ям-западин регулярной ориентировки не имели.

В северной части «куста» на верхней площадке были выбраны для исследования две рядом расположенные ямы-западины. Обе они длинными осями ориентированы по линии север—юг. Их размеры 240×170 и 260×160 см, глубина — 25 и 40 см. Конструкция ямы 1 примерно такая же, как и ям в Раменском могильнике, но она больше и глубже (160 см). «Полки» тоже больших размеров. На западной «полке» ямы 1 обнаружен слой кальцинированных костей. На костях лежал железный нож (рис. 2, 3). Конец его обломан, длина — 18,3 см, длина черенка 6,7 см. При переходе от лезвия к черенку с обеих сторон есть уступы. На черенке сохранились следы деревянной ручки. Размеры ямы ниже уровня «полок»: ширина около 50 см, длина 190 см, ширина дна 35 см. Дно выстлано тонким (1—1,5 см) и плотным слоем органики, возможно коры. В верхней части засыпки ямы встречен крестик (рис. 2, 6).

Конструкция ямы 2 примерно такая же, как и у предыдущей, но «полки» ямы уже. В профиле отчетливо видны следы грабительских ям. Вещи и кости не обнаружены.

Дно ямы 2 выстлано слоем органики толщиной 2—3 см. На глубине 45 см от дневной поверхности около северо-восточной стенки лежал железный нож (рис. 2, 4). Его длина 14 см, ширина — 1,8 см, длина черенка 2,5 см. При переходе от лезвия к черенку есть два плавных уступа. Суммируя данные по Тиуновскому «кусту», можно предположить, что

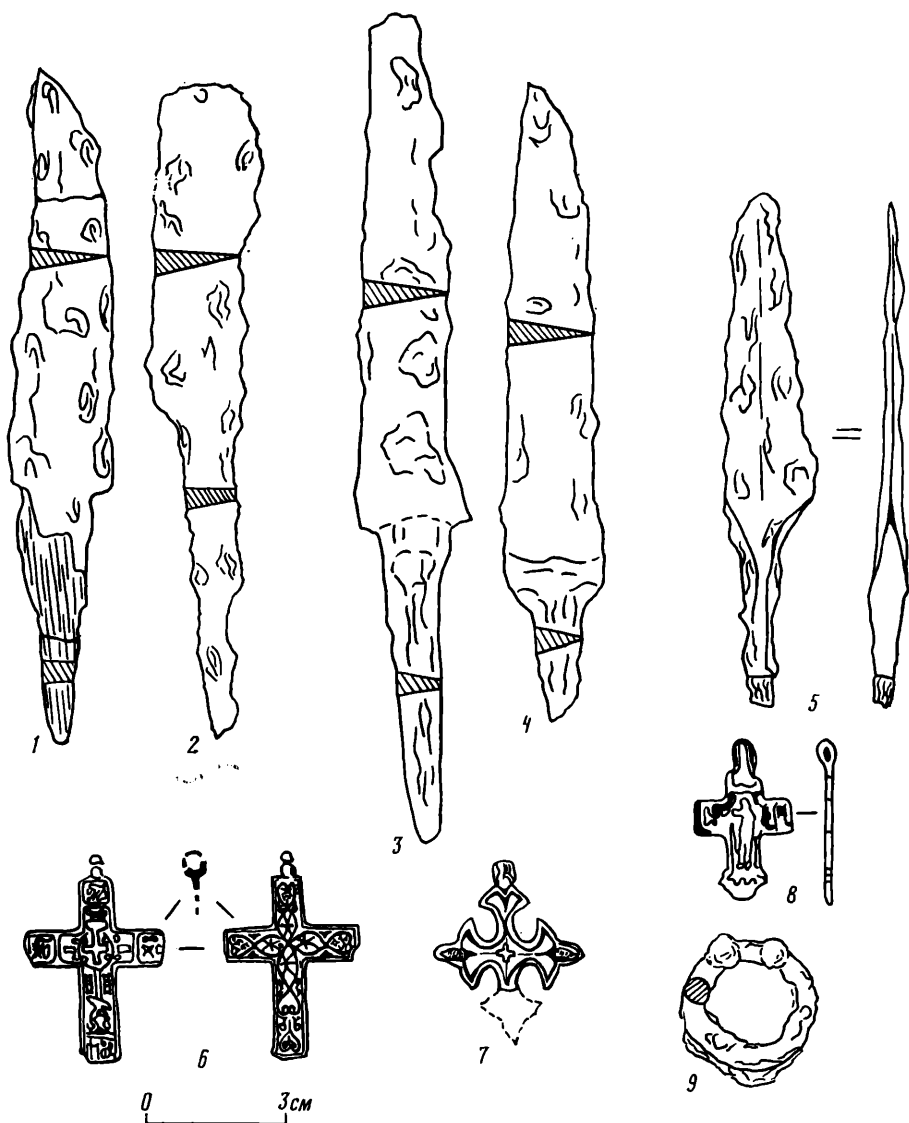

Рис. 2. Вещевые находки из Долговицкого (1, 2, 5, 7—9) и Тиуновского (3, 4, 6) могильников

1 — погребение 5; 2 — погребение 9; 3 — яма 1; 4 — яма 2; 5 — погребение 4; 6 — яма 1; 7 — погребение 13; 8 — погребение 19; 9 — погребение 13; 1—5, 9 — железо; 6—8 — бронза

в нем находится древний грунтовой могильник. Способ погребения (ингумация или кремация) еще предстоит выяснить. Датировка могильника затруднена. Ножи из ям 1 и 2 относятся ко времени развитого средневековья. Крестнику из засыпки ямы 1 аналогии пока не найдены, но предположительно его можно датировать XVI—XVII вв. Для региона Кокшенги XVI век — время активного утверждения христианства и борьбы его с язычеством⁶.

В одном ряду с Игнатовским, Тиуновским, Раменским могильниками стоит и Долговицкий II могильник, открытый Н. В. Гулистым в 1979 г.⁷ Он находится на правом берегу Кокшенги, между деревнями Проневская и Афанасьевская (общее название Долговицы). Относительно местности, где находится могильник, существуют легенды «чуждого» характера. Утверждается, что здесь были жилища «чуди», что это «поганое» место, посещение которого связано с какой-то опасностью,

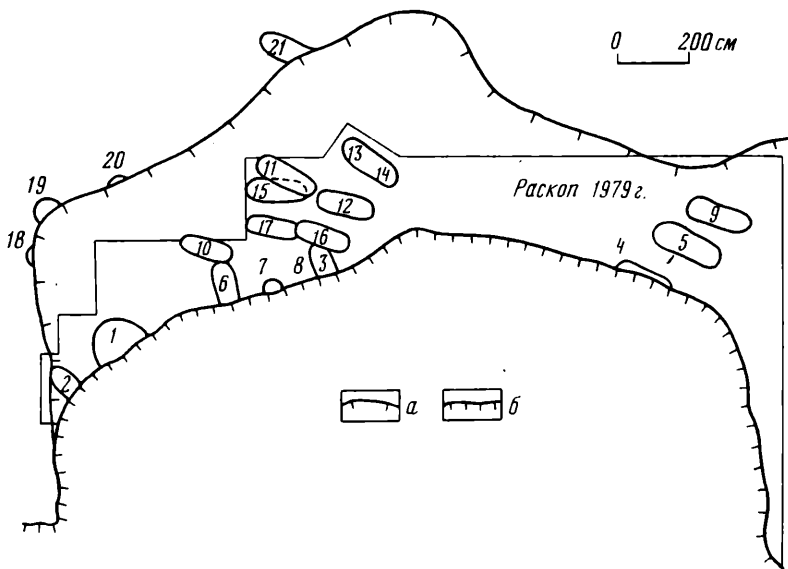

Рис. 3. План Долговицкого II могильника

а, б — граница карьера: *а* — 1981 г., *б* — 1979 г.

что здесь существовали остатки «куста» (распахан и окончательно уничтожен карьером⁸). В 1979 и 1981 гг. Н. В. Гуслистым и автором выявлено 21 погребение (рис. 3). В центральной части могильника погребенные обращены головой на север с отклонением к западу, на периферии — на северо-запад и запад (с отклонением к северу). Имеется два двойных погребения. В некоторых могилах найдены ножи, наконечник стрелы, кремешок, возможно, огниво (сильно коррозированная пластина), железная фибула, клык животного и обломки железных предметов (рис. 2, 1, 2, 5, 9). В двух периферийных могилах обнаружено два крестика (рис. 2, 7, 8), причем один из них — в двойном погребении (взрослый и ребенок) с инвентарем. Могильные ямы прямоугольные с закругленными углами, глубиной 20—100 см. В некоторых могильных ямах встречены угольки. На периферии могильника открыты кострище в яме и пирамидка из камней с уголками между ними. Могильник датирован XIV—XV вв.⁹ Можно считать, что это финно-угорский или финно-угорско-славянский языческий могильник с элементами христианизации населения.

Выше Долговицкого II могильника по Кокшенге, на другом краю д. Афанасьевская, находится еще один «куст». Это небольшая возвышенность, поросшая соснами. На ее поверхности видно много ям. По сведениям местных жителей, там никогда не хоронили, а также не копали ям. Есть сведения о каких-то сидячих погребениях около Маркушевского «куста»¹⁰. В нескольких километрах от Тиуновского «куста» есть еще один «куст» — Жуковский. Он неплохо сохранился, но на месте, где стояла часовня, теперь построен сельский клуб.

Если признать, что грунтовые могильники (Игнатовский, Раменский, Тиуновский и Долговицкий) на Кокшенге и Сухоне в священных рощах-«кустах» не случайны, то можно предложить следующую схему превращения языческих могильников и священных рощ в понятие «куст»: грунтовые могильники в священных рощах принадлежали местному финно-угорскому (или в какой-то мере смешанному со славянами) населению — крещение «кустов» посредством «явления» иконы — постройка в «кустах» на месте «явления» иконы часовни. В священных рощах-«кустах» у часовен раз в году проходили церковные праздники. Рощи охранялись традицией. Иногда в «кустах» были «заветные» пеньки, которые грызли

от зубной боли, или кусочки от них настаивали и настойку принимали при желудочных заболеваниях. Иногда рядом имелись «святы» родники, воду которых употребляли при различных болезнях (Маркушевский и Ярыгинский «кусты»). На месте Маркушевского «куста» возник монастырь.

На основе изучения научной и краеведческой литературы¹¹ и полевых изысканий можно утверждать, что подобные священные рощи распространены значительно шире бассейна Кокшенги. Имеются сведения о священных рощах на пространстве от Сухоны почти до Белого моря и от Вычегды до Онежского озера. Информация о таких священных рощах различна по степени полноты. Например: «У зырян устьвымских доньне сохраняется предание, что Архангельская церковь святителем Стефаном основана была на месте необыкновенно великой березы, коей идолопоклонствующие предки их поклонялись и на коей в жертву вешивали они соболей, куньи, горностаинные и прочие звериные меха, которые торговлею народ сей и доньне промышляет; обширный пень сего дерева оставлен под престолом Архангельской деревянной церкви до самого построения на месте том нынешней каменной церкви, в коей теперь место сие уде под диаконовским амвоном. Вообще же устьвымские зыряне предков своих идолопоклонников доньне называют Ельниками, потому что они обожали как всякие, так наипаче еловые необыкновенной величины дерева. Причиной сему можно полагать то, что мелкие пушные зверьки, коими издревле промышляют зыряне, в сих лесных местах по большей части питаются зернами еловых шишек и чем больше бывает урожай сих шишек, тем более плодятся зверьки сии. А потому плодovitость елового дерева есть счастье для сих звероловцев»¹².

Другой пример: «На Кинг-острове были уничтожены остатки разбитой чуди, спасшейся на этот остров. Тут и легла вся чудь. Этот остров считается священной: он порос лесом, и рубить этот лес считалось греховным и опасным, так как если сама убитая чудь и не вступится за свои права, то она впоследствии так или иначе должна была отомстить оскорбившему ее святыню»¹³. Или: «В Лелемском приходе находится отдельное кладбище, подле самой церкви, на небольшом бугре, поросшем толстым осинником, который никем не истребляется. Здесь тоже, говорят, похоронена чудь»¹⁴.

Кажется, никто из археологов пока не занимался специально поисками могильников по ориентирам священных рощ. Севернее зоны тайги, в тундре, языческие святилища отмечал А. А. Куратов и предполагал на их месте погребения¹⁵. Но обнаружить их, судя по публикации, ему не удалось.

¹ Угерюмов А. А. Кокшенга — край чуди заволочской//Север. 1981. № 4.

² Никитинский И. Ф. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1984 г.//Архив ИА. Р-1. № 10172.

³ Черницын Н. А. Из далекого исчезнувшего прошлого [Рукопись. Тотемский краеведческий музей].

⁴ Подобные ямы-западины отмечены в Корбалском и Усть-Пуйском могильниках. См.: Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской//СА. 1984. № 4. С. 198, 210.

⁵ О нескольких погребениях на боку упоминается в кн.: Кочкуркина С. И. Юго-восточное Прионезье в X—XIII вв. М., 1973. С. 66.

⁶ Чекалов А. К. По реке Кокшенге. М., 1973.

⁷ Гуслистов Н. В. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 г.//Архив ИА. Р-1. № 8623.

⁸ Никитинский И. Ф. Отчет... 1981 г.

⁹ Гуслистов Н. В. Отчет...

¹⁰ Никитинский И. Ф. Отчет...

¹¹ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)/Сост. Н. А. Криничная. Л., 1978; Гагарин В. Ю. История религии и атеизма народа коми. М., 1978; Гунн Г. П. По нижней Печоре. М., 1979; Он же. Каргопольский озерный край. М., 1984; Брюсова В. Г. По Олонецкой земле. М., 1972; Куратов А. А. Археологические памятники Архангельской обл. Архангельск, 1978; Александров А. А. О следах язычества на Псковщине//КСИА. М., 1983. Вып. 175. С. 15; Болховитинов Е. Рукописный сбор-

ник статей по истории Вологодской епархии и губернии [Рукопись. Гос. архив Вологодской обл.].

¹² Болховитинов Е. Рукописный сборник... Л. 128.

¹³ Северные предания... С. 48.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Куратов А. А. Археологические памятники... С. 86.

Н. А. ЛОБАНОВ

НЕКОТОРЫЕ БЫТОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПСКОВА

Ниже рассматриваются две категории вещей, которые связаны с получением огня и освещением жилых помещений: светцы и кресала. Они играли огромную роль в быту средневекового горожанина.

Светцы, являвшиеся массовым видом осветительных приборов, и подсвечники в древнем Пскове были широко распространены. Их часто находят при археологических раскопках. Железный светец представляет собой брусок железа, заканчивающийся двумя, четырьмя или шестью зажимами для лучины. Нижний конец бруска заострен так, чтобы его можно было вбить в деревянный чурбак или подставку. Светец вбивали в подставку только вертикально, т. е. вставленная в него лучина находилась в горизонтальном положении. Под светец помещали долбленое деревянное корыто с водой. Вода не только отражала свет, что дополнительно освещало дом, но и служила противопожарным средством, гася падающие сверху сгоревшие части лучины.

По форме светцы разделены Б. А. Колчиным (на основе новгородского материала) на ряд типов¹. В настоящей работе использована типология Б. А. Колчина.

Первый тип (однолучинный) — самый простейший и самый древний. Такие светцы полностью совпадают с описанными Б. А. Колчиным светцами из Неревского раскопа Новгорода. В Пскове их найдено несколько. Один обнаружен В. И. Кильдюшевским в 1981 г. в слое начала XV в. (рис. 1, 1)². Его длина 11,5 см, ширина — 0,7 см, длина черенка 6,5 см. От черенка отходят сваренные, пружинящие в основании железные планки, между которыми зажималась лучина. Длина планок 5,5 см, ширина — 0,5 см, толщина — 0,8 см. Верхние концы планок плавно переходят в завитки диаметром 1 см. Расстояние между планками в верхней части 1,2 см. Два других светца этого типа обнаружены при археологических раскопках в псковском кремле в 1978 г.³ Их размеры 14 и 16 см, ширина — 0,7 и 1 см. Они отличаются от первого короткими планками и более длинным и массивным черенком. На основе анализа керамического материала С. В. Белецкий датировал их XIII—XIV вв.⁴ Таким образом, можно предварительно датировать псковские светцы первого типа XIII — началом XV в. В новгородских материалах этот тип светцов относится к XIII в.⁵

В дальнейшем развитие светцов идет в направлении увеличения количества держателей.

Второй тип светцов — двухлучинный (рис. 1, 2). Технология их изготовления такая же, как и светцов первого типа: железные пластины, плотно сваренные у основания ковкой, отгибались, образуя пружинные держатели для лучины. В Пскове двухлучинных светцов обнаружено шесть. Один из них встречен в 1977 г. в раскопе на ул. Гоголя⁶. Его высота 10 см, ширина — 15,5 см, длина черенка 7 см, ширина черенка 1 см. Сверху, на границе с держателями, черенок имеет утолщение шириной 2 см, длиной 2,5 см. Длина железных планок держателей 7 см, ширина — 0,5 см, толщина — 0,7 см. Верхние концы планок переходят в завитки диаметром 0,7 см. В верхней части светца между держателя-

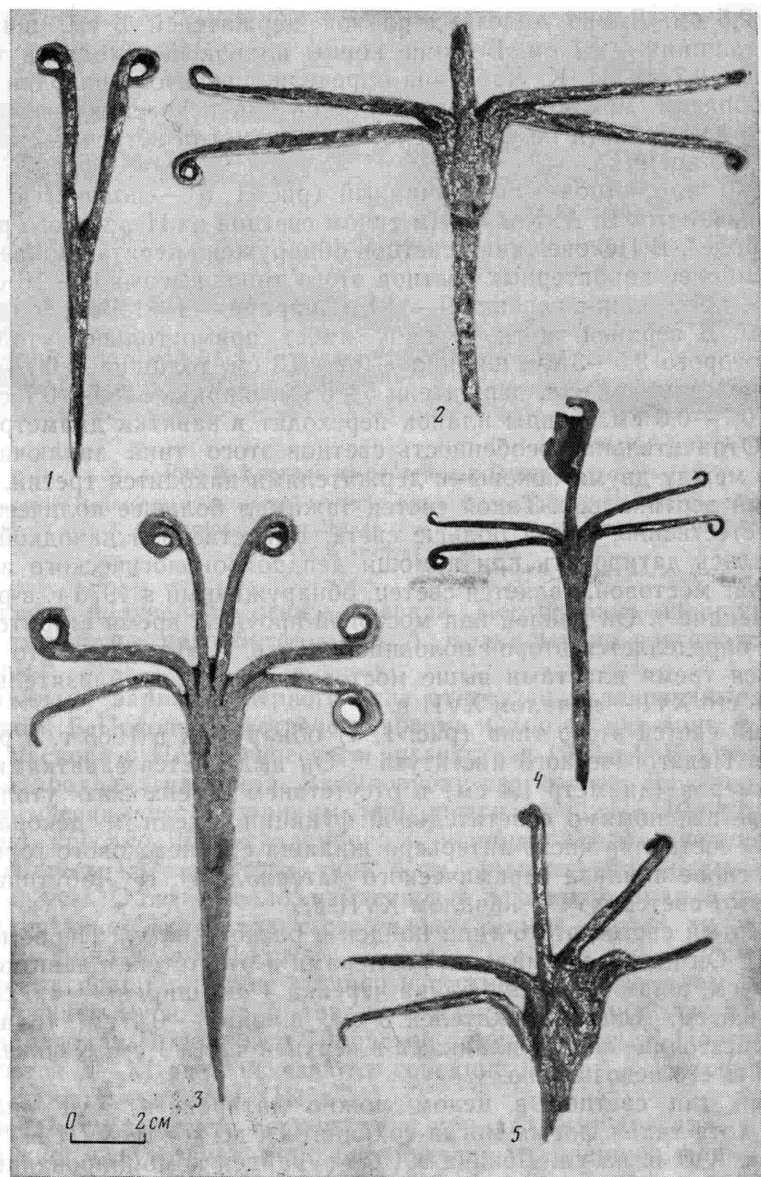

Рис. 1. Светцы из раскопок в Пскове

1, 5 — раскоп на ул. Первомайская: 1 — 1981, пласт 5, квадрат 192, № 584, 5 — 1981, пласт 2, квадрат 157, № 60; 2 — раскоп на ул. Гоголя (1977, пласт 10, квадрат 2, № 276); 3 — раскоп у Педагогического ин-та (1968, пласт 9, квадрат 110, № 120); 4 — раскоп на ул. Ленина (1976, пласт 7, квадрат 193, № 34)

ми лучины находится стержень, длина которого 2,5 см, ширина — 0,6 см, толщина — 0,7 см. На основе анализа керамического материала слой, где найден описываемый предмет, В. И. Кильдюшевский датировал концом XV—XVI в.

Подобный светец найден в Старой Ладогe и описан А. В. Никитиным⁷. Этот исследователь предполагал, что стержень, расположенный между держателями лучин у светцов аналогичного типа, служил для вбивания в стену или подставку. Второй светец этого типа обнаружен в Пскове в раскопе у здания Педагогического института в 1968 г.⁸ Его высота 9 см, ширина — 12 см, длина черенка 7 см, ширина — 1 см. Сверху, на границе с держателями, черенок имеет утолщение шириной 2 см,

длиной 2,5 см. Длина железных планок держателей 5 см, ширина — 0,5 см, толщина — 0,7 см. Верхние концы планок переходят в завитки диаметром 0,7 см. И. К. Лабутина определяет горизонт находки XVI в. Таким образом, можно датировать второй тип псковских светцов концом XV—XVI в., хотя не исключено, что они могли встречаться и в более позднее время.

Третий тип светцов — трехлучинный (рис. 1, 5) — полностью совпадает с описанным Б. А. Колчиным типом светцов из Неревского раскопа в Новгороде⁹. В Пскове таких светцов обнаружено девять. Приведу примеры наиболее характерных светцов этого типа: высота 13—16 см, ширина 10—13 см, длина черенка 9—11 см, ширина — 1—1,5 см, толщина — 0,8—1 см. В верхней части черенок имеет прямоугольное утолщение, длина которого 2,5—3 см, ширина — 0,2—0,3 см, толщина — 0,7—0,8 см. Длина железных планок держателя 5—6 см, ширина — 0,5—0,7 см, толщина — 0,7—0,8 см. Концы планок переходят в завитки диаметром 1—1,3 см. Отличительная особенность светцов этого типа заключается в том, что между двумя боковыми держателями находится третий, расположенный вертикально. Такой светец зажимал большее количество лучин и, естественно, давал больше света. Единственной находкой, которую удалось датировать при помощи дендрохронологического анализа спилов лаг мостовой, является светец, обнаруженный в 1976 г. в раскопе на ул. Ленина¹⁰. Он найден над мостовой проулка, время строительства которой определяется второй половиной XIV в.¹¹ Учитывая, что светец находился тремя пластами выше мостовой, можно приблизительно датировать его XVI — началом XVII в.

Третий светец этого типа (рис. 1, 3) обнаружен в 1968 г. в раскопе у здания Педагогического института¹². Он выделяется завитками больших размеров (диаметр 1,4 см) и отсутствием черенового утолщения. Такие светцы, помимо осветительной функции, имели и декоративное значение, составляя часть интерьера жилища средневекового горожанина. На основе анализа керамического материала И. К. Лабутина датировала этот светец XVI — началом XVII в.

Четвертый светец этого типа найден в раскопе на ул. Первомайская в 1978 г.¹³ Он интересен малыми размерами и отсутствием завитков. Его высота 7 см, ширина — 7 см, длина черенка 4 см, ширина — 1,5 см, толщина — 0,5 см. Длина держателей 3 см, ширина — 0,4 см, толщина — 0,5 см. Расстояние между планками в верхней части 1 см. К сожалению, датировать его невозможно.

Третий тип светцов в целом можно датировать XVI — началом XVII в., хотя такая форма могла сохраняться до конца XVII в.

В слое XVI в. на ул. Ленина в 1976 г. найден комбинированный железный светец (рис. 1, 4), представляющий собой гибрид светца с подсвечником¹⁴. Его высота 17 см, ширина — 12,5 см, длина черенка 11 см, ширина в верхней части — 1,5 см, толщина — 0,7 см. Длина боковых держателей 6 см, концы их переходят в завитки диаметром 0,8 см. Расстояние между планками держателей в верхней части 1,2 см. Особенность этого светца в том, что вместо третьего вертикального держателя у него имеется подсвечник, диаметр рожка которого 2 см. Подобный комбинированный светец-подсвечник найден в Старой Ладогe¹⁵.

На основе анализа данной коллекции можно проследить эволюцию железных светцов. С XIII по начало XV в. в Пскове единственным типом светцов были однолучинные. Затем у светцов появляются две лучины. Двухлучинные светцы употреблялись в конце XV—XVI в. В XVI — начале XVII в. пользовались трехлучинными светцами, которые не только давали больше света, но и имели декоративный характер. К XVI в. относится появление гибрида светца и подсвечника.

Таким образом, можно утверждать, что развитие светца шло по пути увеличения количества держателей, а следовательно, и света, получаемого от одного светца.

Вторая категория вещей, рассматриваемая здесь и непосредственно

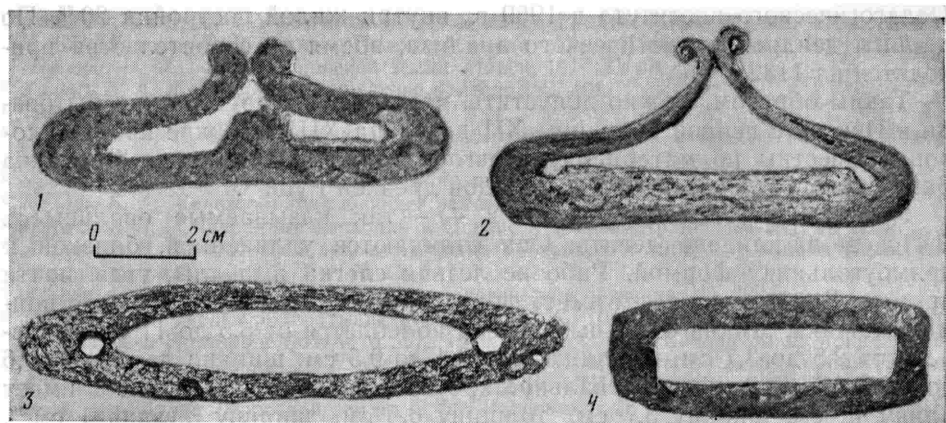

Рис. 2. Кресала из раскопок в Пскове

1, 3 — раскоп у Педагогического ин-та: 1 — 1970, пласт 16, квадрат 95, № 109, 3 — 1969, пласт 14, квадрат 40, № 257; 2, 4 — раскоп на ул. Ленина: 2 — 1976, пласт 14, квадрат 272, № 931, 4 — 1976, пласт 9, квадрат 76, № 283

связанная с получением огня, — кресала. Исследовано 28 находок на основе типологии, разработанной Б. А. Колчиным по новгородским материалам¹⁶.

К раннему варианту первого типа относятся калачевидные кресала с язычком. В Пскове их встречено восемь. Одно из них (рис. 2, 1) найдено в раскопе у Педагогического института в 1970 г.¹⁷ В 1 м от места находки проходил частокол. Время рубки его кольев, согласно дендрохронологическим исследованиям, приходится на 1191—1193 гг.¹⁸ Следовательно, кресало можно датировать концом XII в. Средняя длина калачевидных кресал этого типа 8 см, высота — 2,5—3 см, толщина лезвия 0,3 см. Одно кресало, найденное в псковском кремле, по размерам значительно превосходит остальные. Длина его 11 см, высота — 5,7 см, толщина лезвия 0,4 см.

Кресала подобного типа хорошо известны по материалам из памятников древней Руси. Они бытовали в Новгороде, Ярополче Залесском, Гродно, городах Полоцкой и Туровской земель¹⁹ и др. В Новгороде они датируются X—XI вв. и исчезают в середине XII в.²⁰ В Пскове они найдены в слоях X — начала XIII в.

К позднему варианту первого типа принадлежат кресала, у которых язычок либо отсутствует, либо приобретает удлиненную форму²¹. Края язычка почти соприкасаются с внутренней частью завитков и видны практически только при лабораторной очистке кресала. Лезвие становится прямым и более массивным.

В Пскове найдено восемь таких кресал. Средняя длина их 8,5 см, высота — 4 см, ширина лезвия 0,4 см. Одно кресало найдено в раскопе на ул. Ленина в 1976 г.²², около дворового настила. По данным дендрохронологических исследований плах этого настила, время его строительства 1307 г.²³ Следовательно, кресала позднего варианта первого типа бытовали в Пскове с начала XII до начала XIV в., тогда как в Новгороде они вышли из употребления уже в XIII в.²⁴

Кресала второго типа отличаются удлиненной овальной формой, заостренными концами, круглыми одинарными или двойными отверстиями по краям внутреннего овала (рис. 2, 3). Преимуществом кресал этого типа перед калачевидными являлись два лезвия, где рабочими были и верхняя, и нижняя грани. В Пскове таких кресал три. Типичные размеры: длина 11 см, ширина 2,5 см, толщина лезвия около 0,4 см. Интересна заготовка, найденная в 1975 г.²⁵ Ее длина 10,5 см, ширина — 3,2 см, толщина лезвия 0,5 см. Внутреннее овальное отверстие и круглые отверстия по краям отсутствуют. Кресало этого типа найдено в раскопе у

Педагогического института в 1969 г., внутри жилой постройки 20²⁶. По данным дендрохронологического анализа, время ее строительства приходится на 1132 г.²⁷

Таким образом, можно допустить, что кресала второго типа бытовали в Пскове с первой половины XII до конца XIII в. Такие кресала хорошо известны по материалам Новгорода, Старой Ладogi, Ярополча Залесского, Полоцка и других городов древней Руси²⁸.

Кресала третьего типа (рис. 2, 4) — так называемые овальные²⁹. В Пскове их найдено девять. Они отличаются удлиненой, близкой к прямоугольнику формой. Рабочие лезвия слегка выпуклы, углы почти прямые. Внутренний выем имеет форму овала, у некоторых — почти прямоугольника. Длина овальных кресал колеблется от 6,5 до 11 см, ширина — от 2,5 до 3,7 см, толщина — от 0,4 до 0,5 см, ширина лезвия от 0,6 до 1 см. Самое крупное овальное кресало, найденное в Пскове, имеет длину 11 см, ширину 3,7 см, толщину 0,5 см, ширину лезвия 1 см³⁰. Овальное кресало из раскопа у Педагогического института найдено внутри жилой постройки 40³¹. Время возведения ее относится к 1191 г.³² Еще одно овальное кресало обнаружено внутри жилой постройки 23³³. Время рубки сруба приходится на 1127 г.³⁴ Таким образом, можно утверждать, что овальные железные кресала вошли в употребление в Пскове в конце XII в., т. е. почти на столетие раньше, чем в Новгороде. В Новгороде они использовались с первой половины XIII до XV в.³⁵ Судя по псковским образцам, такая форма кресал продолжала жить и в XVI—XVII вв. Овальные кресала были широко распространены в древней Руси.

Развитие форм псковских кресал совпадает с предложенной Б. А. Колчиным типологией новгородских. Однако время возникновения и бытования тех или иных типов различны. Качевидные кресала с язычком бытовали в Пскове с X до начала XIII в. В начале XII в. в Пскове вошли в употребление качевидные кресала позднего варианта (по новгородской типологии), которые продолжали применяться до конца XIII в. Овальные двулезвийные кресала с отверстиями по краям использовались в Пскове с первой половины XII до начала XIV в. Овальные двулезвийные кресала вошли в употребление в конце XII в. и использовались вплоть до начала XVII в.

¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. М., 1959. № 65. С. 100.

² Кильдюшевский В. И. Отчет о раскопках в Пскове на Первомайской ул. в 1981 г.// Архив ИА. Р-1. № 8923.

³ Белецкий С. В. Отчет о раскопках в псковском кремле и в Печорском р-не Псковской обл. в июле-августе 1977 г.//Архив ИА. Р-1. № 7994.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 100.

⁶ Кильдюшевский В. И. Раскопки в Пскове на ул. Гоголя в 1977 г.//Архив ИА. Р-1. № 7321.

⁷ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв.//САИ. М., 1971. Вып. Е1-34. С. 43.

⁸ Лабутина И. К. Отчет о раскопках в Пскове у здания Педагогического ин-та в 1968 г.// Архив ИА. Р-1. № 3797.

⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 100.

¹⁰ Лабутина И. К. Раскопки в Пскове на ул. Ленина в 1976 г.//Архив ИА. Р-1. № 6855.

¹¹ Урьева А. Ф., Черных Н. Б. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопа Пскова//Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 221.

¹² Лабутина И. К. Отчет о раскопках...

¹³ Царькова Л. А. Раскопки в Пскове на ул. Первомайской в 1978 г.//Архив ИА. Р-1. № 8007.

¹⁴ Кильдюшевский В. И. Отчет о раскопках в Пскове на ул. Ленина в 1976 г.//Архив ИА. Р-1. № 6508.

¹⁵ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло... С. 43.

¹⁶ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 101.

¹⁷ Лабутина И. К. Отчет об археологических раскопках в Пскове у здания Педагогического ин-та в 1970 г.//Архив ИА. Р-1. № 4817.

¹⁸ Урьева А. Ф., Черных Н. Б. Дендрохронологическое изучение... С. 220.

¹⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 101; Седова М. В. Ярополч Залес-

- ский. М., 1978. С. 74; *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно//МИА. М.; Л., 1954. № 49. С. 67; *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 105; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 53.
- ²⁰ *Колчин Б. А.* Железобрабатывающее ремесло... С. 101.
- ²¹ Там же.
- ²² *Лабутина И. К.* Об охранных археологических раскопках в Пскове на ул. Ленина в 1976 г.//Архив ИА. Р-1. № 6855.
- ²³ *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрохронологическое изучение... С. 222.
- ²⁴ *Колчин Б. А.* Железобрабатывающее ремесло... С. 101. Рис. 84.
- ²⁵ *Царькова Л. А.* Охранные раскопки в Пскове в 1975 г.//Архив ИА. Р-1. № 5892.
- ²⁶ *Лабутина И. К.* Отчет об археологических раскопках в 1969 г. у здания Педагогического ин-та//Архив ИА. Р-1. № 4550.
- ²⁷ *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрохронологическое изучение... С. 220.
- ²⁸ *Колчин Б. А.* Железобрабатывающее ремесло... С. 101; *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде//МИА. М.; Л., 1949. № 11. С. 147; *Седова М. В.* Ярополч Залесский. С. 74; *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. С. 67; *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли... С. 105; *Он же.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 60; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. С. 53; *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. Л., 1948. С. 157.
- ²⁹ *Колчин Б. А.* Железобрабатывающее ремесло... С. 101.
- ³⁰ *Гроздилов Г. П.* Отчет о раскопках в Пскове в 1954 г.//Архив ИА. Р-1. № 982.
- ³¹ *Лабутина И. К.* Отчет о раскопках в Пскове у здания Педагогического ин-та в 1974 г.//Архив ИА. Р-1. № 5380.
- ³² *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрохронологическое изучение... С. 218.
- ³³ *Лабутина И. К.* Отчет об археологических раскопках в Пскове у здания Педагогического ин-та в 1970 г.
- ³⁴ *Урьева А. Ф., Черных Н. Б.* Дендрохронологическое изучение... С. 220.
- ³⁵ *Колчин Б. А.* Железобрабатывающее ремесло... С. 101.

Д. И. ФОНЯКОВ

ОБУВЬ И ДРУГИЕ КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК ТОРОПЦА

В Торопце найдено большое количество вещей из кожи. Хранящаяся в Эрмитаже коллекция из раскопок Торопецкого Малого городища — детинца древнерусского города — насчитывает 626 единиц¹. Она составила в результате работ Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской в 1960, 1961 и 1965 гг. (табл. 1), затронувших всю толщу трехметрового культурного слоя — все девять его строительных горизонтов. Последние

Таблица 1
Находки кожи в раскопках разных лет

Вид находки	1960 г.	1961 г.	1965 г.	Всего
Поршни	—	10	2	12
Туфли	—	28	7	35
Сапоги				
Головки	2	5	3	10
Задники	—	5	4	9
Голенища	1	8	4	13
Открытая обувь	—	—	2	2
Подшвы	1	78	26	105
Заплаты	—	10	3	13
Прочие изделия	—	8	2	10
Детали обуви	7	102	15	124
Отходы от раскроя	5	266	22	293
Итого:	16	520	90	626

Таблица 2
Находки кожи в горизонтах разного времени

Строительный горизонт	Дата	Поршни	Туфли	Головки	Задники	Голенища	Открытая обувь	Подошвы	Заплаты	Прочие изделия	Детали обуви	Отходы от раскроя
2	Вторая половина XIII в.	—	2	—	—	—	—	1	—	—	2	1
3	30-е годы XIII в.	2	1	2	1	2	—	24	1	1	62	203
4	90-е годы XII в.	6	14	2	3	5	—	23	7	3	24	33
5	60-е годы XII в.	3	5	3	4	4	—	44	2	5	15	40
6	40-е годы XII в.	1	8	2	1	1	—	8	2	—	18	14
7	20-е годы XII в.	—	5	—	—	1	—	4	1	—	3	2
8	Начало XII в.	—	—	1	—	—	2	1	—	—	—	—

датированы методами дендрохронологии². Поэтому большая часть находок может быть датирована довольно точно.

Культурный слой детинца насыщен кожаными вещами неравномерно (табл. 2): из древнейшего горизонта 9 происходит крайне незначительное число находок; в горизонтах 8 и 7 кожи немного, зато в горизонтах 6—3 насыщенность кожей культурного слоя высока. Постройки горизонта 2 погибли в пожаре. Это, по-видимому, обусловило почти полное отсутствие здесь кожаных вещей. В ближайшем к дневной поверхности горизонте 1 кожа не сохранилась.

Значительную часть коллекции составляют фрагменты кожаной обуви.

Поршни — наиболее примитивная обувь, изготовленная обычно из одного куска кожи. В Торопце встречены фрагменты поршней двух типов. Резные поршни делались из цельного куска кожи, в один слой, посредством нескольких сложных операций по раскрою, а затем сшивались кожаным ремешком³. Находки поршней этого типа датируются в Торопце 40—90-ми годами XII в. (рис., 3—6).

С 60-х годов XII в. до 30-х годов XIII в. употреблялись и более простые поршни из четырехугольного куска кожи, стянутого на носке и пятке ремешком. Иногда на эти поршни шли куски кожи, бывшие прежде частями других изделий. На ноге такие поршни крепились с помощью ременной продержки, иначе именуемой «оборами» (рис. 1—2).

Поршни, подобные торопецким, найдены и в других древнерусских городах. В Новгороде и Пскове они бытовали с XI в. в течение длительного времени⁴, в Полоцке — в течение краткого периода в XIII в.⁵

Два фрагмента цельнокроеной обуви еще одного вида найдены в слое начала XII в. (рис., 7). Это открытая обувь, сшитая из одного куска кожи так, что единственный шов проходил по осевой линии подошвы и пятки. На ноге обувь фиксировалась ремешками. Внешний вид можно представить себе, взглянув на пару, хранящуюся в Новгородском музее⁶. В Новгороде такая обувь бытовала с XI в.⁷ По материалам раскопок в Пскове она, как считает Е. И. Оятева, датируется XII—XIII вв.

Туфли — обувь свободного покроя с пришитой подошвой. Они закреплялись на ноге ремешком, пропущенным через ряд нарезок в воротничке. Фрагменты верха туфель постоянно встречаются в культурном слое детинца Торопца с отложений, датированных 20-ми годами XII в., до горизонта второй половины XIII в.

В Торопце носили туфли двух типов — с цельнокроеным верхом со швом сзади и со швом сбоку. Для второго типа применялась подошва с округлым носком и пяткой. Подошва туфель первого типа имела удлиненную пяточную часть, которая конструктивно входила в шов⁸. Второй тип туфель представлен в коллекции единственной находкой, которая датируется 60-ми годами XII в. Остальные 34 фрагмента относятся к туфлям первого типа.

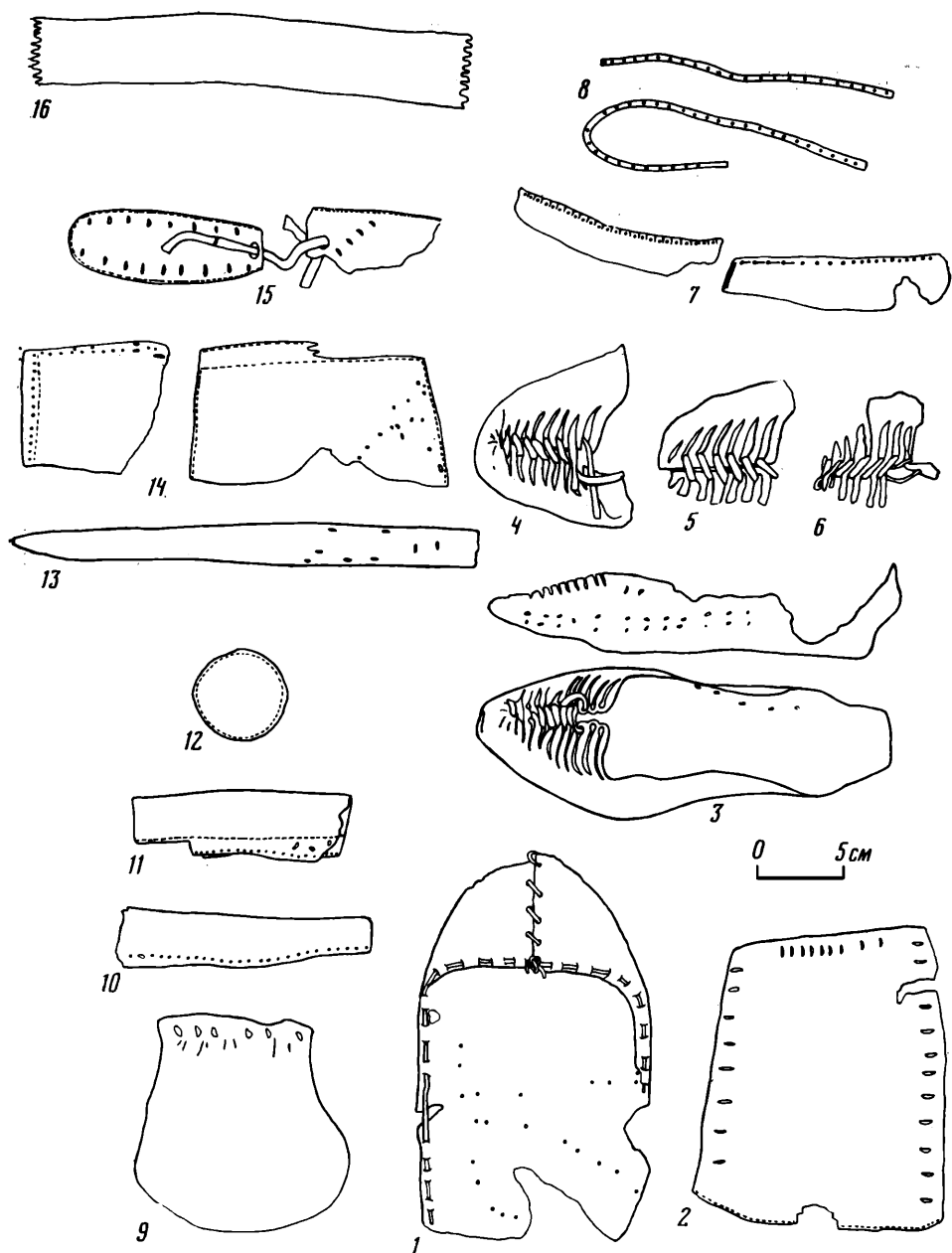

Рис. Поршни и кожаные изделия из раскопок Малого городища в Торопце (1—16)

Начиная со строительного горизонта 5 60-х годов XII в., встречаются фрагменты верха туфель, украшенные вышивкой. Наиболее распространенная композиция — прямоугольная прошта. Иногда ее контурные линии завершаются завитками. Есть примеры и более сложных орнаментов из завитков и переплетений. Как можно судить по уцелевшим кусочкам ниток, вышивали шерстью. Для вышивок первого вида употреблялся шов «гусем», для более сложных — шов «назад иголкой» или «веревочкой»⁹. Вышивки на туфлях Торопца находят аналогии в материалах Новгорода и Пскова¹⁰, но отличны от вышивок Полоцка¹¹.

В Торопце найдены различные детали сапог: фрагменты сапожных головок, голенищ и задников (табл. 2), причем во всех горизонтах с начала XII до 30-х годов XIII в. В древнерусских городах Северо-Запада в XI—XIII вв. носили сапоги двух видов — крупнодетальные с цельно-

тянутым передом и без задников или сшитые из большого числа деталей с задниками.

К первому виду в Торопце можно отнести разве только детский сапожок, голенище которого найдено в слое конца XII в. Зато второй вид представлен большим числом фрагментов — от детских сапожек высотой менее 10 см до мужских с высотой голенищ более 30 см. Этот вид сапог имел два варианта покроя задников — с вырезом для удлиненной задней части подошвы и с ровным краем, рассчитанным на подошву с округлой пяткой.

Задники первого варианта применялись в Торопце в течение второй половины XII в. В других древнерусских городах находки датируются различно. Например, в Новгороде сапоги или полусапожки с такими задниками носили с X в. в течение нескольких столетий, а в Пскове — в XI в.¹²

Второй вариант покроя сапожных задников представлен находками второй половины XII — первой половины XIII в. Так же датируется эта конструкция сапог по материалам Новгорода и Пскова.

Детали верха обуви шивались, как об этом можно судить по характеру проколов и следам ниток на коже, встык, тачным швом. Верх соединялся с подошвой выворотным швом различных видов¹³. Иногда для уплотнения такого шва в области носка шивались кожаные прокладки (рис., 8). По-видимому, это был распространенный прием, так как прокладки найдены в Торопце во множестве.

Подошвы и их фрагменты встречены во всех горизонтах от начала XII до второй половины XIII в. Подошвы были одинаковыми и у сапог, и у туфель, поэтому они рассматриваются все вместе.

На протяжении почти двух столетий в Торопце сосуществовали подошвы трех типов. Первый — с округлым носком и пяткой и слабовыделенной геленочной частью, второй — с приостренным носком и отчетливо обозначенной геленочной частью. Хорошо различаются подошвы правые и левые. Длина подошв первых двух типов 21—28 см. Они принадлежали мужской, женской и подростковой обуви. Подошвы третьего типа округлы настолько, что правая не отличима от левой. Эти подошвы имеют маленькие размеры и принадлежали детской обуви.

Подошвы бескаблучной обуви интенсивно изнашивались, и их часто чинили. В коллекции есть подошвы со следами пришивания аккуратно подкроенных кусочков кожи. Круглые заплатки на пятке пришивали нитками прямым швом. Иногда заменяли значительную часть подошвы. Для починки верха обуви кусочки кожи пришивали тонкими ремешками, так же латали и подошвенную часть поршней.

В XII—XIII вв. жители Торопца носили поршни, открытую обувь, туфли и сапоги. В первой половине XII в. это были открытая обувь, туфли второго типа и сапоги. Фрагменты сапог незначительны и тип неясен. В 40-х годах XII в. появляются резные поршни. В 60-х годах — простые поршни и сапоги с задниками без прорези. С этого времени встречаются детали сапог и туфель, которым должны соответствовать подошвы с удлиненной пяточной частью. Однако самих этих подошв в Торопце нет.

Вероятно, такие туфли и сапоги не относились к числу местных изделий и попадали в Торопец в ограниченном количестве. По-видимому, и вышитые туфли попадали в Торопец из других городов. К концу XII в. относится находка детского сапожка первого типа. Вероятно, к этому времени такой вариант покроя сапог применяли только для детской обуви. Обувь, употреблявшаяся в XII в., бытовала и в следующем столетии, за исключением цельнокроеной открытой.

Исторически сложившиеся типы обуви соответствуют родовым (племенным или семейным) формам. Поэтому однотипность обуви свидетельствует о родственном населении, тогда как разнотипность — показатель полиэтничности¹⁴. Можно предполагать, что уже в первой половине XII в. население Торопца не было однородным и включало по

Таблица 3

Находки фрагментов изделий из кожи в постройках различного назначения

Тип и № постройки	Горизонт	Поршни	Туфли	Сапоги	Открытая обувь	Подошвы	Заплаты	Прочие изделия	Детали обуви	Отходы от раскроя
Жилые										
39	8	—	—	1	2	1	—	—	—	—
36	7	—	3	—	—	1	—	—	2	2
35	6	—	—	3	—	3	1	—	—	4
29	5	2	2	1	—	5	—	1	1	6
22	4	—	5	1	—	1	1	—	5	5
20	4	—	—	2	—	2	—	—	5	4
Хлева										
28	5	—	—	2	—	2	1	1	4	7
26	5	—	—	2	—	—	—	—	—	—
26а	5	—	1	—	—	5	1	—	2	3
21	4	—	1	2	—	4	5	1	6	12
19	4	—	3	1	—	—	—	1	—	—
Кладовые и др.										
16	3	—	—	2	—	1	—	—	4	—
15	3	—	—	—	—	—	—	—	2	—

крайней мере три различные группы людей. В 40—60-х годах этого столетия этническая ситуация в городе усложнилась еще больше, что отразилось в появлении в обиходе новых типов обуви. В то же время в Торопце появилась группа жителей, носивших вышитые туфли. От остального населения, как считает Е. И. Оятева, эту группу отличало скорее всего более высокое социальное положение.

Кроме остатков обуви, в Торопце найдены и другие кожаные изделия. Кошелек грушевидной формы, сшитый выворотным швом из двух кусков кожи, датируется концом XII в. Кошелек затягивался вверху подобно кيسету ремешком или шнурком, продернутым через ряд прорезей (рис., 9). Аналогичные кошельки найдены во многих древнерусских городах.

Два экземпляра ножен происходят из горизонтов второй половины XII в. Ножны делали из одного куска кожи, который сгибали пополам, а затем прошивали тонким ремешком или шнурком. Иногда ближе к лезвию их прошивали еще и ниткой (рис., 10, 11). Такие же ножны без орнамента есть в коллекциях кожаных изделий из Старой Ладogi, Пскова, Новгорода, Полоцка и других городов Северо-Запада. Они встречаются часто и датируются широко.

Половина мяча найдена в слоях 60-х годов XII в. (рис., 12). Торопецкие мячи аналогичны новгородским, псковским и полоцким.

Часть кожаного ремня происходит из горизонта второй половины XIII в. Отверстия на ремне, возможно, были сделаны для прикрепления бляшек металлического набора. Пояс такой конструкции, украшенный бронзовыми сердцевидными бляшками, найден в мужском погребении городского курганного могильника.

Несколько фрагментов кожаных футляров невелики по размерам и лишены орнамента (рис., 14—16). Восстановить форму изделия невозможно.

Кожаные изделия, их фрагменты и отходы от раскроя найдены в раскопках детинца практически повсюду. Однако иногда наблюдалась их концентрация в пределах построек и примыкающих к ним настилов (табл. 3). В этих случаях можно строить предположения о занятиях людей, живших в постройке, сапожным или шорным ремеслом. Особенно правдоподобна такая гипотеза, когда в постройке наряду с готовыми изделиями и их фрагментами найдены отходы от раскроя кож. В жилищах 20, 22, 29, 35 и 36, по-видимому, как раз и занимались изготовлением изделий из кожи. Возможно, в летние месяцы эту деятельность пе-

реносили в хлева. Так, в примыкавших к жилищам 20 и 29 хлевах 21 и 28 найдены обрезки кожи и фрагменты кожаных вещей.

Изготовлением предметов из кожи в Торопце занимались далеко не в каждой постройке. Значит, производство обуви и других кожаных изделий в XII—XIII вв. уже вышло здесь за рамки домашних промыслов.

Производство кожаных вещей и в особенности обуви требовало кожи разных сортов. Древнерусские ремесленники владели технологией выделки высококачественной кожи¹⁵. Поршни, туфли и сапоги делали из дубленой кожи разной толщины¹⁶. Верх туфель, найденных при раскопках детинца Торопца, сделан из кожи толщиной 0,6—1,6 мм, верх сапог — из кожи толщиной 1—2,5 мм. На подошвы шла толстая кожа — 2,5 мм и больше. Можно допустить существование в Торопце ремесла по выделке кож. В позднее время Торопец был широко известен своей кожевенной промышленностью¹⁷. В 1938 г. раскопками Н. П. Милонова вскрыто сооружение, которое определено им как производственный комплекс по обработке кожи. В отчете он описан так: «Обнаружено толстое бревно с двумя вырезами с двух сторон. Это бревно было прижато плахами около выемок, на бревне лежали клинья и камни, а на поверхности бревна под доской зажата кожа. Здесь же были найдены остатки кожаной обуви и различные обрезки кожи. Несомненно, что все отмеченные приспособления в целом составляли сыромятный постав для выдела кожи, для вытягивания сыромятной кожи на бревне и для разглаживания ее»¹⁸. Приложенный к отчету весьма несовершенный рисунок не дает возможности разобраться в конструкции приспособления. Однако видно, что оно ничем не напоминает известные средневековые устройства для обработки кожи¹⁹. Тем не менее нельзя безоговорочно отказаться от интерпретации очевидца.

¹ Учтены также фрагменты кожаной обуви из шурфа 1956 г. См.: *Раппопорт П. А.* Изучение крепостей, произведенное отрядом Средне-Русской археологической экспедиции 1956 г. // КСИИМК. М., 1959. Вып. 74. С. 87. 88.

² *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 111, 112.

³ *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 80. Благодарю Е. И. Оятеву за помощь в определении изделий.

⁴ *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65. Табл. 3; *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия... С. 40—91.

⁵ *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 79.

⁶ *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел... Рис. 7, 1.

⁷ Там же. Табл. 3.

⁸ *Оятева Е. И.* Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 199; *Она же.* Обувь и другие кожаные изделия... Рис. 1, 4, 5.

⁹ *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия... С. 81.

¹⁰ *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел... Рис. 4, 3, 8; *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия... Рис. 3, 2, 7; 4, 7.

¹¹ *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк... Рис. 36; 37.

¹² *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел... С. 207. Рис. 5, 2, 4; *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия... С. 87.

¹³ *Оятева Е. И.* К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Л., 1973. Вып. 15. Рис. 2.

¹⁴ *Оятева Е. И.* О семантике ритуального башмака // АСГЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 86—92.

¹⁵ *Штыхов Г. В.* Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. 1963. № 4. С. 240—246.

¹⁶ *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 43.

¹⁷ *Селиванов А. Ф.* Торопец // Энцикл. словарь Брокгауз, Ефрон. СПб., 1901. Т. 66. С. 641, 742.

¹⁸ *Милонов Н. П.* Отчет об археологических работах в г. Торопце в 1938 г. // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 1. № 45. Л. 19.

¹⁹ *Wiklak H.* Obuvi gdański w X—XIII wieku // *Gdańsk wczesnośredniowieczny.* Gdańsk, 1963. Т. 3.

ГОРОДИЩЕ ЛАДИНО

В 1982 г. в Новоржевском р-не Псковской обл., в 1 км от с. Ладино, обнаружено городище. Оно расположено на высоком холме с крутыми склонами. С трех сторон — севера, запада и юга — к городищу примыкают овраги. Площадка городища, имеющая округлую форму размерами 40×35 м, соответствует конфигурации холма (рис.).

У подножия холма по его периметру проходит ров. Второй ров опоясывает холм примерно на середине высоты. Рвы имеют глубину 3—6 м при ширине 6—10 м. Высота городища над уровнем оврага с южной стороны приблизительно 30 м, а с других сторон — около 20—25 м. Подъемный материал на городище обнаружить не удалось. Склоны холма и площадка покрыты лесом и кустарником. Въезд на площадку ведет с юга.

У самого подножия городища с северо-востока к западу по дну глубокого оврага проходит широкая ползаросшая дорога. У дороги, приблизительно в 30 м от городища, имеется родник, а за ним расположено топкое болото. По преданию, эта дорога соединяла псковские пригороды Заволочье, Коложе и Воронич. Известно, что войско Стефана Батория в 1581 г. шло из Заволочья на Псков не через Опочку, а через

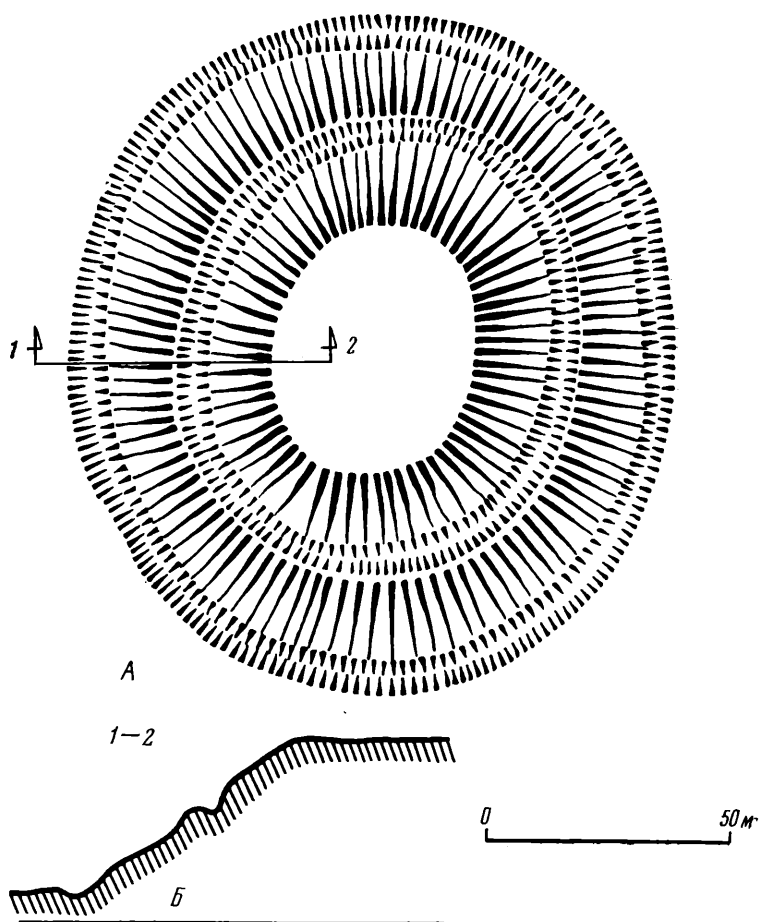

Рис. Городище Ладино

А — план; Б — разрез

погост Камено, Крулихино, Терebene, Святые горы и Воронич¹. По-видимому, польско-литовское войско проходило через Ладино, так как путь от Камено лежал через это село.

В окрестностях с. Ладино имеется группа курганов, свидетельствующая о существовании здесь славянского поселения. Возможно, описываемое городище служило убежищем для окрестных жителей.

¹ *Софийский Л.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912. С. 34, 185; *Пиотровский Ст.* Дневник последнего похода Батория на Россию. Псков, 1882. С. 57—59, 207.

О. В. ОВСЯННИКОВ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ «ГОРОД» XVI—XVII вв.

Основание Архангельска — «государевой корабельной пристани» — имело важное экономическое, политическое и, несомненно, военное значение в истории Русского государства того времени. Двинская летопись относит основание крепости Михаила Архангела к 1584 г.: «Приехали с Москвы на Двину воеводы Петр Афанасьевич Нащокин да Залешенин Никифоров сын Волохов и Архангельский город деревянный поставили одним годом на Пур-наволоке над Двиною рекою»¹. Имеется и другая дата основания города — 1583 г.² Наиболее ранний (4 марта 1583 г.) известный документ о строительстве Архангельского города — грамота Петру Нащокину и Залешенину Волохову, свидетельствующая, что этому документу предшествовало еще несколько грамот («И как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делати на том месте и по той мере, по росписи и чертежу, какову есть роспись и чертеж к нам при-слали, наспех, теми посошными людьми, которые посоху к тому городо-вому делу есмя указали») ³.

Писцовые книги Двины письма 1587—1589 гг. князя Василия Звенигородского и письма 1611 г. Алексея Загряжского не дошли до нас. Тем большую ценность представляет описание Архангельского города 1622—1624 гг. письма Мирона Вельяминова. Это отметил еще С. Ф. Огородников, опубликовавший (с некоторыми неточностями) краткие выдержки из этих книг⁴. Писцовые книги 1622—1624 гг. фиксируют на Пур-наволоке такую градостроительную ситуацию, которая окажет неизгладимое влияние на всю последующую строительную историю этой части Архангельска. Центральное место на Пур-наволоке занимал кремль — деревянный город, внутри которого находились Михаило-Архангельский монастырь, съезжая изба, пять житниц, тюрьма, зелейный и воеводский дворы, 100 избушек и 11 амбаров, поставленных «для осадного времени». В монастыре были церковь Архистратига Михаила, «древяна, ... о девяти верхах», с приделами мученика Мины и Борисоглебским, и церковь Покрова Пречистой Богородицы, с трапезой. У них была общая звонница — «на колокольнице четыре колокола и з благовестником»⁵. У кремля, выше по течению Двины, стояла церковь Преображения, с трапезой и приделом Николы Чудотворца. Ниже по Двине, с северной стороны кремля, стояли деревянные церкви Воскресенская и Великомученицы Параскевы Пятницы («Клецки с трапезою»). Ниже кремля по течению Двины находилось торговое «сердце» поселения: «дворы Государевы Гостиные на приезд русским и немецким гостям и торговым людям». На Русском гостином дворе стояли 84 амбара, 22 лавки, сарай, на Немецком — 85 амбаров. На посаде, ниже гостиных дворов, располагались лавки архангельских жильцов и холмогорцев⁶.

Описание 1622—1624 г. в полной мере воссоздает облик деревянного «города» конца XVI в. За прошедшие годы в нем велись лишь ремонтные работы. Оборонительный комплекс состоял из двух элементов: «острог стоячей на иглах» и собственно деревянный рубленый «город» («рубленый в две стены, мазан глиной», «а городен у города 204 городни») ⁷. Ф. Ласковский считал, что городни — всегда отдельные срубы, примыкавшие друг к другу, но для конца XVI—XVII в. городни — скорее звено рубленой стены ⁸.

Появление во второй половине XV в. принципиально новой схемы оборонительных сооружений, меньше связанных с рельефом местности и имевших геометрически правильную в плане форму (четыреугольник, пятиугольник), определялось развитием новой тактики обороны крепости, полностью основанной на применении огнестрельного оружия ⁹. Первый Архангельский «город» имел в плане вид четырехугольника (об этом свидетельствуют размеры его прясел: стена города по берегу Двины тянулась на 117 сажен, противоположная ей стена с напольной стороны — на 118 сажен; две другие стороны крепости, в которых располагались Воскресенские и Архангельские ворота, — соответственно 76 и 73 сажени). Расположение проезжих ворот в коротких пряслах было рационально. Со стороны Двины в длинном прясле располагались водяные Покровские ворота. В описании Архангельского «города» у Архангельской и Воскресенской воротных башен указаны «быки» (деревяно-земляные платформы типа бастионов) для усиления обороноспособности воротных башен ¹⁰. Вот перечень семи башен кремля: Воскресенская и Архангельская (воротные), Вознесенская, Северная, Спасская, Рождественская — угловые и Покровские водяные ворота. Перед острогом стоял тын, около рва — надолбы. Вдоль берега Двины от Вознесенской до Спасской угловых башен был «для осыпи рублен обруб в 5 стен, а мера 128 сажен».

В пожар 1637 г. «згорели в городе церкви, и кельи и воевоцкой двор и полгорода от Двины реки. И после пожару город построен по-прежнему, а монастырь Архангельской поставлен за городом над Двиною же рекою в Нячарях, от городу за версту» ¹¹. Первоначально по грамоте 1638 г. «велено Архангелскому монастырю пониже Архангелского города и пониже церкви Успения Пресвятой Богородицы от дальново Бору на горе Кузнечихи строить, для того что то место по сыску лежит впусе и не отдано никому и оброку с него никто не платит и в писцовых книгах не написано» ¹². Еще в 1636 г. пришла на Двину государева грамота, «что в городе Архангелского монастырю для утеснения и по челобитью двинских земских старост быть не велено, и бил челом государю, царю великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси архангелской прошлой игумен Павел о том месте, что пониже города от Кузнечихи», но оказалось, что «место Кузнечиха тяглое и оброчное и под монастырь то место не годное и городовых посадских людей скотинная пастба» ¹³. Последовал указ «Архангелского монастыря черному попу Метфею з братею Архангелский монастырь и храмы строить на новом месте выше города в Нячеры, да к тому монастырю пустого места по их же челобитью под конюшенной и под коровой и под служни дворы и на огороды лес розчистить и пашня распахать против того и сколько было места на Кузнечихи дано» ¹⁴.

Забота о повышении обороноспособности Архангельского «города», о безопасности северного торгового порта красной нитью проходит через документы на протяжении всего XVII в. Вот один из любопытных проектов: в 1646 г. на Двину поступил запрос, можно ли построить в Березовском устье Северной Двины каменные башни по берегам, чтобы запереть цепями этот судоходный рукав реки ¹⁵. Велено было «сметать подлинно: сколько на те башни камни бутового и белого, и кирпичю и извести, и на связи железа, и на сваи лесу и на кровлю тех башен тесу, на цепи железа ж надобно?» Предполагаемый проект поражает грандиозностью. Ответ «с Двины» отражал положение дел: некому было составить и смету, так как не знали, сколько надо строительных материалов: «не ведают

потому, что у Архангельского города и в низовских волостях каменщиков и кузнецов больших нет, и каменного дела никто не делывал». Кроме того, из Поморья ответили, что укрепить каменные башни на песчаных низких берегах двинских проток против ледохода «не мочно». Так проект, родившийся в недрах Посольского приказа, был там же и похоронен. Тем не менее идея создания в двинских устьях целой системы оборонительных сооружений казалась многим не только реальным, но и крайне необходимым делом. В 1658 г. в докладной выписке о производстве торговли в Архангельске Васька Шорин «с товарищи» предложил провести ряд мероприятий, направленных на обеспечение Архангельской «корабельной пристани» от внезапного вторжения военных кораблей, на установление строгой регламентации в жизни русского морского порта-крепости («а для крепости надобно на Двинском устье устроить надолбы наплавные, и сомкнуть чепми железными и поставить на якорях, а у тех надолб, чтоб великий государь указать быть для обережения на караулах сотникам стрелецким и стрельцом с пушками по тех мест»¹⁶.

В пожар 1637 г. сгорела значительная часть крепости, но была восстановлена. В 1647 г. появилось первое в Архангельском кремле каменное здание — пороховая палатка¹⁷. Пожар 1667 г. уничтожил деревянную крепость, торговые помещения и посадские строения¹⁸. Двинский летописец дает детальную картину: «О пожаре. Во 175-м году мая в 16 день, в Вознесенев день учинился у Архангельского города пожар, а загорелось в мясном ряду в пустом анбаре. И от того пожару мясной ряд, и торговая баня, и немецкие двory, и гостинные двory русские и немецкие, и таможня и церкви, которые стояли на нижнюю сторону города близь гостинных дворов, и русских людей анбары и лавки все погорели без остатка»¹⁹. Пур-наволоку опять становится строительной площадкой — в 1668 г. «начаты делать гостинные двory и город каменной на прежнем месте»²⁰. В 1667 г. был учинен чертеж «как у Архангельского города размер и основание торговых промыслов товарного склада, и Немецким приезжим дворам, так же и городу и слободам стрелецким, и всех жилецких людей домом, чтоб со всяким добром и пристойном устройением как городской крепости, так и гостинным и жилецким дворам безопасно и острожно устроенным быти»²¹. Строительство по «учиненному чертежу»²² каменных построек затянулось, и начали строить к летней городской ярмарке «на городских порожних местах, сто пятьдесят четьре саженьных дощатых анбаров»²³.

Важно, что чертеж 1667 г. сохранил традиционную планировку Пур-наволока, существовавшую до пожара, — каменные гостинные двory ставились на месте сгоревших деревянных. Новый деревянный острог ставился также на прежнем месте после пожара 1670 г.

Основной объем строительных работ на Пур-наволоке — каменный город и каменные гостинные двory, но в качестве временной меры возводятся дерево-земляные укрепления. Строительные работы закончили к январю 1672 г.²⁴ Было сделано: 361 трехаршинная сажень острожной стены высотой 3 сажени, «и около острогу тарасы и обломы сделаны и положены, и мосты намощены и бойницы учинены, да еще поставлены 9 восьмигранных башен, . . . и в том числе у двух башен двое ворот проезжих, длиною и шириною по девяти сажень башня»²⁵. Оставалось доделать 34 сажени острожной стены и покрыть башни, воеводский двор, житницы, перед укреплением на берегу возвести обруб. Двинский Росписной список 1683 г. содержит описание пушечного наряда в башнях и перечисляет название семи башен, только Вознесенская и Архангельская воротные сохранили прежние названия²⁶. Росписной список Архангельского и Холмогорского городов 1688 г. почти полностью повторяет документ 1683 г. Можно отметить лишь несколько новых построек — «съезжая изба о трех житъех на анбаре и двое сени с крыльцами», «да против города и против житниц на берегу построено нового обрубу в длину 160 сажень»²⁷. Важно, что Росписной список дает возможность судить о планировке острога, построенного в 1672 г.: это по-прежнему четырехуголь-

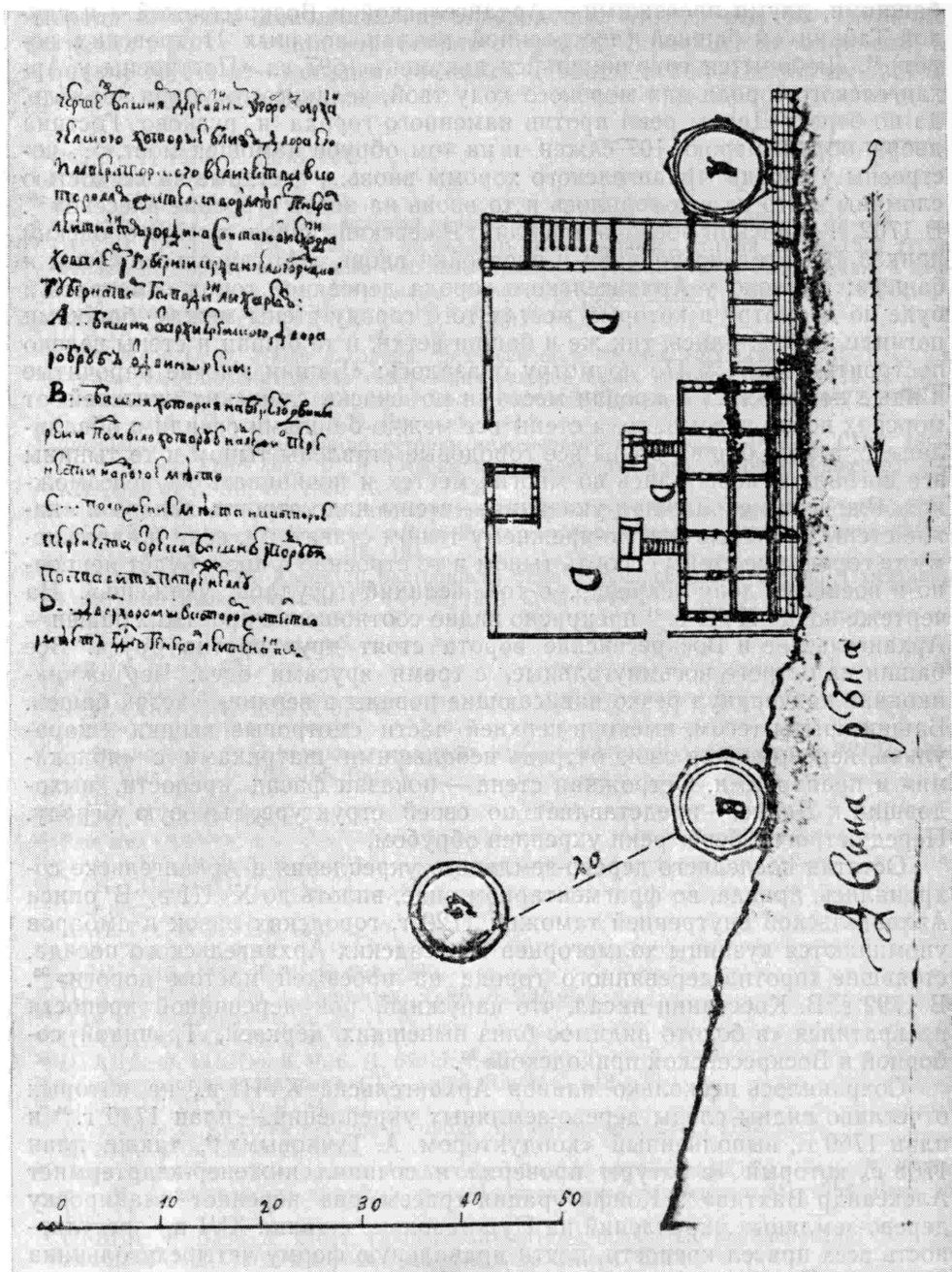

Рис. План 1728 г. губернаторского дома и башен деревянного города, с проектом переноса башни («Чертеж башням деревянным у города Архангельского, которые близ двора его Императорского величества, в котором жительство имеет генерал-лейтенант губернатор Господин Лихаревъ»)

А — башня Архангельского двора и обруб от Двины-реки; В — башня, которую «на берегу Двины-реки подмыло, которую надлежит перенести на другое место»; С — положение места, на которое «перенести от реки башню и, подрубя, поставить по-прежнему»; D — дворовые хоромы, в которых «жительство имеет Господин генерал-лейтенант»

ная крепость регулярной планировки с четырьмя угловыми глухими башнями, двумя проезжими — Архангельской и Воскресенской — и глухой Тайницкой башней (построенной взамен водяных Покровских ворот)²⁸. Любопытен сохранившийся документ 1697 г.: «Построены у Архангельского города для морского ходу твой, великого государя корабль, да по берегу Двины реки против каменного города и русково Гостиного двора обруб мерою 107 сажень и на том обрубке намощен мост, ... построены у города Архангельского хоромы вновь..., а старые за ветхостью сломаны и что из них годилось и то вновь на новое строение внесено»²⁹. В 1702 г. двинский воевода Василий Ржевский писал в Новгородский приказ «касательно починки и постройки вновь в Архангельске стены и башен»: «Велено у Архангельского города деревянной город осмотреть и буде по досмотру в которых местах того городу стены между башнями погнили и обвалились, так же и башни ветхи, и те башни и стены велено построить вновь»³⁰. По досмотру оказалось: «Башни многие нарочитые и иные пошатались и кровли местами по скаске двинских жителей от морских погод посрывало, а стены все между башнями огнили и обвалились, ... а меж башни стены все городовые ставлены тыном и те тынины все погнили и повалились во многих местех и починивать их невозможно». Ржевский спрашивал указания — стены надо строить заново и «какие стены рубленные или по-прежнему тыном ставить; и, если по-прежнему те городовые стены строить тыном и то строение в преж будет непрочное и военному делу некрепко, о том великий государь, укажешь». На чертеже конца XVII в.³¹ прекрасно видно соотношение проезжих башен — Архангельские и Воскресенские ворота стоят друг против друга. Все башни на остроге восьмиугольные, с тремя ярусами боев. Чертежник-иконник подчеркнул резко нависающие повалы в верхних частях башен. Башни крыты тесом, имеют в верхней части смотровые вышки — караульни, перекрытые в свою очередь небольшими шатриками с «яблоками» и прапорцами. Острожная стена — показан фасад крепости, выходящий к Двине, — представляет по своей структуре тыновую ограду. Перед острогом берег реки укреплен обрубом.

Остатки последнего дерево-земляного укрепления в Архангельске сохранялись, правда, во фрагментарном виде, вплоть до XVIII в. В описи Архангельской внутренней таможни 1729 г. городских лавок и амбаров упоминаются кузницы холмогорцев и посадских Архангельского посада, стоящие «против деревянного города на проезжей мостом дороги»³². В 1792 г. В. Крестинин писал, что наружный ров деревянной крепости превратился «в болото видимое близ нынешних церквей, Троицкой соборной и Воскресенской приходской»³³.

Сохранилось несколько планов Архангельска XVIII в., на которых отчетливо видны следы дерево-земляных укреплений, — план 1740 г.³⁴ и план 1760 г., выполненный «кондуктором А. Тучковым»³⁵, также план 1768 г., который «с натуры проверял и сочинил инженер-квартирмейстер Александр Вахтин»³⁶. Конфигурация трассы рва передает планировку дерево-земляных укреплений на Пур-наволоке с конца XVI в. — регулярность всех прясел крепости, почти правильную форму четырехугольника ее плана. На плане отчетливо видна «башня деревянного старого города», находившаяся близ «двора государева, где жительство имеют губернаторы», другая башня находится недалеко от северного фасада деревянной церкви Покрова. Однако место последней башни — не первоначальное, сюда она была перенесена в 1728 г. в связи с активным разрушением берега и угрозой подмыва башни рекой (рис.)³⁷. На рисунках Атласа Архангельской губернии 1797 г. на берегу Двины уже нет ни одной башни бывшего деревянного города, и только отчетливо видны одни рвы, выходящие в обрыв реки³⁸.

Таким образом, объем военно-оборонительных мероприятий на Пур-наволоке с 80-х годов XVI в. значителен. К концу XVII столетия «государева корабельная пристань» обладала мощным военным потенциалом: на берегу стояли деревянный девятибашенный острог и каменный комп-

лекс — гостиные дворы с каменным «городом». В 1675 г. Архангельский «город» получил дополнительные передовые укрепления на двинских островах в устье — «для корабельного приходу 3 роската деревянные», а в начале XVIII в. — мощные бастионы Новодвинской Петропавловской крепости на Малой Двинке.

¹ ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 169.

² БАН. 45.6.8. Л. 127.

³ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 380.

⁴ Огородников С. Ф. Очерки истории города Архангельска. СПб., 1880. С. 49—53.

⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 11 об.—13. В сохранившейся сотной 1552—1554 гг. в монастыре наряду с церковью Михаила Архангела упомянута не Покровская, а церковь Ильи Пророка. См.: Материалы по истории Европейского Севера СССР//Северный археологический сб. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 205.

⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 32 об.—34.

⁷ Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971. С. 23, 24; *Он же*. Оборонительные сооружения северорусских городов XVI—XVII вв.: Архангельск, Каргополь, Холмогоры. Сольвычегодск//Летопись Севера. М., 1972. Вып. 6. С. 211—216; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 1—14.

⁸ Ласковский Ф. Материалы по истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. Ч. 1. С. 83; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.//МИА. М.; Л., 1956. № 52. С. 123.

⁹ Раппопорт П. А. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества//СА. 1960. № 2. С. 56—62; Косточкин В. В. Русское оборонительное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962. С. 183, 184.

¹⁰ Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России//Памятники культуры: Новые открытия 1978 г. М., 1979. С. 471—499.

¹¹ ПСРЛ. Т. 33. С. 153.

¹² БАН. Д-618. Л. 111—111 об.

¹³ Там же. Л. 111 об.

¹⁴ Там же. Л. 112.

¹⁵ ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 61—63.

¹⁶ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. № 52.

¹⁷ Овсянников С. В. О каменных палатках XVII в. в северорусских городах//КСИА. М., 1976. Вып. 148. С. 105, 106. Рис. 1.

¹⁸ ДАИ. Т. 2. С. 113.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 33. С. 156.

²⁰ Там же.

²¹ ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 284.

²² ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 33.

²³ Там же.

²⁴ ДАИ. Т. 4. С. 36, 115, 130.

²⁵ ДАИ. Т. 6. С. 130.

²⁶ ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 298—300.

²⁷ ЦГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 86. Л. 607 об.

²⁸ Там же. Архангельск. Д. 29. Л. 5.

²⁹ ЦГАДА. Ф. 141. Оп. 7. Ч. 9. Л. 1.

³⁰ ЦГАДА. Ф. 141. Оп. 8. Ч. 6. Д. 52. Л. 1, 2.

³¹ Сб. Археологического ин-та. СПб., 1880. Кн. 4. С. 118.

³² Архив ЛОИИ. Ф. 1. Д. 644. Л. 17.

³³ Крестинин В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. С. 3.

³⁴ ЦГВИА. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1682.

³⁵ План хранится в Гос. архиве Архангельской обл., опубликован. См.: Гемп К., Кибирев М. Архангельский гостиный двор//Архитектурное наследство. М., 1958. Вып. 10. Рис. 11.

³⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21644. Прорисовка чертежа полностью опубликована. См.: Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. С. 28.

³⁷ Гос. архив Архангельской обл. Ф. 1. Д. 159. Л. 1—15.

³⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18588. Ч. II. Л. 22.

ХРОНИКА

Н. А. МАКАРОВ

ОТДЕЛ СЛАВЯНО-РУССКОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ в 1985—1986 гг.

В 1985—1986 гг. отдел славяно-русской и средневековой археологии вел исследования по следующим основным направлениям: а) этногенез и этническая история славян и их соседей — балтских, финно-угорских, тюркских и иранских народов; б) становление и развитие феодализма на Руси и в соседних землях; в) происхождение, история и культура древнерусского города; г) формирование и развитие древнерусской культуры.

Тема славянского этногенеза плодотворно разрабатывается И. П. Русановой. Она закончила в 1986 г. редактирование тома Археологии СССР «Славяне и их соседи», где является автором ряда разделов, в том числе обобщающей заключительной главы. Этнической историей славян занимаются также молодые сотрудники отдела — А. М. Обломский, работающий над темой «Поздnezарубинецкие памятники и памятники киевского типа в районе водораздела Днепра и Дона», и А. В. Кропоткин, изучающий археологические памятники северо-восточной периферии черняховской культуры.

С темой финно-угорского этногенеза связана работа А. Е. Леонтьева «Поповское городище», завершенная в 1986 г. Исследование посвящено одному из средневековых памятников Костромского края. Раскопки дали важный материал для характеристики культуры финно-угорского населения Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э. Этнические процессы на севере Руси рассматриваются в работе Н. А. Макарова «Население Русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам погребальных памятников восточного Прионежья», законченной в 1986 г. Систематизировав обширный археологический материал, полученный в результате исследований Онежско-Сухонской экспедиции, Н. А. Макаров предпринял попытку реконструировать историю формирования населения в одном из регионов Русского Севера в начале II тысячелетия н. э., оценить роль славянского и финно-угорского этнических компонентов в этом процессе.

Активно ведется в отделе изучение этнической истории тюркских и иранских народов. С этой проблематикой связаны научные интересы С. А. Плетневой, В. С. Флерова, И. Л. Кызласова и А. Г. Атавина. В 1985 г. С. А. Плетнева завершила работу над плановой темой «Дмитриевский археологический комплекс VIII—IX вв.» В результате раскопок Дмитриевского комплекса, состоящего из городища, укрепленного белокаменными стенами, трех селищ и могильника, получен большой материал, дающий возможность изучить многие стороны материальной и духовной культуры населения, обитавшего в бассейне Дона в VIII—IX вв. Фактически впервые создана типология богатейшего вещевого комплекса и на ее основе разработана относительная хронология Дмитриевского могильника и всей салтово-маяцкой культуры в целом. Подробно рас-

смотрен сложный погребальный обряд. Удалось выяснить характер общественных отношений населения, деление его на большие семьи, отличающиеся друг от друга экономически и, очевидно, социально. Памятникам древнетюркской рунической письменности посвящена плановая тема И. Л. Кызласова «Маяцкие надписи: Руническая письменность Восточной Европы и Северной Азии», завершенная в 1986 г. В работе систематизируются рунические надписи из различных пунктов Восточной Европы и Азии, выявляются их палеографические особенности.

Значительно оживилось в последние годы изучение становления и развития феодализма на Руси. В рамках этого направления работают В. А. Буров, поставивший перед собой задачу детально проанализировать социальные и поземельные отношения в одной из волостей Новгородской земли; А. А. Юшко, изучающая феодальное землевладение Московской земли XIV в.; С. С. Ширинский, плановая тема которого «Курганы Смоленщины IX—X вв.» Общественные отношения у восточных славян в средневековье исследовал Б. А. Тимошук, труд которого «Восточнославянская община VI—X вв.: По археологическим материалам Украинского Прикарпатья» завершен в 1985 г. На основании археологических материалов, полученных при раскопках 35 гнезд поселений, Б. А. Тимошук выделяет три стадияльных типа восточнославянской общины периода перехода от первобытности к классовому обществу: большесемейную общину VI—VII вв., земледельческую (большесемейно-соседскую) VIII—IX вв. и соседскую раннефеодальную X—XI вв. Изучена структура всех типов и разновидностей общин.

Большое внимание уделяет отдел вопросам истории и культуры древнерусского города. Изучение Суздаля X—XV вв. ведет М. В. Седова. Темой работы ныне безвременно скончавшейся Д. А. Беленькой была «Торговля Москвы XII—начала XVI в.: По материалам Великого Посада». С этой же проблематикой связана плановая тема молодого специалиста по археологии Новгорода П. Г. Гайдукова — «Нутный раскоп». В 1986 г. завершена плановая тема Т. Н. Никольской «Древнерусский город Серенск». В работе исследуется процесс становления одного из городов земли вятичей. Основой послужили материалы многолетних раскопок Верхнеокской экспедиции в Серенске, позволяющие подробно охарактеризовать домостроительство города, его оборонительные сооружения, развитие ремесел, торговые связи. Ведется также изучение культуры городов Волжской Болгарии и Золотой Орды. Тема «Полудрагоценные камни и янтарь в украшениях Болгара и Золотой Орды» разрабатывается М. Д. Полубояриновой.

Большое место в работе отдела занимает изучение различных аспектов древнерусской культуры и средневековой культуры в целом. Обобщающим исследованием, отражающим сегодняшний уровень наших знаний о культуре древней Руси, является том Археологии СССР «Древняя Русь: Быт и культура», подготовленный к печати. Редакторами тома были Б. А. Колчин и Т. И. Макарова, на завершающей стадии редактирование осуществлялось Т. И. Макаровой, она же является автором вводного и заключительного разделов. Отдельные главы и разделы тома написаны сотрудниками отдела Д. А. Беленькой, А. А. Медынцевой, М. Д. Полубояриновой, М. А. Сабуровой, М. В. Седовой. В 1985—1986 гг. завершен ряд крупных исследований по средневековой культуре. Г. К. Вагнер закончил тему «Функциональная типология памятников древнерусского зодчества». Цель работы — создание типологии древнерусской архитектуры с момента ее возникновения до XVII в. Созданная автором функциональная типология архитектурных памятников дала возможность выявить в архитектурных формах социальное содержание, раскрыть их семантику. В. П. Даркевич завершил работу над плановой темой «Народная культура средневековья: Пародия в литературе и изобразительном искусстве XII—XVI вв.» Автор воссоздает смеховую, пародийную сторону средневековой культуры, рассматривает ее как «оборотную» сторону официальной клерикальной культуры. В. П. Дарке-

вич приходит к выводу, что средневековая пародия охватывала все стороны жизни: священные сюжеты и религиозные обряды и таинства, куртуазные обычаи рыцарства, быт различных слоев общества.

А. В. Чернецов завершил работу над темой «Древнерусские амулеты-змеевики», которая велась Т. В. Николаевой и осталась незаконченной в связи со смертью исследовательницы. Создана типология змеевиков, рассмотрено их значение как памятников, сочетающих канонический христианский мотив с нехристианским, связанным по происхождению с античной мифологией. Материал ярко характеризует сложность средневековой культуры. В рамках этого же направления ведут исследования А. А. Медынцева, плановая тема которой «Надписи на произведениях прикладного искусства древней Руси IX—XIII вв.», и М. А. Сабурова, тема которой «Женский костюм в древней Руси».

Сотрудники отдела занимаются активными полевыми исследованиями. Прикарпатская экспедиция (начальник И. П. Русанова) вела раскопки уникального культового памятника — городища-святилища Крутилов у с. Збруч. Открыты площадки для жертвоприношений и культовые сооружения с человеческими жертвами. Владимиро-Суздальская экспедиция (начальник М. В. Седова) продолжала полевые исследования во Владимирской обл. Основным объектом раскопок оставался Суздаль, отряды экспедиции вели раскопки в Муроме, Гнездилове и Новоселках. Саяно-Алтайский отряд (начальник И. Л. Кызласов) вел исследование средневековых памятников на территории Хакасии. Новгородская экспедиция (заместитель начальника П. Г. Гайдуков) продолжала раскопки жилых кварталов средневекового Новгорода. Основным объектом оставался Троицкий раскоп. Онежско-Сухонская экспедиция (начальник Н. А. Макаров) исследовала средневековые поселения и могильники в Вологодской и Архангельской областях. Волго-Окская экспедиция (начальник А. Е. Леонтьев) проводила раскопки средневекового Ростова. Исследованы культурные напластования X—XII вв. в центральной части средневекового города. Верхнеднепровская экспедиция (начальник С. С. Ширинский) исследовала курганы у д. Сельцо в Ярцевском р-не Смоленской обл. Постзарубинецкий отряд Раннеславянской экспедиции (начальник А. М. Обломский) вел разведки и раскопки поселений III—VIII вв. на территории Белгородской обл. Черняховский отряд той же экспедиции (начальник А. В. Кропоткин) исследовал памятники черняховской культуры в Белгородской обл. Звенигородская экспедиция (начальник А. А. Юшко) исследовала средневековый Звенигород и поселения IX—XI вв. в Подольском р-не Московской обл. Днепро-Двинская экспедиция (начальник Л. В. Алексеев) продолжала раскопки средневекового Мстиславля. Болгарский отряд Поволжской экспедиции (начальник М. Д. Полубояринова) работал в средневековом Болгаре. Витебский отряд (начальник З. М. Сергеева) проводил разведки средневековых памятников в Витебской обл. Клин-Ярская экспедиция (начальник В. С. Флеров) вела охранные раскопки могильников кобанской культуры и раннесредневекового времени в окрестностях Кисловодска.

В 1985—1986 гг. состоялось 51 заседание отдела. Заслушаны доклады по законченным плановым темам, ежегодные краткие отчеты о полевых исследованиях. Обсуждены и рекомендованы к защите докторские диссертации П. Ф. Лысенко, В. Ф. Старкова, В. К. Михеева и М. Б. Мужухоева, кандидатские диссертации Л. Н. Гавриловой, В. А. Кригера, Н. В. Жилиной, А. М. Спиридонова, Н. Г. Артемьевой. Активно функционировал методологический семинар отдела. На семинаре заслушаны доклады С. А. Плетневой «Земледельцы и кочевники», В. А. Бунова «Община в древнем Новгороде», Б. А. Тимощука «Социальная структура древнерусского города», А. А. Юшко «Проблема феодального землевладения Московской земли в свете положений классиков марксизма о феодализме», Д. А. Беленькой «Признаки посада на примере Великого посада Москвы», А. В. Кропоткина «К вопросу о социальной структуре черняховского общества».

Среди работ, вышедших из печати в 1985—1986 гг., следует отметить том Археологии СССР «Древняя Русь: Город, замок, село», ответственным редактором которого был Б. А. Колчин. Основные авторы этой книги — сотрудники отдела А. В. Куза, В. П. Даркевич, А. В. Чернецов, редактирование и подготовка тома к печати на завершающем этапе проведены А. В. Чернецовым. Это обобщающее исследование, воссоздающее на материале археологических раскопок динамичную картину исторического развития древней Руси. Реконструируются этапы развития основных отраслей древнерусской экономики: земледелия, ремесла, добывающих промыслов, торговли. Комплексно изучены военное дело и транспорт, быт, искусство и культура. Рассмотрены типы древнерусских поселений: города, малые военно-административные центры, укрепленные феодальные усадьбы-замки, сельские поселения.

В монографии Т. И. Макаровой «Черневое дело древней Руси» исследуются происхождение искусства чернения по золоту и серебру, развитие его в различных древнерусских центрах, специфические особенности, характеризующие различные школы.

Альбом «Резные посохи XV в.», автором которого является А. В. Чернецов, посвящен выдающимся произведениям русского прикладного искусства — резным посохам Ивана III и митрополита Геронтия. Автор анализирует богатый зооморфный декор посохов, символику изображений и связанные с ними идеологические представления.

В различных периодических и сериальных изданиях сотрудники отдела опубликовали более 110 статей и заметок.

За цикл работ по средневековой истории кочевых народов Евразии заведующей отделом славяно-русской и средневековой археологии С. А. Плетневой присуждена в 1986 г. Государственная премия СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН — Библиотека Академии наук СССР
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГАКО — Государственный архив Калининской обл.
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАО — Известия Археологического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРИМ — Императорский Российский исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИС — Новгородский исторический сборник
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИС — Русский исторический сборник
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
SMYA — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. В. Седов.</i> Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979—1985 гг.	3
<i>Н. В. Лопатин.</i> Тушемля, Демидовка, Колочин: О соотношении керамики верхних слоев	9
<i>Б. А. Тимощук.</i> Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ	15
<i>В. И. Завьялов.</i> О региональных различиях в восточноевропейском кузнечном ремесле X—XIV вв.	20
<i>Е. А. Рябинин.</i> Ножны и литые рукояти ножей северо-западных районов Руси	25

Публикации

<i>Е. Н. Носов, А. В. Плохов.</i> Поселение Холопий городок под Новгородом	34
<i>П. Д. Малыгин.</i> Культурный слой средневекового Торжка	42
<i>Л. Н. Большаков, В. П. Коваленко, П. А. Раппопорт.</i> Новые данные о памятниках древнего зодчества Чернигова и Новгорода-Северского	51
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Жилые и хозяйственные постройки городов Черной Руси	57
<i>А. Н. Хохлов.</i> Комплекс древнерусских памятников у д. Посады на р. Медведица	62
<i>В. А. Лапшин.</i> Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем	66
<i>Э. М. Сергеева.</i> Изучение курганов в окрестностях Освейского озера	71
<i>И. Ф. Никитинский.</i> Грунтовые могильники в священных рощах-«кустах» на Кокшенге и Сухоне	74
<i>Н. А. Лобанов.</i> Некоторые бытовые находки из Пскова	80
<i>Д. И. Фоняков.</i> Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Торопца	85
<i>М. Е. Васильев, И. Е. Васильев.</i> Городище Ладино	91
<i>О. В. Овсянников.</i> Архангельский деревянный «город» XVI—XVII вв.	92

Хроника

<i>Н. А. Макаров.</i> Отдел славяно-русской и средневековой археологии в 1985—1986 гг.	98
--	----

Научное издание
Славяно-русская археология
КСИА. Вып. 195

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор И. Д. Богачев.
Технический редактор Т. А. Калинина. Корректор В. Г. Петрова

ИБ № 39107

Сдано в набор 23.02.89. Подписано к печати 20.04.89.
Формат 70×108^{1/16} Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,10 Усл. кр. отг. 9,45 Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 1850 экз. Тип. зак. 4835 Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6